

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
науки*

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА
МАТЕРИ У МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА И
ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕТОДИКИ

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН, ЗАКЛЮЧИВШИХ
БРАК С ИНОСТРАНЦАМИ

2022 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. – д-р психол. наук, доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. – к. псх. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. – д. псх. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. – д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. – д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. – д-р психол. наук, координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. – д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. – д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2022. – № 4. – 150 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences”
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Dr. Sci. (Psychology), Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73333

**Index of series «Psychology» according to the
Union catalog «Press of Russia» 40717**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the sites of the Moscow Region State University (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2022. – no. 4. – 150 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

sites: www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Зекерьяев Р. И.* Психологические особенности ценностных ориентаций личности, склонной к асоциальному поведению в интернет-пространстве. 7
- Крюкова Е. А.* Диапазон эквивалентности как эмоционально-стилевой компонент принятия решений 18
- Максудов М. Ю., Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Селезнев В. Н., Чистоходова Л. И.* Психотехники развития эмоциональной устойчивости специалистов социномических профессий 29

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Гильяно А. С., Баранова Е. М.* Формирование профессионального мышления студентов колледжа 41
- Делибоженко Е. А., Мишина М. М.* Эмоциональное выгорание и удовлетворённость трудом врачей после продолжительной работы в ковид-госпитале 60

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Камзина О. А.* Психосемантическое исследование образа матери у молодых матерей ... 75
- Колобова С. В.* Жизнестойкость и смысложизненные ориентации пожилых людей, проживающих в районах ведения боевых действий 89
- Миронова О. И., Руонала Л. А.* Тип привязанности как фактор социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами. 101
- Степанова Н. А.* Методика изучения свободы человека: теоретическое обоснование интегративного подхода и психометрические показатели методики 113
- Чибисова М. Ю., Белая А. К.* Представления православных о помогающих фигурах. ... 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Шульга Т. И.* Рецензия на книгу: Личностные факторы развития субъекта учения / Е. Д. Божович, А. С. Буга, Г. А. Вайзер, О. А. Москвитина, С. В. Персиянова, Т. Г. Раевская, О. Д. Черкасова, А. С. Шаповал; под ред. Е. Д. Божович. М.; СПб.: Нестор-история, 2020. 368 с., ил. 146

CONTENTS

Editor's Column. 6

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- R. Zekeriaev.** Psychological Features of the Value Sphere of a Person Predisposed to Asocial Behavior in the Internet Space 7
- E. Kryukova.** The Range of Equivalence as an Emotional and Stylistic Component of Decision Making. 18
- M. Maksudov, A. Bulgakov, E. Bulgakova, V. Seleznev, L. Chistokhodova.** Psychotechnics of Emotional Stability Development Among Specialists of Socionomic Professions 29

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- A. Gilyano, E. Baranova.** Formation of College Students' Professional Thinking 41
- E. Delibozhenko, M. Mishina.** Emotional Burnout and Job Satisfaction of Doctors After Prolonged Work in the Covid-Hospital 60

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- O. Kamzina.** Psychosemantic Study of the Image of the Mother Among Young Mothers . . . 75
- S. Kolobova.** Resilience and Life-Meaning Orientations of Elderly People Living in Combat Areas 89
- O. Mironova, L. Ruonala.** Type of Attachment as a Factor of Socio-Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. 101
- N. Stepanova.** Methods of Studying Human Freedom: Theoretical Justification of the Integrative Approach and Psychometric Indicators of the Methodology 113
- M. Chibisova, A. Belaya.** Orthodox Believers' Representations About Assistant Figures. . . 132

ACADEMIC LIFE

- T. Shulga.** Review on «Personal Factors of the Subject of the Doctrine Development» / E. D. Bozhovich, A. S. Buga, G. A. Vayser, O. A. Moskvitina, S. V. Persiyanova, T. G. Raevskaya, O. D. Cherkasova, A. S. Shapoval / Ed. By E. D. Bozhovich, M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 368 p., ill. 146

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые коллеги!

От имени редколлегии журнала «Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки» и главного редактора от всей души поздравляем всех Вас с наступающим Новым 2023 годом!

Хотим пожелать исполнения самых смелых задумок и желаний, достижения всех целей и планов. Пусть в доме будут мир, забота, поддержка, взаимопонимание, радость и счастье! Здоровья, добра, гармонии, позитива и всего наилучшего!

Очень надеемся, что 2023 год станет счастливым для Вас, непременно принесёт много светлых и радостных событий!

Пусть каждый день будет наполнен добром и чудесами!

Пусть он принесёт счастье, гармонию и равновесие, которые именно сейчас так необходимы всем нам.

Желаем профессиональных успехов, творческих идей и вдохновения: пусть сбывается всё задуманное, каким бы смелым оно ни было! Не оставляйте своих стремлений, не теряйте себя и помогайте другим! Продолжайте верить, что за любыми грозowymi тучами всегда есть чистое голубое небо и светит Солнце!

Редколлегия выражает искреннюю признательность всем нашим уважаемым авторам за высокий профессионализм и мастерство, за открытость и готовность поделиться своими исследованиями в нашем журнале. Мы надеемся, что наше взаимодействие продолжится в Новом 2023 году и появятся новые авторы с оригинальными статьями!

*Главный редактор журнала «Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки»
доктор психологических наук, профессор Т. И. Шульга*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-7-17

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К АСОЦИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Зекерьяев Р. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель. Определение психологических особенностей ценностных ориентаций личности, склонной к асоциальному поведению в интернет-пространстве.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 60 интернет-пользователей в возрасте от 18 до 35 лет. Использовались следующие методы: констатирующий эксперимент (методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой, авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве»); методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021.

Результаты. Доказано, что у личности, склонной к асоциальному поведению в интернет-пространстве, выражены ценностные ориентации на «высокий социальный статус, управление людьми и признание» и «уважение людей и влияние на окружающих».

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса интернет-социализации личности в возрасте 14–18 лет.

Ключевые слова: асоциальное поведение, интернет-пользователь, интернет-пространство, ценностная сфера, ценностные ориентации

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE VALUE SPHERE OF A PERSON PREDISPOSED TO ASOCIAL BEHAVIOR IN THE INTERNET SPACE

R. Zekeriaev

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
per. Uchebnyy 8, Simpheropol 295015, Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract

Aim. Determination of the psychological characteristics of the value orientations of a person prone to asocial behavior in the Internet space.

Methodology. The study involved 60 Internet users aged from 18 to 35 years. During the study following methods were used: ascertaining experiment (method «Diagnostics of the real structure of value orientations of a person» by S. S. Bubnova, the author's research questionnaire «Orientation of a person's behavior in the Internet space»); methods of statistical data processing (Mann-Whitney U test, correlation analysis). During the study the application software SPSS 22.0 and MS Excel 2021 was used.

Results. It is proved that there is a relationship between the level of asocial behavior of a person in the Internet space and the severity of its value orientations such as «high social status and management of people and recognition» and «respect from people and influence on others».

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists in accompanying the process of Internet socialization of the person aged 14–18 years.

Keywords: asocial behavior, Internet user, Internet space, value sphere, value orientations.

Введение

Современный мир характеризуется всё большим вхождением человека в сеть Интернет. Виртуальный мир не только расширяет жизненное пространство личности, но и, будучи социокультурной средой, является ещё одним институтом её социализации. Такие свойства, присущие интернет-пространству, как анонимность, бестелесность, физическая непредставленность, коммуникативные особенности способствуют формированию ряда феноменов, разрушающих конструктивное социальное взаимодействие в виртуальной среде: флейму, троллингу, кибербуллингу, спаму и т. д. Вместе с этим остаётся открытым вопрос о ценностных ориентациях, которые при её переходе в социокультурную среду сети Интернет способствуют возникновению склонности к асоциальному поведению.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Проблеме асоциального поведения в сети Интернет посвящено большое количество современных исследований.

Учёные, описывая виртуальную агрессию, отмечали, что она является формой девиантного поведения. По их мнению, сетевым агрессорам свойственны безразличность по отношению к жертве, стремление нарушать социальные нормы и ценности, общая деструктивность способов общения. При этом сетевая агрессия зачастую оказывает негативное влияние на жертв, вызывая у них сильные отрицательные эмоции и суицидальные мысли, а также способствуя формированию психических расстройств. Акты виртуальной агрессии могут быть последствием виртуализации защитных

механизмов личности. В процессе такого асоциального поведения агрессор временно нивелирует неудовлетворённость собственной жизнью и снижает накал негативных эмоций, транслируя агрессию на интернет-пользователей, играющих роль замещающих фигур. При этом у агрессора происходит восстановление собственной самооценки за счёт разрушения чужой. По мнению исследователей, агрессивное поведение может быть характерно для личностей с психическими расстройствами, которые через него экстернизируют собственные внутриличностные конфликты и тем самым не дают развиваться саморазрушающим тенденциям [7; 11].

Ряд исследователей, изучая троллинг как форму асоциального поведения в сети Интернет, определяли его как процесс провокации и эскалации конфликтных ситуаций в виртуальном пространстве. Отмечалось, что «тролли», как правило, стремятся нарушить конструктивный формат социального взаимодействия и «втянуть» других пользователей сети Интернет в дискуссии, отличающиеся непродуктивностью и бесполезностью. При этом, по мнению учёных, сами тролли редко прибегают к обсценной лексике, а их коммуникационный стиль не содержит в себе агрессию. Исследователи также отмечали, что для «тролля» важным является привлечение внимания к собственной персоне, при этом характер этого внимания (поддерживающий или осуждающий) для агрессора не имеет значения. Таким образом, троллинг – это форма виртуальной агрессии, при которой злоумышленник намеренно провоцирует возникновение негативных эмоциональных реакций

и конфликтов в сети Интернет с целью вызвать дестабилизацию виртуальных социумов [2; 3; 18; 21].

Ещё одной формой асоциального поведения в виртуальной среде, по мнению исследователей, является кибербуллинг, который представляет собой систематическую травлю агрессором жертвы в интернет-пространстве. Учёными был выявлен ряд психологических особенностей кибербуллинга, к которым можно отнести большое количество и обезличенность свидетелей агрессивных нападков; отсутствие наказания за совершаемые агрессором действия; возможность непрерывного преследования жертвы; слабая контролируемость действий и, как следствие, чрезмерно высокое давление со стороны агрессора; возможность преследования одновременно в нескольких сетевых сообществах. По мнению учёных, кибербуллинг может приобретать различные формы, в том числе: киберотчуждение (исключение человека из социальной среды и публичное игнорирование), клевета (распространение заведомо неправдивой информации, порочащей честь и достоинство жертвы), выманивание личной информации и затем её публичное размещение, создание ложных страниц с именем жертвы и осуществление негативной коммуникации через них [5; 10; 13; 20; 22; 23].

Учёные в процессе исследования феномена асоциального поведения в интернет-пространстве выделяли также флейм, который описывали как способ деструктивного обмена мнениями, который характеризуется неожиданным началом, уходом от первоначальной темы беседы и переходом на личности. Как правило, флейм носит конфликто-

генный характер и изначально создаётся для разрушения конструктивности беседы в виртуальных сообществах. Провокаторы флейма зачастую стремятся не столько оскорбить какого-то конкретного участника сетевого взаимодействия, сколько вовлечь в конфликт как можно большее количество участников. Также возможны случаи, когда флейм не содержит в себе конфликтный полилог, но даже в таком случае беседа характеризуется низкой смысловой связностью, грубым и обценным форматом и стремлением участников к самопрезентации [6; 12; 19].

Признавая актуальность и значимость существующих исследований, можно отметить, что они в основном нацелены на описание феномена асоциального поведения в интернет-пространстве и его причин, связанных с особенностями виртуальной среды. При этом малоизученным остаются детерминанты асоциального поведения, заключающиеся в личностных особенностях пользователей сети Интернет. Одними из таких детерминант являются ценностные ориентации, которые выступают не только призмой восприятия виртуальной реальности, но и регулятором социального взаимодействия в ней.

Ряд исследователей, изучая ценностные ориентации личности современной молодёжи, отмечал, что они представляют собой сложную систему, в которой могут обнаруживаться одновременно противоречивые представления. Данное явление учёные объясняли существованием множества источников нравственной регуляции, несущих в себе различные понимания и оценивания одних и тех

же явлений окружающей реальности. К ним исследователи относили экономические, социальные, политические и духовные факторы. Учёные отмечали, что данные факторы представляют собой системы воспитания, которые призваны сознательно оказывать воздействие на личность с целью сформировать у неё различные взгляды, убеждения, поведенческие паттерны [1; 17].

По мнению исследователей, ценностные ориентации молодёжи являются динамичными и отражают глобальные изменения, происходящие в обществе и человеческом взаимодействии. Они формируются на основе оценочных суждений личности по отношению к себе, окружающим и миру в целом. Так, ценностные ориентации представляют собой некую направленность личности, её жизненные стремления, активность, особенности взаимоотношений, которые определяют характер совершаемых поступков и действий. При этом, будучи отражёнными в сознании личности мировоззренческими ориентирами, они также могут выступать целью человеческой деятельности. Ценностные ориентации также являются социокультурными стандартами, опираясь на которые, человек формирует нормы социального взаимодействия. [4; 14].

Исследователи отмечали, что ценностные ориентации могут выступать в роли связующего звена между внутренним миром человека и окружающей его реальностью. При этом они могут характеризоваться рядом таких особенностей как социальность (ценности интериоризируются личностью из норм социума), осознанность (ценности участвуют в формировании мотивационной сферы и, как следствие,

деятельности), целевая направленность (ценности отражают отношение личности к целям её деятельности) [8; 16].

При этом открытым остаётся вопрос о том, как ценностные ориентации личности могут проявляться при переходе из реального пространства в социокультурное пространство сети Интернет. Виртуальная реальность открывает для пользователя большое количество новых возможностей в плане социального взаимодействия. При этом детерминированность поведенческих особенностей и характер их проявления по-прежнему остаётся связан и с ценностными ориентациями личности.

Представление результатов исследования

В исследовании приняли участие 60 интернет-пользователей в возрасте от 18 до 35 лет. Использовались следующие методы: констатирующий эксперимент (методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой [15], авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве» [9]); методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021.

В ходе исследования было обнаружено, что в выборке присутствуют респонденты с низким, средним и высоким уровнями коэффициента по шкале «Асоциальное поведение в интернет-пространстве» авторского исследовательского опросника «Направленность поведения личности

в интернет-пространстве». В дальнейшем респонденты с низким и средним уровнем (15 и 22 человека соответственно) были отнесены в группу несклонных к асоциальному поведению (т. к. они следуют правилам и нормам сетевых сообществ и их социальное взаимодействие не носит деструктивный характер). Респонденты с высоким уровнем (21 человек) отнесены в группу склонных к асоциальному поведению (т. к. для них характерны систематическое пренебрежение правилами социального взаимодействия и осуществление актов агрессивного поведения в адрес других интернет-пользователей).

Было обнаружено, что у респондентов, склонных к асоциальному поведению в интернет-пространстве, существуют отличия в выраженности ценностных ориентаций по сравнению с респондентами, не склонными к асоциальному поведению (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что для респондентов, склонных к асоциальному поведению в интернет-пространстве, представляют значимость такие ценности как «высокий социальный статус и управление другими людьми» и «признание и уважение людей и влияние на окружающих». Данное явление может быть объяснено тем, что асоциальное поведение в виртуальном пространстве позволяет завоевать статус среди других пользователей сети Интернет, а также даёт возможность влиять на эмоциональное состояние окружающих путём провокации массовых конфликтов или совершения агрессивных нападок в адрес отдельных жертв.

Достоверность существования различий в проявлении данных ценно-

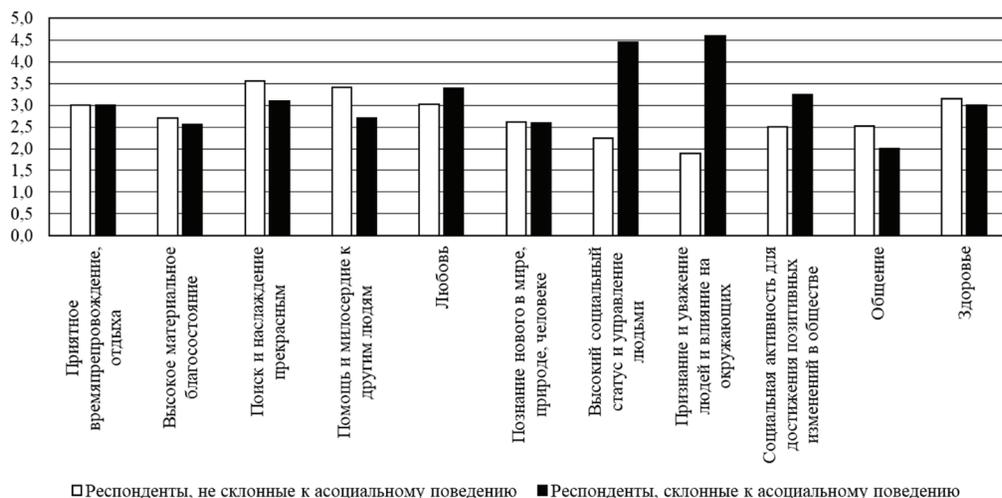

Рис. 1 / Fig. 1. Ценностные ориентации личностей, склонных к асоциальному поведению в интернет-пространстве / Value orientations of a person, prone to asocial behavior in the Internet Space

Источник: данные автора.

стей у групп респондентов, склонных и не склонных к асоциальному поведению в интернет-пространстве, была статистически обоснована с помощью U-критерия Манна-Уитни (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что у группы респондентов с асоциальным поведе-

нием в интернет-пространстве существуют различия в проявлении таких ценностей, как «высокий социальный статус и управление другими людьми» ($U_{эмп} = 92,5; p < 0,05$) и «признание и уважение людей и влияние на окружающих» ($U_{эмп} = 64,0; p < 0,05$).

Статистические критерии^а

	Высокий социальный статус и управление людьми	Признание и уважение людей и влияние на окружающих
U Манна-Уитни	92,500	64,000
W Вилкоксона	833,500	805,000
Z	-4,787	-5,251
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,000	,000

а. Группирующая переменная: Группа

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты статистического обоснования существования различий в шкалах «высокий социальный статус и управление людьми» и «признание и уважение людей и влияние на окружающих» / The results of the statistical substantiation of differences in the scales “high social status and management of people” and “recognition and respect for people and influence on others”.

Источник: данные автора.

В ходе исследования для определения существования связи между уровнем асоциального поведения личности в виртуальном пространстве и выраженностью её ценностных ориентаций был использован корреляционный анализ Пирсона (рис. 3).

Корреляции

		Уровень асоциального поведения
Уровень асоциального поведения	Корреляция Пирсона	1
	Знач. (двухсторонняя)	
	N	58
Приятное времяпрепровождение, отдыха	Корреляция Пирсона	-,023
	Знач. (двухсторонняя)	,866
	N	58
Высокое материальное благосостояние	Корреляция Пирсона	-,024
	Знач. (двухсторонняя)	,857
	N	58
Поиск и наслаждение прекрасным	Корреляция Пирсона	-,087
	Знач. (двухсторонняя)	,514
	N	58
Помощь и милосердие к другим людям	Корреляция Пирсона	-,115
	Знач. (двухсторонняя)	,392
	N	58
Любовь	Корреляция Пирсона	,094
	Знач. (двухсторонняя)	,481
	N	58
Познание нового в мире, природе, человеке	Корреляция Пирсона	-,083
	Знач. (двухсторонняя)	,536
	N	58
Высокий социальный статус и управление людьми	Корреляция Пирсона	,713**
	Знач. (двухсторонняя)	,000
	N	58
Признание и уважение людей и влияние на окружающих	Корреляция Пирсона	,721**
	Знач. (двухсторонняя)	,000
	N	58
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	Корреляция Пирсона	,076
	Знач. (двухсторонняя)	,573
	N	58
Общение	Корреляция Пирсона	-,118
	Знач. (двухсторонняя)	,379
	N	58
Здоровье	Корреляция Пирсона	,033
	Знач. (двухсторонняя)	,804
	N	58

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Рис. 3 / Fig 3. Результаты изучения связи между уровнем асоциального поведения личности и выраженностью её ценностных ориентаций / The results of studying the relationship between the level of asocial behavior of a person and the severity of its value orientations

Источник: данные автора.

Из рисунка 3 видно, что существует прямая сильная связь между уровнем асоциального поведения личности в интернет-пространстве и выраженностью у неё таких ценностей, как «высокий социальный статус и управление другими людьми» ($r = 0,713$) и «признание и уважение людей и влияние на окружающих» ($r = 0,721$).

Существование различий в выраженности данных ценностей у групп респондентов, склонных и не склонных к асоциальному поведению, может быть объяснено тем, что асоциальное поведение в виртуальном пространстве позволяет завоевать статус среди других пользователей сети Интернет, а также даёт возможность влиять на эмоциональное состояние окружающих путём провокации массовых конфликтов или совершения агрессивных нападок в адрес отдельных жертв.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что асоциальное поведение личности в интернет-пространстве представляет собой отчётливую проблему. Жертвы «флеймеров», «кибербуллеров» и «троллей» зачастую не могут совладать с направленной против них агрессией, в связи с чем неизбежно ухудшается их психическое и физическое здоровье. Несмотря на большое ко-

личество существующих исследований, посвящённых асоциальному поведению в сети Интернет, можно отметить, что они нацелены на описание самого феномена вне его связи с личностными особенностями сетевых агрессоров.

В ходе исследования были определены психологические особенности ценностных ориентаций личности, склонной к асоциальному поведению в интернет-пространстве. Было обнаружено, что для таких респондентов свойственна высокая значимость таких ценностей, как «высокий социальный статус и управление другими людьми» и «признание и уважение людей и влияние на окружающих», проявляющаяся в стремлении завоевания социального положения и влияния на эмоциональное состояние других интернет-пользователей. Таким образом, можно предположить, что если в структуре ценностных ориентаций личности высокой значимостью обладают стремление управлять другими людьми, высокий социальный статус, признание, то при переходе её в виртуальное пространство существует риск формирования асоциальных поведенческих паттернов, разрушающих социальное взаимодействие и наносящее вред другим пользователям сети Интернет.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматалиев А. Т. Духовная культура как фактор формирования и развития ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Фрунзе, 1985. 16 с.
2. Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 47–54.
3. Акулич М. М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 3. С. 30–37.
4. Вискова Т. А., Малышев К. Б. Исследование ценностных ориентаций студентов Вологодского государственного университета // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 2 (107). С. 128–137.

5. Воробьева К. А. Особенности невротизации у подростков, вовлечённых в ситуацию буллинга // Мир образования – образование в мире. 2021. № 1 (81). С. 155–163.
6. Гайдукова И. Б. Этические проблемы интернет-коммуникаций // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 4 (7). С. 13–16.
7. Дозорцева Е. Г., Кирюхина Д. А. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1 (50). С. 80–87.
8. Ерина И. А., Абдуллаева Н. И. Ценностные ориентации в аспекте гендерной идентичности студенческой молодёжи // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 22–31.
9. Зекерьяев Р. И. Стандартизация опросника «Направленность поведения личности в интернет-пространстве» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 3. С. 52–56.
10. Капаева С. И. Психологические аспекты кибербуллинга // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2022. № 1. С. 95–101.
11. Кирюхина Д. В. Кибербуллинг среди молодых пользователей социальных сетей // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 53–59.
12. Лутовинова О. В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 170–173.
13. Погожина И. Н., Рекун О. С. Как связаны вовлечённость в ситуации кибербуллинга с коммуникативной компетентностью и уровнем морального развития интернет-пользователей? // Мир психологии. 2022. № 1 (108). С. 71–81.
14. Пономарева Е. Ю. Ценностные ориентации в структуре индивидуальности обучающихся высшей школы // Гуманитарные науки. 2022. № 2 (58). С. 149–153.
15. Пыстогова Н. А. Изучаем ценностные ориентации: методические рекомендации для педагогов образовательных учреждений и студентов педагогических ВУЗов. СПб.: Гимназия № 227 Санкт-Петербурга, 2018. 55 с.
16. Ромашова Л. О. Факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций молодёжи // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 3. С. 38–44.
17. Рудица Н. Б., Камшебаев Д. Г. Формирование ценностных ориентаций молодежи // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2015. № 3. С. 80–82.
18. Халфина Р. Р. Агрессия подростков в интернете: троллинг и кибербуллинг // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 3. С. 349–354.
19. Шелегин П. Е. Флейм как конфликтный полилог и его жанровая принадлежность // *Linguistica juvenis*. 2015. № 17. С. 103–111.
20. Chibbaro J. S. School counselors and the cyberbully: interventions and implications // *Professional School Counseling*. 2007. Vol. 11 (1). P. 65–67.
21. Diaz F. L. Trolling & the First Amendment: Protecting Internet Speech in the Era of Cyberbullies & Internet Defamation // *University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy*. 2016. № 1. P. 135–160.
22. Kowalski R. M., Limber S. P. Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying // *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol. 53. P. 513–520.
23. Willard N. E. *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign: Research Press, 2007. 320 p.

REFERENCES

1. Akmataliev A. T. *Duhovnaya kul'tura kak faktor formirovaniya i razvitiya cennostnykh orientacij lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Spiritual culture as a factor in the formation and development of value orientations of the individual: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Frunze, 1985. 16 p.
2. Akulich M. M. [Internet trolling: concept, content and forms]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University]. 2012, no. 8, pp. 47–54.
3. Akulich M. M. [Trolling in social networks: emergence and development]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2012, no. 3, pp. 30–37.
4. Viskova T. A., Malyshev K. B. [Study of value orientations of students of the Vologda State University]. In: *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2022, no. 2 (107), pp. 128–137.
5. Vorobyeva K. A. [Peculiarities of neurotization of adolescents involved in a situation of bullying]. In: *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [World of education – education in the world], 2021, no. 1 (81), pp. 155–163.
6. Gajdukova I. B. [Ethical problems of Internet communications]. In: *Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian science and education today: problems and prospects], 2015, no. 4 (7), pp. 13–16.
7. Dozorceva E. G., Kiryuhina D. A. [Cyberbullying and tendency to adolescents' deviant behavior]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2020, no. 1 (50), pp. 80–87.
8. Erina I. A., Abdullaeva N. I. [Value orientations in the aspect of gender identity of student youth]. In: *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world], 2021, no. 4, pp. 22–31.
9. Zekeriyaev R. I. [Standardization of the questionnaire “Orientation of personality behavior in the Internet space”]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition], 2022, no. 3, pp. 52–56.
10. Kapaeva S. I. [Psychological aspects of cyberbullying]. In: *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu* [Intellectual resources for regional development], 2022, no. 1, pp. 95–101.
11. Kiryuhina D. V. [Cyberbullying among young users of social networks]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2019, vol. 8, no. 3, pp. 53–59.
12. Lutovinova O. V. [Genre speech activity of a linguistic personality in virtual discourse]. In: *Iniciativy XXI veka* [Initiatives of the XXI century], 2012, no. 3, pp. 170–173.
13. Pogozhina I. N., Rekun O. S. [How is the involvement in cyberbullying related to the communicative competence and the level of moral development of Internet users?]. In: *Mir psihologii* [World of psychology], 2022, no. 1 (108), pp. 71–81.
14. Ponomareva E. Yu. [Value orientations in the structure of the individuality of higher school students]. In: *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2022, no. 2 (58), pp. 149–153.
15. Pystogova N. A. *Izuchaem cennostnye orientacii: metodicheskie rekomendacii dlya pedagogov obrazovatel'nykh uchrezhdenij i studentov pedagogicheskikh VUZov* [We study value orientations: guidelines for teachers of educational institutions and students of pedagogical universities]. St. Petersburg, Gymnasium No. 227 of St. Petersburg Publ., 2018. 55 p.
16. Romashova L. O. [Factors influencing the formation of value orientations of youth]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge], 2021, no. 3, pp. 38–44.

17. Rudica N. B., Kamshebaev D. G. [Formation of value orientations of youth]. In: *Vestnik Innovacionnogo Evrazijskogo universiteta* [Bulletin of the Innovative Eurasian University], 2015, no. 3, pp. 80–82.
18. Halfina R. R. [Aggression of adolescents on the Internet: trolling and cyberbullying]. In: *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of Bashkir University], 2019, vol. 4, no. 3, pp. 349–354.
19. Shelegin P. E. [Flame as a conflict polylogue and its genre affiliation]. In: *Linguistica juvenis*, 2015, no. 17, pp. 103–111.
20. Chibbaro J. S. School counselors and the cyberbully: interventions and implications. In: *Professional School Counseling*, 2007, vol. 11 (1), pp. 65–67.
21. Diaz F. L. Trolling & the First Amendment: Protecting Internet Speech in the Era of Cyberbullies & Internet Defamation. In: *University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy*, 2016, no. 1, pp. 135–160.
22. Kowalski R. M., Limber S. P. Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying. In: *Journal of Adolescent Health*, 2013, vol. 53, pp. 513–520.
23. Willard N. E. *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, Research Press, 2007. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович – кандидат психологических наук, преподаватель кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev – Cand. Sci. (Psychology), Lecturer, the Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;

e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зекерьяев Р. И. Психологические особенности ценностных ориентаций личности, склонной к асоциальному поведению в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 7–17.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-7-17

FOR CITATION

Zekeriaev R. I. Psychological features of the value sphere of a person predisposed to asocial behavior in the Internet space. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 7–17.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-7-17

УДК

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-18-28

ДИАПАЗОН ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Крюкова Е. А.^{1,2}

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

² *Первый Московский государственный медицинский университет
имени И. М. Сеченова (Сеченовский университет)
119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, стр. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Апробация методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» для диагностики диапазона эквивалентности в эмоциональном пространстве (на лексическом материале) на российской выборке; выявление связей когнитивного стиля «Диапазон эквивалентности» (ДЭ) со стилями принятия решений, диагностируемыми по Мельбурнскому опроснику принятия решений (МОПР).

Процедуры и методы. Данное исследование включало в себя: создание и апробацию методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности»; валидизацию на русскоязычной выборке; выявление связей между шкалами методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» и шкалами Мельбурнского опросника принятия решений, опросника «Черты эмоционального и интеллекта» (ЧЭИ).

Результаты. Созданная методика «Эмоциональный диапазон эквивалентности» помогает измерять эмоционально-стилевые характеристики интеллектуально-личностного потенциала человека и позволяет включать эмоциональную сферу в изучение стилевой регуляции. Когнитивный стиль узкий диапазон эквивалентности характерен для людей с высоким самоконтролем согласно методике «Черты эмоционального интеллекта». Широкий диапазон эквивалентности положительно связан с непродуктивными стилями принятия решений, такими как избегание и прокрастинация (или копингами по «Мельбурнскому опроснику принятия решений»), поскольку отражает низкую дифференцированность осознания – вербализации эмоций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие инструментов, направленных на измерение эмоционально-стилевых характеристик интеллектуально-личностного потенциала человека в ситуации принятия решений.

Ключевые слова: диапазон эквивалентности, эмоциональный диапазон эквивалентности, стилевая регуляция, принятие решений, черты эмоционального интеллекта

THE RANGE OF EQUIVALENCE AS AN EMOTIONAL AND STYLISTIC COMPONENT OF DECISION MAKING

E. Kryukova

¹ *Lomonosov Moscow State University*

ul. Mohovaya, 11/9, Moscow, 125009, Russian Federation

² *First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov (Sechenov University)*

ul. Bolshaya Pirogovskaya, 2/4, Moscow Region, 125009, Russian Federation

Abstract

Aim. Approbation of the “Emotional range of equivalence” method for diagnosing the range of equivalence in the emotional space (on the lexical material) on the Russian sample; identification of links between the cognitive style “Equivalence range” and the decision-making styles, diagnosed by the Melbourne Decision-Making Questionnaire (MDMQ).

Methodology. This study included the creation and testing of the method “Emotional range of equivalence”; as well as validation on the Russian-speaking sample; identification of links between the scales of the “Emotional range of equivalence” method and the scales of the Melbourne Decision Making questionnaire, and the Traits of Emotional Intelligence questionnaire” (TEIQ).

Results. The created method “Emotional range of equivalence” helps to measure the emotional and style characteristics of the intellectual and personal potential of a person and allows you to include the emotional sphere in the study of style regulation. Cognitive style of narrow range of equivalence is characteristic of people with high self-control according to the Traits Emotional Intelligence questionnaire. A wide range of equivalence is positively associated with unproductive decision-making styles such as avoidance and procrastination (or copings according to the Melbourne Decision Making questionnaire), as it reflects low differentiation of consciousness associated with the verbalization of emotions.

Research implications. The results of the study contribute to the development of tools aimed at measuring the emotional and stylistic characteristics of a person’s intellectual and personal potential in a decision-making situation.

Keywords: range of equivalence, emotional range of equivalence, style regulation, decision making, emotional intelligence traits.

Введение

Эмоциональные состояния человека крайне разнообразны. Отсюда появляется одна из основных проблем психологии эмоций, заключающаяся в том, каким образом лучше описывать и классифицировать столь различные эмоциональные явления. Несмотря на большое количество исследований, эта проблема остаётся неразрешённой. Согласно А. Н. Леонтьеву, эмоции фиксируют значимость, «ставят задачу на

смысл» и отражают отношение мотива и деятельности [11]. Люди различаются как по глубине и широте проработки своих эмоций, так и по возможностям их вербализации.

Вербализация эмоций – своих и чужих – предполагает не только их идентификацию и понимание, но и осознание, что выступает не простой задачей в силу разной степени скрытости самих смысловых образований. Косвенным путём раскрытия особен-

ностей эмоциональной сферы может быть выявление связей её дифференцированности, проявляемой в вербальном опыте называния эмоций, со стилевой регуляцией принятия решений (ПР). С позиций теории множественной многоуровневой регуляции ПР, эмоциональная регуляция может входить в динамические регулятивные системы и подниматься на её верхние уровни [3; 7]. Показано, что эмоции включены в регуляцию ПР, проявляясь в предпочтениях выборов субъекта [5]. Идея разноуровневости стилевой регуляции уже была показана ранее в диссертации А. Ю. Разваляевой, исследовавшей рациональность и интуицию как личностные факторы принятия решений [13].

Настоящая работа направлена на то, чтобы предложить структуру, описывающую эмоциональное пространство, которая будет при этом основываться на эмпирических данных, собранных на русскоязычных испытуемых. Язык, на котором собираются данные, является важной особенностью построения моделей эмоционального пространства, потому что «эмоциональный лексикон того или иного языка и принятые в нём способы описания эмоций могут влиять на получаемые результаты» [12, с. 342].

В психологии выделяют стратегии и стили, которые в свою очередь могут пониматься как когнитивные стили, как стили мышления, стили принятия решений и др. Можно говорить о широте охвата понимания данной категории. Под стратегиями ПР также могут пониматься тенденции в ПР, которые, как показало недавнее исследование, интегративно связаны с выраженностью разных личностных свойств, вы-

ходящих на ведущие уровни, готовностью к риску, чертами Тёмной триады и др. [5].

Т. В. Корнилова и Г. В. Парамей анализируют конструкт КС с точки зрения американской и европейской традиции, делая акцент на культурной обусловленности подходов. Они заключают, что европейская традиция характеризуется большим вниманием к содержательным характеристикам КС, в то время как американские работы остаются в рамках корреляционного подхода и описывают связи КС с другими характеристиками. Общим в обеих традициях остаётся понимание КС как конструкта, который подразумевает взаимодействие познавательной и личностной составляющих человека, который сталкивается с ситуацией неопределённости, а также понимание того, что познавательные структуры не являются изолированными, они включены в личность человека, тем самым они задают устойчивость этому феномену [4]. Таким образом, представляется возможным проводить измерение стилей с помощью экспериментальных методик и опросников.

Мы ставим перед собой задачу изучить влияние и взаимосвязи стилевых компонентов ПР в ситуации принятия решения с помощью методики «Мельбурнский опросник принятия решений», которая даёт возможность диагностировать индивидуальные различия, на примере работы с эмоциональными стимулами. Созданная нами методика «Эмоциональный диапазон эквивалентности» позволяет включать эмоциональную сферу в изучение стилевой регуляции, предполагая, что на ведущий уровень могут выйти разные

составляющие интеллектуально- личностного потенциала, как его эмоциональные компоненты, так и стилевые. Категоризация эмоций может быть «мостиком» к включению индивидуального пространства представлений человека об эмоциях в его стилевую регуляцию.

Цели исследования:

1) апробация методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» для диагностики диапазона эквивалентности в эмоциональном пространстве (на лексическом материале) на российской выборке;

2) выявление связей когнитивного стиля «Диапазон эквивалентности» (ДЭ) со стилями принятия решений, диагностируемыми по Мельбурнскому опроснику принятия решений (МОПР).

Гипотезы:

1. Силевые характеристики принятия решений в методике «Эмоциональный диапазон эквивалентности» (Диапазон эквивалентности, общее количество групп) будут положительно связаны с характеристиками эмоционального интеллекта по опроснику «Черты эмоционального интеллекта» (благополучие, снижение самоконтроля, снижение эмоциональности, социальность).

2. Широкий диапазон эквивалентности будет связан с непродуктивными стилями ПР (или копингами по МОПР), поскольку будет отражать низкую дифференцированность осознания – вербализации эмоций.

3. При исследовании группы студентов с помощью методики свободной сортировки объектов Колги и более взрослых испытуемых с помощью методики «Эмоциональный диапазон

эквивалентности» студенты будут склонны к формированию большего количества групп при классификации объектов.

Метод

Схема исследования

Исследование было проведено в два этапа.

Этап 1. Создание методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» и её валидизация на русскоязычной выборке. Выявление связей между шкалами методики и шкалами опросника ЧЕИ.

Участники: 48 чел., средний возраст – 32 года, 10 мужчин и 28 женщин.

Процедура: Прототипом методики стала «Методика свободной сортировки объектов Колги». Создавался список слов, который бы смог описать разнообразие эмоциональных состояний человека. Для составления исходного списка использовались словари русского языка, классификации эмоций по [1; 14], а также опрос студентов относительно их эмоционального состояния, когда в ряде ситуаций решение принималось ими и за них другими людьми.

Было отобрано 645 существительных и прилагательных, в той или иной степени подходящих для описания эмоциональных состояний. Далее были удалены синонимы-прилагательные. Таким образом был получен новый вариант списка. Был сделан контент-анализ эмоциональных слов, и в результате был получен список из 70 слов. Важно было сделать список удобным для использования, чтобы он отражал разнообразное количество эмоций (приложение 1).

Для проверки конвергентной валидности методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» мы использовали опросник- Trait Emotional Quotient Short-Form – краткую версию опросника «Черты эмоционально интеллекта» – ЧЭИ [9]. Эмоциональный интеллект, по опроснику ЧЭИ, негативно связан с аутизмом, что говорит о специфических эмоциональных трудностях для лиц с высокими аутистическими чертами, а также положительно связан с чертами Большой пятёрки: экстраверсией, согласием и открытостью, и отрицательно – с нейротизмом [17]. ЭИ ниже у лиц со вторичным травматическим стрессом и эмоциональным выгоранием [15].

Более высокий балл по опроснику ЧЭИ связан с большим вниманием к позитивным эмоциональным стимулам (счастливые лица, позитивные социальные сцены), по сравнению с негативными и нейтральными стимулами, что может быть одним из способов, с помощью которого ЭИ обеспечивает защиту от стрессоров и укрепляет психическое здоровье [16]; а также с эмоциональной креативностью по опроснику ОЭК Дж. Эверилла [9].

Этап 2. Исследование стилевых показателей ПР (по МОПР) и их связи

с переменными показателями эмоционального пространства по методике «Эмоциональный диапазон эквивалентности».

Участники: 82 чел., средний возраст 34 года, 29 мужчин и 53 женщины.

Процедура: испытуемому давали колоду из карточек со словами и просили классифицировать их так, как он считает нужным, что к чему подходит, и дать название. В протоколе фиксировали название групп, количество групп, диапазон эквивалентности, на субъективные или общепринятые категории опирался испытуемый в своих ответах, количество групп, состоявших из одной карточки. Далее предлагали заполнить психодиагностическую методику – «Мельбурнский опросник принятия решений» (МОПР) [2].

При обработке данных и проверки эмпирических гипотез использовались методы, реализованные программой SPSS 21, методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента для двух независимых выборок, коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты

В таблице 1 представлены связи шкал опросника «Черты эмоционального интеллекта» и параметров мето-

Таблица 1 / Table 1

Матрица интеркорреляций шкал опросника «Черты эмоционального интеллекта» и методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» / The matrix of intercorrelations of the scales of the Trait emotional intelligence questionnaire and the Emotional range of equivalence method

Переменные	Снижение самоконтроля
Диапазон эквивалентности (узкий; широкий)	,240*
Кол-во групп	-,275*
возраст	-,238*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена.

дики «Эмоциональный диапазон эквивалентности».

По результатам корреляционного анализа установлено, что шкала «Снижение самоконтроля» как черта ЭИ отрицательно связана с количеством формируемых групп, т. е. у лиц с более низкими баллами по шкале «Снижение самоконтроля» представления об эмоциях более дифференцированы.

Когнитивный стиль «Широкий диапазон эквивалентности» положительно связан со шкалой «Снижение само-

контроля», т. е. у лиц с более высокими баллами по шкале «Снижение самоконтроля» шире диапазон эквивалентности (они создают мало групп и больший объём карточек с названиями эмоций). Возраст отрицательно связан со шкалой «снижение самоконтроля»: чем младше испытуемый, тем ниже самоконтроль.

В таблице 2 представлены связи параметров методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности с переменными опросника принятия решений МОПР».

Таблица 2 / Table 2

Матрица интеркорреляций шкал опросника «Мельбурнский опросник принятия решений» и методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» / Intercorrelation matrix of the scales of the Melbourne Decision Making Questionnaire and the Emotional range of equivalence method

Переменные	Диапазон эквивалентности (узкий; широкий)	Кол-во групп
Избегание (по методике МОПР)	,240*	-,303**
Прокрастинация (по методике МОПР)	,235*	-,257*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Применялся r Спирмена.

По результатам корреляционного анализа: показатель методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности» – широкий диапазон эквивалентности положительно связан со стилями ПР по МОПР «избегание» и «прокрастинация», которые рассматриваются как непродуктивные копинги при ПР. Лица с проявлением этих стилей формируют меньшее количество групп при раскладке слов с обозначениями эмоциональных состояний. Отсюда следует, что их эмоциональное пространство менее дифференцированно; возможно, эти непродуктивные копинги препятствуют осознанию всего спектра эмоциональных проявлений.

Мы также произвели сравнение средних двух групп (студенты и более взрослые испытуемые) по «Методике свободной сортировки объектов» В. Колги и «Эмоциональный диапазон эквивалентности» – статистически значимых различий получены не было.

Обсуждение результатов

Проводя данное исследование, мы хотели связать стилевые компоненты регуляции ПР с эмоциональными, посредством применения созданной нами методики, которая даёт возможность изучать стилевые компоненты с помощью эмоционального содержания, дифференцируя эмоции с помощью карточек.

На основании того, что чем уже диапазон эквивалентности и чем большее количество групп человек формирует в методике «Эмоциональный диапазон эквивалентности», было доказано, что тем более выражено у него снижение самоконтроля как черты эмоционального интеллекта по методике ЧЕИ. С другими параметрами ЭИ статистически значимых связей получено не было. Поэтому нами *гипотеза №1* о связи (или проявлении) особенностей эмоциональной сферы (дифференцированности эмоций) с ЭИ принимается частично. Возможно, люди, которые лучше регулируют свои эмоции способны и лучше их определять в ту или иную категорию, а вот если человек никак не может определить, куда поместить карточку, то это связано с нарушением самоконтроля.

Тот факт, что люди с широким ДЭ, классифицирующие карточки на большие категории (с меньшим количеством классов), склонны к непродуктивным копингам «избегание и прокрастинация», свидетельствует о включённости субъективной категоризации эмоций в стилевую регуляцию ПР. Схожие данные были получены нами в предыдущем исследовании, результаты которого были представлены на Международной конференции молодых учёных «Ломоносов-2020» [8]. Это соответствует модели множественной многоуровневой регуляции решений и действий человека, когда на ведущий уровень могут выйти разные составляющие интеллектуально личностного потенциала, как его эмоциональные компоненты, так и стилевые [3; 13].

Упрощение различий между эмоциями, приводящее к меньшему количе-

ству групп и более широкому ДЭ, связано с непродуктивными стилями ПР, такими как «избегание и прокрастинация» – следовательно, принимается *гипотеза 2*.

При исследовании группы студентов с помощью «Методики свободной сортировки объектов» В. Колги и более взрослых испытуемых с помощью методики «Эмоциональный диапазон эквивалентности», статистически значимых различий получено не было. Возможно, для дальнейших исследований по разработке данной методики есть необходимость в более расширенной выборке по возрасту и социальному статусу с целью получения более обобщённых результатов, т. к. у лиц с разным стилем ПР могут ожидать различия в эмоциональных пространствах – по их широте, лёгкости вербализации, контролю и т. д. Таким образом, *гипотеза №3* не принимается.

Заключение

1. Созданная методика «Эмоциональный диапазон эквивалентности» помогает измерять эмоционально-стилевые характеристики интеллектуально-личностного потенциала человека и позволяет включать эмоциональную сферу в изучение стилевой регуляции принятия решений.

2. С помощью сопоставления с опросником «Черты эмоционального интеллекта» была установлена конвергентная валидность шкалы «снижение самоконтроля» и когнитивного стиля «диапазон эквивалентности», по методике «Эмоциональный диапазон эквивалентности». Чем выше «самоконтроль», тем уже «диапазон эквивалентности».

3. Выявлено, что когнитивный стиль «Широкий диапазон эквивалентности» будет положительно связан с непродуктивными стилями принятия решений «избеганием и прокрастинацией» (или копингами по Мельбурнскому опроснику принятия решений), поскольку отражает низкую дифференцированность осознания – вербализации эмоций.

Приложение

Слова, предъявляемые испытуемым в методике «Эмоциональный диапазон эквивалентности: безумство, беспокойство, беспомощность, вина, внимательность, возбуждение, волнение, воля, восторг, восхищение, гнев, гордость, горе, грусть, желание, зависть, заинтересованность, застенчивость, злость, изумлённость, интерес, конфуз, лёгкость, ликование, надменность, напуганность, наслаждение, неловкость, неопределённость, неприязнь, неуверенность, ностальгия, обида, облегчение, обожание, омерзение, ответственность, отвращение, паника, печаль, поразительность, презрение, пренебрежение, радость, развлечение, раздражённость, разочарование, раскаяние, растерянность, решительность, робкость, романтизм, симпатия, сконцентрированность, скука, сломленность, собранность, сожаление, сомнение, сострадание, спокойствие, страх, стыд, счастье, тревожность, уверенность, удивление, удовлетворение, ужас, уныние.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 2012. 464 с.
2. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования: [сайт]. 2013. Т. 6. № 31. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.12.2022).
3. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределённости и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 334 с.
4. Корнилова Т. В., Парамей Г. В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 140–146.
5. Корнилова Т. В. Латентные личностные профили стилевой регуляции принятия решений // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 2. С. 126–145. DOI: 10.17759/cpp.2022300208
6. Красавцева Ю. В. Предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 18–33.
7. Красавцева Ю. В., Корнилова Т. В. Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 29–43.
8. Крюкова Е. А. Взаимосвязь когнитивного стиля диапазон эквивалентности с продуктивными и непродуктивными копингами в многоуровневой регуляции принятия решений // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2020», 13–17 апреля 2020 г. М.: МГУ, 2020. С. 155–156.
9. Крюкова Е. А., Шестова М. А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация кра-

- ткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 3. № 39. С. 18–30.
10. Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: дис. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1976. 164 с.
 11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
 12. Люсин Д. В. Трёхмерная модель структуры эмоциональных состояний, основанная на русскоязычных данных // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 341–356.
 13. Разваляева А. Ю. Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: дис. ... канд. психол. наук. М., 2021. 213 с.
 14. Экман П. Психология эмоций / пер. с англ. В. Кузина. СПб.: Питер, 2013. 240 с.
 15. Espinosa A., Akinsulure-Smith A. M., Chu T. Trait emotional intelligence, coping, and occupational distress among resettlement workers // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2019. № 11 (1). P. 28–34.
 16. Lea R. G., Qualter P., Davis S. K. Trait emotional intelligence and attentional bias for positive emotion: an eye tracking study // Personality and Individual Differences. 2018. № 128. P. 88–93.
 17. Robinson E., Hull L., Petrides K. V. Big Five model and trait emotional intelligence in camouflaging behaviours in autism [Электронный ресурс] // Personality and Individual Differences. 2020. № 152. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2019-63968-001> (дата обращения: 05.12.2022).

REFERENCES

1. Izard K. E. Psychology of emotions (Rus. ed.: *Psihologiya emocij*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 464 p.).
2. Kornilova T. V. [Melbourne decision-making questionnaire: Russian-language adaptation]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013, vol. 6, no. 31. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 05.12.2022).
3. Kornilova T. V. *Intellektual'no-lichnostnyj potencial cheloveka v usloviyah neopredelyonnosti i riska* [Intellectual and personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 334 p.
4. Kornilova T. V., Paramei G. V. [Approaches to the study of cognitive styles: twenty years later]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1989, no. 6, pp. 140–146.
5. Kornilova T. V. [Latent personal profiles of stylistic regulation of decision-making]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 2022, vol. 30, no. 2, pp. 126–145. DOI: 10.17759/cpp.2022300208
6. Krasavceva Yu. V. [Anticipated and resulting emotions in the regulation of decision-making]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 2, pp. 18–33.
7. Krasavceva Yu. V., Kornilova T. V. [Emotional and academic intelligence as predictors of strategies in the Iowa game problem (IGT)]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 3, pp. 29–43.
8. Kryukova E. A. [The relationship of cognitive style equivalence range with productive and unproductive copings in multilevel decision-making regulation]. In: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov 2020», 13–17 aprelya 2020 g.* [Proceedings of the International scientific conference of students, graduate students and young scientists “Lomonosov 2020”, April 13–17, 2020]. Moscow, Moscow State University, 2020, pp. 155–156.

9. Kryukova E. A., Shestova M. A. [Emotional intelligence in the structure of a person's intellectual and personal potential: trait or ability? (adaptation of the short version of the TEIQue-SF questionnaire)]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2020, vol. 3, no. 39, pp. 18–30.
10. Kolga V. A. *Differencial'no-psihologicheskoe issledovanie kognitivnogo stilya i obuchaemosti: dis. ... kand. psihol. nauk* [Differential-psychological research of cognitive style and learning ability: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Leningrad, 1976. 164 p.
11. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 304 p.
12. Lyusin D. V. [A three-dimensional model of the structure of emotional states based on Russian-language data]. In: *Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2019, vol. 16, no. 2, pp. 341–356.
13. Razvalyaeva A. Yu. *Racional'nost' i intuiciya kak lichnostnye faktory prinyatiya reshenij: dis. ... kand. psihol. nauk* [Rationality and intuition as personal decision-making factors: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2021. 213 p.
14. Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life (Rus. ed.: Kuzin V., transl. *Psihologiya emocij*. St. Petersburg, Piter Publ., 2013, 240 p.).
15. Espinosa A., Akinsulure-Smith A. M., Chu T. Trait emotional intelligence, coping, and occupational distress among resettlement workers. In: *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2019, no. 11 (1), pp. 28–34.
16. Lea R. G., Qualter P., Davis S. K. Trait emotional intelligence and attentional bias for positive emotion: an eye tracking study. In: *Personality and Individual Differences*, 2018, no. 128, pp. 88–93.
17. Robinson E., Hull L., Petrides K. V. Big Five model and trait emotional intelligence in camouflaging behaviours in autism. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, no. 152. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2019-63968-001> (accessed: 05.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крюкова Екатерина Андреевна – магистр психологии, ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова (Сеченовский университет).
e-mail: krukova.k@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9845-8575

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina E. Kryukova – Postgraduate Student (Psychology), Assistant of Department of pedagogy and medical psychology, First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov (Sechenov University).
e-mail: krukova.k@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9845-8575

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крюкова Е. Е. Диапазон эквивалентности как эмоционально-стилевой компонент принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 18–28.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-18-28

FOR CITATION

Kryukova E. E. The range of equivalence as an emotional and stylistic component of decision making. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 18–28.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-18-28

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-29-40

ПСИХОТЕХНИКИ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Максудов М. Ю., Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Селезнев В. Н., Чистоходова Л. И.

*Московский государственный областной университет,
141014, Московская обл., ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование психотехнических методов, способствующих развитию эмоциональной устойчивости специалистов социономических профессий.

Процедура и методы. В настоящем исследовании приняли участие 32 человека, являющихся представителями социономических профессий (педагоги, психологи и врачи). Все участники выборки приближались или уже находились в зоне риска эмоционального выгорания (в том числе профессионального выгорания как частного случая такого выгорания). Отмечена положительная динамика состояния испытуемых в первые 3 недели после проведения индивидуальных практических психологических занятий, основанных на четырёхкомпонентной (когнитивной, аффективной, волевой и поведенческой) модели развития эмоциональной устойчивости посредством психотехник. Дальнейшее продолжение занятий привело к закреплению результата и развитию способности испытуемых оказывать себе самостоятельно психологическую поддержку, опирающуюся на их собственные психические ресурсы (эндогенную психологическую поддержку) в определённых стрессогенных ситуациях, с которыми ранее они могли справиться только с поддержкой специалиста (с помощью экзогенной психологической поддержки). Для выявления уровня эмоциональной устойчивости и симптомов эмоционального выгорания испытуемых применялись тест эмоциональной устойчивости (Е. А. Тарасов), тест индекса жизненной удовлетворённости ИЖУ (адапт. Н. В. Панина), методика «Шкала нервно-психического напряжения» (Т. А. Немчин). Для статистической обработки данных использовался критерий Уилкоксона.

Результаты. По итогам исследования было выявлено, что практические психологические занятия, направленные на развитие эмоциональной устойчивости специалистов социономических профессий, дали положительную динамику – повысился общий уровень эмоциональной устойчивости, возросло значение «индекса жизненной удовлетворённости», снизился уровень нервно-психического напряжения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление эффективных психотехнических методов, способствующих развитию эмоциональной устойчивости специалистов социономических профессий, позволит снизить риск профессионального выгорания.

Ключевые слова: социономические профессии, эмоциональная устойчивость, эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, психотехники

PSYCHOTECHNICS OF EMOTIONAL STABILITY DEVELOPMENT AMONG SPECIALISTS OF SOCIONOMIC PROFESSIONS

M. Maksudov, A. Bulgakov, E. Bulgakova, V. Seleznev, L. Chistokhodova

Moscow Region State University,

ul. Very Voloshinoy, 24, Moscow region, Mytischy, 24141014, Russian Federation

Abstract

Aim. The study of psychotechnical methods that contribute to the development of emotional stability of specialists in socio-economic professions.

Methodology. The present study involved 32 people, representatives of socio-economic professions (teachers, psychologists and doctors). All participants in the sample were approaching or were already at risk of emotional burnout (including professional burnout as a special case of emotional burnout). It was noted that there was some positive dynamics of the condition of the subjects in the first 3 weeks after individual practical psychological classes based on a 4-component (cognitive, affective, volitional and behavioral) model of the development of mental stability through psychotechnics. Further continuation of the classes led to the consolidation of the result and the development of the ability of the subjects to provide themselves with psychological support based on their own mental resources (endogenous psychological support) in certain stressful situations, which previously they could only cope with the support of a specialist (exogenous psychological support). To identify the level of emotional stability and the symptoms of emotional burnout of the subjects, the emotional stability test (E.A. Tarasov), the life satisfaction index test and the test (adapted by N.V. Panina), the "Scale of neuropsychic tension" method (T.A. Nemchin). The Wilcoxon criterion was used for statistical data processing.

Results. According to the results of the study, it was revealed that practical psychological classes aimed at developing the emotional stability of specialists in socio-economic professions give a positive dynamic – the overall level of emotional stability has increased, the value of the "life satisfaction index" has increased, the level of neuropsychic tension has decreased.

Research implications. Identification of effective psychotechnical methods that contribute to the development of emotional stability of specialists in socio-economic professions will reduce the risk of professional burnout.

Keywords: socio-economic professions, emotional stability, emotional burnout, professional burnout, psychotechnics

Введение

Современный мир становится всё более динамичным и стрессогенным. Стрессорами могут быть самые разнообразные факторы, в том числе и эмоциогенные, негативно влияющие на эмоциональную сферу личности, и особенно на эмоциональную устойчивость (ЭУ). Специалисты социомических профессий, работа которых напрямую связана с гармонизацией и стабилизацией системы «человек-

человек», особенно подвержены влиянию негативных стрессогенных факторов, т. к. основной задачей профессиональной деятельности большинства из них является минимизация рисков последствий действия стрессогенных факторов [4; 6; 13; 14; 18; 19; 20]. А. В. Булгаков отмечает, что в настоящее время происходят существенные изменения в системе межличностных отношений субъектов организации внутри и вне её. Это находит своё от-

ражение в изменении значения индекса человечности, т. к. любое общение, затрагивающее эмоциональную сферу, особенно оперативное, производимое в скоропомощном режиме, – это достаточно заметная потеря энергии. Для эффективного выполнения профессиональных обязанностей и осуществления своего профессионального развития специалисты «помогающих» профессий особенно сильно нуждаются в профессиональной психологической поддержке. Это поможет избежать профессиональной деструкции, в том числе и эмоционального выгорания. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 50% факторов, негативно влияющих на здоровье человека, связаны с деструктивным образом жизни (в то время как, ~20% факторов связаны с генетикой человека, ~20% факторов связаны с состоянием окружающей среды и только ~10% факторов связаны с качеством медицинского обслуживания), т. е. образ жизни современного человека в большинстве случаев способствует ухудшению физического и психологического здоровья, что в итоге приводит к развитию болезней в гораздо большей степени, чем наследственные или средовые причины. Кроме того, в условиях трудовой деятельности могут актуализироваться психологические механизмы профессионально-нравственной деформации личности, проявляющейся в отчуждении моральной ответственности, профессионального выгорания и недостаточной или избыточной рефлексивности, находящейся в поле профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что сильная психоэмоциональная травма способна зафиксировать патологические мыс-

лительные и поведенческие стратегии, которые на субъективном уровне будут подтверждать подлинность невротических установок человека, пережившего травматический опыт. При такой ситуации психотравмирующий опыт может быть представлен как цикл, при котором человек, переживая корневой эпизод (первоначальную травму), и управляемый невротическими реакциями, создаёт последующие травматизации, закрепляющие новые невротические реакции.

В современной практической психологии существует большое количество различных психотехнологий, которые используют в своей практике психологи и психотерапевты в целях развития ЭУ как одной из главной способности личности, позволяющей противостоять стрессогенным воздействиям среды и существенно улучшить качество эмоциональной жизни¹ [8; 9; 10; 11]. Некоторые из таких психотехнологий широко известны в научном сообществе, другие же не получили столь широкой известности, но при этом они являются высокоэффективными методами увеличения уровня ЭУ. Так, например, широко известны и активно используются не только психологами и психотерапевтами, но и психиатрами, такие психотехнологии как аутогенная тренировка (И. Шульц), наведённое состояние терапевтического транса (М. Эриксон, М. Р. Гинзбург), обучение клиентов и пациентов навыкам самогипноза с целью самостоятельной проработки эмоциональных травм

¹ Зотов М. В., Петрукович В. М., Журавлёва О. П. Способ оценки эмоциональной устойчивости. Патент на изобретение RU 2240038 С1, 20.11.2004. Заявка № 2003134495/14 от 25.11.2003.

(П. Ф. Лебедько), а также различного рода психотехники, применяемые в современных психотерапевтических направлениях (модель «SCORE» (Р. Дилтс)), интеграция конфликтующих частей (Р. Бэндлер, Дж. Гриндер) и т. п.

Многие из приведённых выше методов развития ЭУ тесно связаны с индуцированием изменённых состояний сознания (ИСС). Д. Л. Спивак и Л. И. Спивак выделяют 3 вида ИСС: искусственно вызываемые (ИВ ИСС), спонтанно возникающие (СВ ИСС), а также психотехнически обусловленные (ПО ИСС) [17, с. 48]. ИВ ИСС тесно связаны с воздействием экзогенных факторов (индуцируются психоактивными веществами). СВ ИСС могут возникнуть в привычных для человека жизненных обстоятельствах, однако условия, при которых они индуцируются, остаются не ясными. Для индуцирования ПО ИСС человеку необходимо задействовать только внутренние психические ресурсы. Исходя из описанной выше классификации, аутотренинг, гипнотический транс, самогипноз, некоторые психотехники, которые применяют психологи и психотерапевты в своей практике, а также медитативная практика относятся к группе ПО ИСС. Данный тезис подкрепляется научными исследованиями (Р. Дж. Дэвидсон, А. Лутц), в которых подтверждается гипотеза, что не только психотехники, применяемые практическими психологами и психотерапевтами, могут оказаться эффективным методом развития ЭУ. Также не менее эффективным методом развития ЭУ может оказаться медитативная практика, применяемая в различных восточных традициях. Ряд ис-

следований (Н. Фарб, Р. Дж. Дэвидсон, Р. А. Фабио, Г. Э. Тоуи) подтверждает гипотезу о том, что данный метод положительно влияет на увеличение стрессоустойчивости, улучшает способность обрабатывать информацию и принимать решения, существенно снижает уровень активности бета-волн в головном мозге, а также увеличивает содержание серого вещества. Учитывая данные факты, можно предположить, что медитативная практика и другие методы, индуцирующие ПО ИСС, положительно влияют на увеличение уровня ЭУ и психическую устойчивость в целом. В 1946 г. было проведено исследование, доказывающее, что индийские йоги, практикующие медитативную практику, способны к регуляции ритмов сердечных сокращений, замедлению дыхания, снижению уровня электрической активности кожи при стабильном функционировании головного мозга на частоте альфа-волн [4, с. 24]. В Висконсинском университете в Мэдисоне было проведено исследование, доказывающее, что занятия медитативной практикой способны снизить активность участков головного мозга, которые отвечают за состояние беспокойства, тревоги и дистресса [21, с. 174]. Ф. Раес, Дж. В. Гриффит, Дж. К. Ван дер Гухт, М. Г. Уильямс в ходе исследования влияния медитативной практики на эмоциональное состояние установили, что участники эксперимента, посещающие занятия по медитативной практике, обладали более низкими показателями выраженности депрессивных состояний, беспокойства и дистресса в сравнении с контрольной группой [22, с. 477]. В. И. Есаулов, Ю. В. Зинченко провели исследование пациентов с по-

ставленным медицинским диагнозом – «тревожно-фоническое расстройство» [7, с. 115]. Исследователи использовали группы психотехник, состоящих из элементов гипнотерапии М. Эриксона, нейролингвистического программирования, когнитивно-бихевиоральной терапии, транзактного анализа и ряда других психологических и психотерапевтических направлений. Курс занятий, разработанный авторами на основе данных направлений, способствовал стабилизации психоэмоционального состояния, закреплению положительного эффекта и значительному снижению тревожно-фонических симптомов. Исследователи отмечают, что на первых этапах терапии занятия проводились 2–3 раза в неделю. Далее частота занятий снижалась ~ до 1 раза в неделю. Стоит отметить, что системный подход, учитывающий различные контекстуальные сферы жизни пациентов, также оказался достаточно эффективным средством в работе по снижению тревожно-фонической симптоматики. После 2 месяцев работы пациентам была предоставлена возможность работать с психологом и/или психотерапевтом по вопросам решения внутрисемейных проблем, вопросов профессионально успешности и ряда других психотерапевтических запросов.

Необходимо отметить, что терапевтический потенциал ПО ИСС ещё до конца не изучен. Эффективный результат индуцирования данного вида ИСС в психологической и психотерапевтической практике может быть вызван тем, что «поле сознания» (по Р. Ассаджиоли) [1, с. 314] личности находится в пределах среднего бессознательного, а ИСС – это состояние,

вызванное эндогенными и/или экзогенными факторами, расширяющее поле сознания конкретного индивидуума до границ низшего и/или высшего бессознательного [12, с. 99]. В случае ИВ ИСС поле сознания расширяется до границ нижнего бессознательного, а в случае ПО ИСС – до границ высшего бессознательного в рамках структурной модели психики Р. Ассаджиоли.

Дизайн исследования

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе испытуемые прошли психодиагностическое обследование, которое позволило выявить их актуальный уровень эмоциональной устойчивости. На втором этапе была реализована практическая психологическая работа, направленная на увеличение уровня эмоциональной устойчивости и профилактику эмоционального выгорания посредством беседы, отобранных психотехник и интеграции полученного опыта. На третьем этапе исследования была проведена повторная психодиагностика испытуемых с применением тех же методик, что и на первом этапе.

Процедура, методы и результаты

На основании четырёхкомпонентной модели развития эмоциональной устойчивости (рис. 1) и социально-психологических технологий психологической реабилитации, систематизированной А. В. Булгаковым и Е. В. Митасовой [2, с. 52], нами была разработана программа психологических занятий, состоящих из различных психотехник и упражнений, в том числе предварительно индуцирующих ПО ИСС.

Для достижения результата психологической работы необходимо, что-

Рис. 1 / Fig. 1. Четырёхкомпонентная модель развития эмоциональной устойчивости / 4-component model of mental stability development

Источник: данные авторов.

бы специалист уделял внимание основным 4 компонентам психики, что позволит на практике реализовать принцип системности и задействовать адаптационные психические ресурсы испытуемых.

В исследовании приняло участие 32 человека в возрасте от 23 до 45 лет (средний возраст – 28 лет). Все участники являются будущими или актуальными представителями социомических профессий (врачи, педагоги и психологи) и имеют признаки эмоционального выгорания (низкая работоспособность, чувство усталости, безразличие, нарушение сна, обострение хронических заболеваний и т. п.). Основной запрос участников был сформирован исходя из данных симптомов. Большинство из них ощущали сильный дискомфорт и «внутреннее напряжение», которое

мешало им эффективно справляться с актуальными для себя задачами. Испытуемые хотели освободиться от данного «внутреннего напряжения» или хотя бы снизить его уровень.

Со всеми 32 испытуемыми проводились циклы индивидуальных психологических занятий (от 2 до 5 встреч, 1 раз в неделю). Длительность одного занятия в среднем составляла 60 минут. На первой встрече испытуемые конкретизировали свой запросы для психолога, проходили диагностику и делились своими ожиданиями от предстоящей работы. На последующих занятиях испытуемые отвечали на уточняющие вопросы, помогающие выявить причину их эмоционального выгорания, а также выполняли упражнения, направленные на развитие эмоциональной устойчивости. Все упражнения были

отобраны на основании четырёхкомпонентной модели и содержали в себе элементы эмоционально-образной терапии (Н. Д. Линде), психокатализа (А. Ф. Ермошин), деконцентрации (О. Г. Бахтияров), интегрального нейропрограммирования (С. В. Ковалев) и третьей волны когнитивно-поведенческой терапии (С. Хайес). Данные психологические направления признаны Общероссийской профессиональной психотерапевтической лигой и достаточно хорошо зарекомендовали себя в среде практикующих психологов и психотерапевтов [15; 16; 17]. Кроме того, на наш взгляд, большая часть упражнений из данных методов индуцирует ПО ИСС, что и обуславливает их высокую терапевтическую эффективность. Нами были отобраны следующие упражнения и психотехники: шестишаговый рефреминг, центрирующая медитация, интеграция нейрологических уровней и эго-состояний. При обращении испытуемых за психологической поддержкой нами были выбраны конкретные психотехники, отражающие специфику психологического запроса. Для решения

проблем эмоционального выгорания необходимо исследовать особенности актуального внутриличностного конфликта, в котором находились испытуемые. Вышеупомянутые психотехники позволили эффективно справиться с этой задачей за 2–5 встреч (в зависимости от степени выраженности внутриличностного конфликта – определённым испытуемым хватило 2 встреч, а другим понадобилось большее количество встреч).

Для диагностики состояния испытуемых и оценки эффективности дальнейшей психологической работы было предложено пройти 3 методики, которые комплексно исследуют состояние эмоциональной сферы: тест эмоциональной устойчивости (Е. А. Тарасов) [12], тест индекса жизненной удовлетворённости ИЖУ (адапт. Н. В. Панина) [12], шкала нервно-психического напряжения (Т. А. Немчин) [12]. Статистическая обработка данных проводилась посредством SPSS ver. 21 for Mac OS с использованием статистического критерия Уилкоксона для двух связанных выборок. Результаты исследования приведены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Результаты эмпирического исследования / Results of an empirical study

Методики	Среднее значение показателей «До занятий»	Среднее значение показателей «После занятий»	P-level (уровень статистически значимых различий)
Тест эмоциональной устойчивости (Е. А. Тарасов)	Преобладающий уровень: достаточно-устойчивый (13 баллов)	Преобладающий уровень: эмоционально устойчивый (8 баллов)	~0.038*
Тест «индекс жизненной удовлетворённости» (Н. В. Панина)	Среднее значение индекса: 26.2	Среднее значение индекса: 32.1	~0.041*
Шкала нервно-психического напряжения (Т. А. Немчин)	Среднее значение уровня нервно-психического напряжения: 54.4	Среднее значение уровня нервно-психического напряжения: 41.1	~0.046*

Источник: данные авторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что практические психологические занятия по развитию эмоциональной устойчивости специалистов социономических профессий показывает достаточно высокую эффективность. Необходимо отметить, что все участники исследования были изначально положительно настроены на психологическую работу и максимально открыты для сотрудничества. В будущих исследованиях необходимо проанализировать устойчивость терапевтического результата (несколько месяцев или лет после прохождения цикла занятий), выявить наиболее эффективные направления и психотехники в рамках этих направлений, индуцирующие ПО ИСС и актуализирующие скрытый психический потенциал людей, нуждающихся в психологической поддержке. В настоящее время ИСС и их терапевтический потенциал остаются недостаточно изученными, также как и ЭУ личности,

что подтверждает необходимость продолжения научного поиска в этих направлениях. Существует множество различных теорий эмоций и подходов к проблеме развития эмоциональной устойчивости, однако, в настоящий момент не существует единой, общепринятой научным сообществом концепции, которая системно описывала бы структуру эмоций и способствовала бы практическому применению данных знаний на практике с целью развития эмоциональной сферы и повышения уровня ЭУ как отдельной личности, так и всего общества в целом. Возможно, в будущем за счёт интеграции накопленных научных данных разработка такого единого комплексного подхода позволит решить ряд профессиональных психологических задач, в том числе по оказанию эффективной психологической поддержки специалистам социономических профессий как в терапевтических, так и в профилактических целях [8].

Статья поступила в редакцию 18.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассаджолли Р. Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994. 314 с.
2. Булгаков А. В., Митасова Е. В. Психологическая реабилитация: возвращение к реальности: монография / под общ. ред. А. В. Булгакова. М.: Издательство МГОУ, 2018. 144 с.
3. Гинзбург М. Р., Яковлева Е. Л. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 312 с.
4. Головкина Т. С. Эмоциональная устойчивость как фактор психического здоровья личности // Экономика и социум. 2014. № 3-4 (12). С. 438–444.
5. Гринберг Д. С. Управление стрессом. 7-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
6. Долгова О. В. Эмоциональная устойчивость личности как фактор успешности в профессии // Молодой учёный. 2022. № 27 (422). С. 130–131.
7. Есаулов В. И., Зенченко Ю. В. Опыт диагностики и психотерапии пациентов с тревожно-фобическими расстройствами в психологическом центре // Проблемы развития социальной сферы в России и за рубежом: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 30 июня 2017 г. Калининград: Профессиональная наука, 2017. С. 115–130.

8. Кашеева А. В., Зимина И. В., Лобанов С. Н. Эмоциональный компонент в структуре психологической устойчивости профессиональной деятельности // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 2-2 (7). С. 23–24.
9. Кирикова И. С., Лукачевская К. И., Иванова Д. Ф. Уровень эмоциональной устойчивости и зависимость от новых технологий у студентов медицинского института // Интернаука. 2019. № 3-2 (85). С. 5–7.
10. Ковалев С. В. Нейротрансформинг. Основы самоконсультирования. М.: Твои книги, 2014. 192 с.
11. Козлов В. В. Психотехнологии изменённых состояний сознания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Института психотерапии, 2001. 544 с.
12. Куприянов Р. В., Кузьмина Ю. М. Психодиагностика стресса: практикум. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2012. 212 с.
13. Максудов М. Ю., Максудова Е. А. Развитие эмоциональной устойчивости личности как фактор преодоления негативных последствий психотравмы с позиции интегрального подхода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1-2. С. 63–68.
14. Петрова Н. Ф., Сойко Е. В. Эмоциональная устойчивость в детерминации профессионального стресса в управленческой деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 305–308.
15. Петухова Л. М. Формирование психической устойчивости эмоционально неблагополучных клиентов средствами арт-терапии // Chronos: психология и педагогика. 2020. № 2 (22). С. 20–22.
16. Поспелова Е. А. Арт-терапия как средство формирования эмоциональной устойчивости педагогов (профилактика профессионального выгорания) // Молодой учёный. 2016. № 13-3 (117). С. 75–77.
17. Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. 1996. № 4. Т. 1. С. 48–55.
18. Таскина Е. А. Проблема эмоциональной устойчивости и профессионального выгорания медицинских работников // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 1. С. 34–39.
19. Филиппова С. А., Пазухина С. В., Куликова Т. И. Эмоциональная устойчивость будущих педагогов к негативному влиянию современной информационной среды // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 80–90.
20. Юй С. Стратегии повышения эмоциональной устойчивости педагогов // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 3. С. 253–262.
21. Davidson R. J. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation // IEEE Signal Process Mag. 2008. № 25 (1). P. 174–176.
22. Dittrich A. Standardized Psychometric Assessment of Altered States of Consciousness (ASCs) in Humans // Pharmacopsychiatry. 1998. Vol. 31. № 7. P. 80–84.
23. Raes F., Griffith J. W., Van der Gucht J. K. School-Based Prevention and Reduction of Depression in Adolescents: a Cluster-Randomized Controlled Trial of a Mindfulness Group Program // Mindfulness. 2014. № 5. Iss. 5. P. 477–486.

REFERENCES

1. Assadzholi R. *Psichosintez: teoriya i praktika* [Psychosynthesis: theory and practice]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 314 p.
2. Bulgakov A. V., Mitasova E. V. *Psihologicheskaya rehabilitaciya: vozvrashchenie k real'nosti* [Psychological rehabilitation: return to reality]. Moscow, MRSU Publ., 2018. 144 p.

3. Ginzburg M. R., Yakovleva E. L. *Eriksonovskij gipnoz: sistematicheskij kurs* [Ericksonian hypnosis: a systematic course]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2008. 312 p.
4. Golovkina T. S. [Emotional stability as a factor in the mental health of a person]. In: *Ekonomika i socium* [Economics and Society], 2014, no. 3-4 (12), pp. 438–444.
5. Grinberg D. S. *Upravlenie stressom* [Stress management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 496 p.
6. Dolgova O. V. [Emotional stability of the individual as a factor of success in the profession]. In: *Molodoy uchyonyj* [Young scientist], 2022, no. 27 (422), pp. 130–131.
7. Esaulov V. I., Zenchenko Yu. V. [Experience in diagnosing and psychotherapy of patients with anxiety-phobic disorders in a psychological center]. In: *Problemy razvitiya social'noi sfery v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, 30 iyunya 2017 g.* [Problems of the development of the social sphere in Russia and abroad: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, 30 June 2017]. Kaliningrad, Professional Science Publ., 2017, pp. 115–130.
8. Kashcheeva A. V., Zimina I. V., Lobanov S. N. [Emotional component in the structure of psychological stability of professional activity]. In: *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh* [Education and science in modern conditions], 2016, no. 2-2 (7), pp. 23–24.
9. Kirikova I. S., Lukachevskaya K. I., Ivanova D. F. [The level of emotional stability and dependence on new technologies among medical students]. In: *Internauka* [Internauka], 2019, no. 3-2 (85), pp. 5–7.
10. Kovalev S. V. *Nejrotransforming. Osnovy samokonsul'tirovaniya* [Neurotransforming. Fundamentals of self-counseling]. Moscow, Tvoi knigi Publ., 2014. 192 p.
11. Kozlov V. V. *Psihotekhnologii izmenyonnykh sostoyanij soznaniya* [Psychotechnologies of altered states of consciousness]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2001. 544 p.
12. Kupriyanov R. V., Kuz'mina Yu. M. *Psihodiagnostika stressa: praktikum* [Psychodiagnostics of stress: workshop] Kazan, Kazan National Research Technological University Publ., 2012. 212 p.
13. Maksudov M. Yu., Maksudova E. A. [Development of the emotional stability of a personality as a factor in overcoming the negative consequences of psychotrauma from the position of an integral approach]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Knowledge], 2018, no. 1-2, pp. 63–68.
14. Petrova N. F., Sojko E. V. [Emotional stability in the determination of professional stress in management]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2022, no. 74-4, pp. 305–308.
15. Petuhova L. M. [Formation of mental stability of emotionally disadvantaged clients by means of art therapy]. In: *Chronos: psihologiya i pedagogika* [Chronos: psychology and pedagogy], 2020, no. 2 (22), pp. 20–22.
16. Pospelova E. A. [Art therapy as a means of forming the emotional stability of teachers (prevention of professional burnout)]. In: *Molodoy uchyonyj* [Young scientist], 2016, no. 13-3 (117), pp. 75–77.
17. Spivak L. I., Spivak D. L. [Altered states of consciousness: typology, semiotics, psychophysiology]. In: *Soznanie i fizicheskaya real'nost'* [Consciousness and physical reality], 1996, no. 4, vol. 1, pp. 48–55.
18. Taskina E. A. [The problem of emotional stability and professional burnout of medical workers]. In: *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*

- [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world], 2020, no. 1, pp. 34–39.
19. Filippova S. A., Pazuhina S. V., Kulikova T. I. [Emotional stability of future teachers to the negative influence of the modern information environment]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 80–90.
 20. Yuj S. [Strategies for improving the emotional stability of teachers]. In: *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanitarian and social sciences], 2021, no. 3, pp. 253–262.
 21. Davidson R. J. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation. In: *IEEE Signal Process Mag*, 2008, no. 25 (1), pp. 174–176.
 22. Dittrich A. Standardized Psychometric Assessment of Altered States of Consciousness (ASCs) in Humans. In: *Pharmacopsychiatry*, 1998, vol. 31, no. 7, pp. 80–84.
 23. Raes F., Griffith J. W., Van der Gucht J. K. School-Based Prevention and Reduction of Depression in Adolescents: a Cluster-Randomized Controlled Trial of a Mindfulness Group Program. In: *Mindfulness*, 2014, no. 5, iss. 5, pp. 477–486.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максудов Михаил Юрьевич – педагог-психолог отдела развития молодёжной политики управления воспитательной и социальной работы Московского государственного областного университета;
e-mail: maxm92@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8463-3419

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X

Булгакова Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Селезнев Владимир Николаевич – доктор психологических наук, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, старший научный сотрудник научно-практической лаборатории социальной психологии труда Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: vn-seleznev@yandex.ru

Чистоходова Людмила Ивановна – доктор педагогических наук, директор Института управления, экономики и права Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: kaf413@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Y. Maksudov – Teacher-psychologist of the Department of Youth Policy Development of the Educational and Social Work Board, Moscow Region State University;
e-mail: maxm92@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8463-3419

Alexander V. Bulgakov – Dr. Sci. (Psychology), Prof. of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X

Ekaterina A. Bulgakova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychological Counseling, Moscow Region State University;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Vladimir N. Seleznev – Dr. Sci. (Psychology), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Senior Researcher of the Scientific and Practical Laboratory of Social Psychology of Labor, Moscow Region State University; e-mail: vn-seleznev@yandex.ru

Lyudmila I. Chistokhodova – Dr. Sci. (Pedagogy), Director of the Institute of Management, Economics and Law, Moscow Region State University;
e-mail: kaf413@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Психотехники развития эмоциональной устойчивости специалистов социэкономических профессий / М. Ю. Маскудов, А. В. Булгаков, Е. А. Булгакова, В. Н. Селезнев, Л. И. Чистоходова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 29–40.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-29-40

FOR CITATION

Maskudov M. Yu., Bulgakov A. V., Bulgakova E. A., Seleznev V. N., Chistokhodova L. I. Psychotechnics of emotional stability development among specialists of socioeconomic professions. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 29–40.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-29-40

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

УДК 37.015.3:377.8

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-41-59

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

Гильяно А. С., Баранова Е. М.

*Российский государственный аграрный университет –
Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева
127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать методы исследовательского типа в преподавании экономических дисциплин, необходимые для повышения уровня профессионального мышления студентов через их применение.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал эксперимент по формированию у студентов колледжа профессионального (экономического) мышления через применение методов исследовательского типа. В процессе формирующего эксперимента использовались следующие методы: семинары рефлексивного типа; проектная деятельность студентов (в том числе совместная); кейс-метод в решении нестандартных экономических задач. Результаты исследования проверены на констатирующем и контрольном этапах с помощью диагностических методик и подтверждены методом статистической обработки результатов F^* - критерием Фишера.

Результаты. Доказано, что формированию профессионального мышления в освоении дисциплин экономического цикла способствуют методы обучения исследовательского типа, а именно: семинары рефлексивного типа; проектная деятельность студентов (в том числе совместная); кейс-метод в решении нестандартных экономических задач.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в получении нового знания о возможностях формирования профессионального мышления в колледже.

Ключевые слова: профессиональное мышление, образ профессионального действия, продуктивное действие

FORMATION OF COLLEGE STUDENTS' PROFESSIONAL THINKING

A. Gilyano, E. Baranova

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
ul. Timiryazevskaya, 49, Moscow, 127550, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the research-type methods in teaching economic disciplines which are necessary for developing students' professional thinking.

Methodology. The key method of the research was the forming experiment on the development of college students' professional (economic) thinking through the application of the research-type methods. During the forming experiment the following methods were used: seminars of reflective type; students' project activity (including joint research); case-method in solving non-standard economic problems. The results of the research were checked at the ascertaining and control stage with the help of diagnostic methods and confirmed by the method of statistical processing of results φ^* - Fisher's criterion.

Results. It is proved that the development of professional thinking in mastering the disciplines of the economic cycle is promoted by research-type teaching methods, namely: seminars of reflective type; students' project activities (including joint research); case-method in solving non-standard economic problems.

Research implications are in gaining new knowledge about the possibilities of shaping professional thinking at college.

Keywords: professional thinking, image professional action, professional self-determination, productive acting

Введение

Запросы быстро меняющегося рынка труда меняют современную образовательную ситуацию и диктуют специалистам, занимающимся подготовкой студентов в сфере профессионального образования (СПО, ВУЗ), выпускать из стен учебного заведения готового специалиста, способного без дополнительной переподготовки осуществлять свою профессиональную деятельность. Для решения этой актуальной задачи необходимо, с одной стороны, формировать необходимые компетенции и делать это эффективно, с другой стороны, не совсем ясно, как это делать в рамках традиционных учебных занятий. Решение данного противоречия мы видим через особое построение учебных курсов. В рамках

учебной дисциплины недостаточно передать теоретические знания и алгоритмы решения практических задач. Необходимо «окунуть» студента в саму профессиональную деятельность. Формирование профессионального мышления в процессе такого обучения может стать тем связующим звеном, которое позволит обучающемуся создать свой образ будущего профессионального действия и более осознанно подойти к процессу подготовки в стенах учебного заведения.

Выпуск на рынок труда конкурентоспособного работника является одной из главных задач, поставленных перед системой среднего профессионального образования в нашей стране. Конкурентоспособность включает в себя множество составляющих,

важнейшая из которых – высокий уровень профессионального мышления. Поступая в колледж, зачастую подросток плохо представляет свою будущую производственную деятельность, не видит себя в профессии. Задача профессиональной подготовки в стенах СПО заключается не только в формировании соответствующих специальности компетенций, но и общей картины, целостного образа профессионального действия будущего специалиста. Таким образом можно констатировать, что актуальным в настоящей образовательной ситуации является не передача профессионального знания как такового, а формирование способности и готовности студента применять свои функциональные навыки (социальные и производственные) в узконаправленной профессиональной деятельности. В этой связи профессиональное мышление начинает приобретать особую важность. Для подготовки специалистов в высших и средне-специальных учебных заведениях необходимо сместить акцент на приобретение первых навыков профессионального (продуктивного) действия [13]. Исследований в этой области очень мало [4], а востребованность в такого рода знаниях очевидна.

В нашем исследовании мы сделали акцент на формировании профессионального мышления студентов колледжа в процессе освоения экономических дисциплин за счёт применения в обучении методов исследовательского типа.

Теоретико-методологической базой исследования явились работы, посвящённые мышлению и его формированию (А. В. Брушлинский, Л. В. Выготский, В. В. Давыдов, И. Ф. Исаев,

А. М. Матюшкин, В. А. Сластенин), деятельностному подходу (А. Н. Леонтьев, Б. Д. Эльконин), особенностям профессиональной деятельности различных специальностей (М. Б. Алексеева, М. И. Дьяченко, А. О. Запорожец, Э. Ф. Зеер, Л. А. Кандыбович, Е. А. Климов), методам обучения исследовательского типа (Ф. В. Шарипов, Е. С. Захаркина, Л. Н. Румянцева, Н. В. Сорокина, Л. Б. Ильина), аспектам развития культуры профессионального мышления (П. Я. Гальперина, Ж. Пиаже, Д. Садкер, А. Ю. Жадаева, П. П. Ростовцева).

Анализ научных источников по проблеме исследования

Рассматривая процесс формирования мышления, мы опирались в первую очередь на теорию культурного развития Л. С. Выготского, теорию деятельности А. Н. Леонтьева, периодизацию Д. Б. Эльконина, теорию учебной деятельности В. В. Давыдова.

Подростковый возраст – период формирования высшей заключительной стадии интеллектуального развития. Этот факт зафиксирован в исследованиях Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина и др. Л. С. Выготский акцентирует внимание на том, что научные понятия характерны для данного возрастного периода, до этого обнаруживаются лишь эквивалентные им образования. В подростковом возрасте происходит переход к новой, высшей форме интеллектуальной деятельности, к понятийному мышлению [3]. Достигнуты существенные успехи в изучении мышления как вида деятельности. Это оригинальные концепции А. В. Брушлинского [2], А. М. Матюшкина [8].

В рамках нашего исследования мы поставили себе целью проследить дальнейшую эволюцию мыслительного процесса. Становление именно профессионального мышления у старшего подростка представляет интерес для педагогической психологии. В работе мы изучали формирование профессионального мышления при изучении экономических дисциплин в колледже.

В. В. Ильяшенко отдельно выделяет экономическое мышление, под которым подразумевается восприятие предметов, процессов и явление окружающей действительности с точки зрения соизмерения издержек и выгод.

Основные черты экономического мышления:

- оно предполагает определённый человеческий выбор, такой выбор осуществляет отдельный человек;

- рациональность принятых решений (с точки зрения экономики – это сравнение всех альтернатив для выявления максимально выгодного и эффективного выбора с наименьшим количеством издержек);

- экономический выбор свободен не полностью (он зависит от ограниченности ресурсов, а также от действующего законодательства)¹.

Отдельно выделяется и профессиональное мышление, подробнее которое мы рассмотрим дальше.

Обобщая труды отечественных авторов (Н. И. Мешков, Г. И. Носова, Ю. С. Кострова) под профессиональным мышлением стоит понимать не единичное качество, а совокупность следующих качеств: уровень освоения профессиональных знаний, умений и навыков, гибкость и самостоятель-

ность мышления, творческий подход к решению поставленных задач (как повседневных, так и профессиональных), а также способность к рефлексии своей профессиональной деятельности и др.

М. М. Кашапов, называя процесс развития профессионального мышления динамичным, объясняет это тем, что в течение жизни профессия и требования к ней меняются, а также тем, что возникновение новых технологий также вносит свои коррективы в составляющие профессионального мышления. Расширяются и представления специалиста о своей профессии [7]. Это значит, что профессиональное мышление подвержено влиянию, более того, это необходимо для соответствия требованиям, выдвигаемым рынком труда и обществом в целом. Для этого нужно обладать достаточным уровнем самостоятельности и гибкости мышления, креативностью, а также способностью к рефлексии своей трудовой деятельности, т. е. необходимо иметь высокий уровень развития профессионального мышления².

Г. М. Романцев и Н. В. Ронжина подчёркивают важность творческого подхода, т. е. креативности как составляющей профессионального мышления. Креативность – это умение человека нетрадиционно осмысливать окружающую действительность, в результате чего создаётся новый интеллектуальный продукт (теория, идея, механизм, способ решения задачи и т. п.). Авторы делают акцент на том, что гибкость и самостоятельность мышления способствуют достижению главной стратеги-

¹ Ильяшенко В. В. Микроэкономика: учебник для бакалавров. М.: Лань, 2012. 288 с.

² Кашапов М. М. Формирование профессионального творческого мышления: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 124 с.

ческой цели непрерывного образования (в том числе и среднего профессионального) – подготовки интеллектуально продуктивных, инновационно-креативных специалистов [9; 10].

Е. В. Беляева говорит об эффективности привлечения студентов к научно-исследовательским проектам в рамках развития профессионального мышления. Через решение проблем исследовательского характера у студентов возникает потребность конкретно обозначить круг проблем и собственных планов, которые можно соотнести со своими реальными возможностями. Такое решение проблем способствует как усвоению профессиональных знаний студента, так и развитию других составляющих профессионального мышления [1].

Т. М. Стаценко считает, что основным результатом обучения студентов в колледже должен быть осмысленный опыт решения жизненных задач, в том числе и проблемных. Автор предлагает следующий алгоритм при построении аудиторных занятий:

- целеполагание (постановка целей и задач занятия, определение его места в системе содержания образования, а также определение формирующихся компетенций);

- проектирование содержания и его компетентностная интерпретация (аудиторное занятие должно включать теорию, практику и воспитание);

- форма организации учебной деятельности (на данном этапе выбирается форма организации на занятии – индивидуальная, групповая или межгрупповая, а также методы, приёмы и средства обучения с учётом интерактивных форм проведения занятий);

- определение условий интериоризации знаний (при помощи каких учебно-практических действий знание преобразуется в способ деятельности);

- подбор диагностического инструментария (подразумевает проверку освоения компетенции через первичный, промежуточный и итоговый контроль);

- подбор процедур анализа и коррекции (подведение итогов, оценка результатов, коррекция знаний) [12].

Среди зарубежных авторов можно выделить два исследования. Дж. Фальгарес, Г. Венца, Ч. Гуарначчи [15] провели эмпирическое исследование, направленное на развитие профессионального мышления и рефлексии студентов-психологов через групповое обучение. Результатом явилось построение более реалистичного образа профессии.

Второе исследование, авторами которого являются К. Банниган, Э. Мурс, касается построения модели профессионального мышления психотерапевтов и его развития. В рамках этого исследования предлагается объединить рефлексивную практику и практику, основанную на фактических данных, чтобы их взаимодополняющие качества стали частью модели профессионального мышления [14].

Таким образом, мы можем констатировать остроту решаемой проблемы и многочисленные попытки исследователей предложить свои модели формирования профессионального мышления.

Описание экспериментального исследования

Гипотеза: формированию профессионального мышления в освоении

дисциплин экономического цикла будут способствовать методы обучения исследовательского типа, а именно: семинары рефлексивного типа; проектная деятельность студентов (в том числе совместная); кейс-метод в решении нестандартных экономических задач.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования; эмпирические методы: наблюдение, опрос, анализ контрольных работ обучающихся, дидактические тесты для проверки знаний в профессиональной области, диагностические методики (опросник терминальных ценностей (И. Г. Сенин), тест «Оценка способностей к саморазвитию, самообразованию» (В. И. Андреев), методика диагностики рефлексии (А. В. Карпова), методика «Гибкость мышления» (А. С. Лачинса)). В исследовании также присутствовал формирующий эксперимент с применением методов исследовательского типа, описанных в гипотезе исследования.

При подборе методики формирующего эксперимента мы опирались на классификацию методов исследовательского типа, представленную в статье А. С. Гильяно, И. Б. Умняшовой [5]. В ней рассматривают методы исследовательского типа в рамках группы интерактивных методов. Практические занятия исследовательского типа способствуют развитию навыков проектирования, умения составления плана действий по преобразованию действительности и принятию осознанных решений; расширяют исследовательский опыт обучающихся; позволяют выйти за пределы содержания учебных дисциплин. К ним относятся: рефлексивные семинары, проектная

деятельность студентов (в том числе научно-исследовательская).

Рефлексивные семинары направлены на развитие саморегулирующих механизмов у студента, во время подобных семинаров разбираются пути поведения в тех или иных ситуациях, осмысление предложенных вариантов, обозначение достоинств и недостатков выбранной модели поведения и подведение обобщённых итогов. Такой вид деятельности позволяет соотнести свои потребности с общественными, помогает принять личностный выбор, является поддержкой в процессе самоисследования и исследования окружающего студента мира, позволяет самовыразиться. Происходит обучение через опыт.

Методы исследовательского типа могут выступать результативным инструментом для повышения уровня профессионального мышления. Данные методы относятся к продуктивным методам обучения, которые необходимо грамотно сочетать с репродуктивными методами с целью достижения максимальной эффективности организации образовательного процесса. Решение конкретных проблемных ситуаций с выстраиванием правильного алгоритма, проектная деятельность, акцент на рефлексии во время занятий являются важными составляющими исследовательского обучения.

Опытно-экспериментальная база и выборка исследования: исследование проводилось на базе ГБПОУ г. Москвы «Первый Образовательный комплекс». Характеристика экспериментальной группы (31-Э): количество обучающихся – 16 студентов, возраст – 17–18 лет, при этом большинство груп-

пы составляют девушки – 11 человек, юношей в группе 5. Средний балл успеваемости – 3,8. Основные сведения по контрольной группе (32-Э): 18 студентов (11 девочек, 7 мальчиков), средний балл успеваемости – 3,85. Обе группы обучаются по одному направлению подготовки, на одном курсе.

Исследование проводилось в 4 этапа:

I этап исследования (сентябрь 2021 г.) – был произведён анализ источников информации по проблеме исследования.

II этап исследования (октябрь – ноябрь 2021 г.) – было проведено диагностическое исследование уровня сформированности профессионального мышления у студентов колледжа, и далее разработан комплекс учебных занятий с использованием методов обучения исследовательского типа по дисциплине «Налоги и налогообложение».

III этап исследования (ноябрь 2021 г. – март 2022 г.) – проведение комплекса разработанных занятий, т. е. формирующего этапа исследования, направленного на развитие профессионального мышления при помощи методов исследовательского типа на базе ГБПОУ «МОК № 1».

IV, заключительный этап исследования (апрель–май 2022 г.) – осуществлена вторичная диагностика составляющих профессионального мышления студентов колледжа для оценки уровня его сформированности, а также сделаны выводы по проведённому исследованию.

Для оценки уровня сформированности профессионального мышления у студентов нами была проведена диагностика по следующим характеристикам профессионального мышления: гибкость мышления, креативность,

способность к рефлексии своей деятельности, в том числе профессиональной. Также было проанализировано отношение студентов к двум сферам – профессиональной и сфере образования.

1. Гибкость мышления была измерена при помощи методики А. С. Лачинса «Гибкость мышления». Студенты в течение одной минуты писали одно и то же предложение четырьмя разными способами; после, через среднее значение показателей определялся коэффициент гибкости мышления. Если коэффициент гибкости был больше 0,5, то это обозначало, что студент обладает пластичным мышлением, легко и быстро переходит от одной деятельности к другой, оперативно реагирует на изменение входной ситуации, способен принимать адекватные решения. Если же значение данного коэффициента было меньше 0,5, то это свидетельствовало о ригидности мышления, т. е. низком уровне гибкости мышления [6].

Результаты диагностики по каждому студенту представлены на рисунке 5. Минимальный показатель – 0,36; максимальный – 0,92. Средний коэффициент гибкости по группе – 0,55, что относится к пороговому значению пластичного мышления. Так, у 37,5% студентов экспериментальной группы коэффициент гибкости мышления ниже 0,5, что говорит о ригидности мышления. У 62,5% студентов этот коэффициент больше 0,5, что говорит о пластичности мышления, но при этом у 37,5% студентов данный показатель граничит с 0,5, что говорит о средней пластичности мышления.

Данные по контрольной группе: низкий уровень – 33,3 % (показатели пластичности от 0, до 0,5), средний

уровень – 38,9 % (показатели от 0,5 до 0,55), высокий уровень – 27,8 % (показатели от 0,55 до 1).

Сравнение данных по группам представлено на рисунке 1.

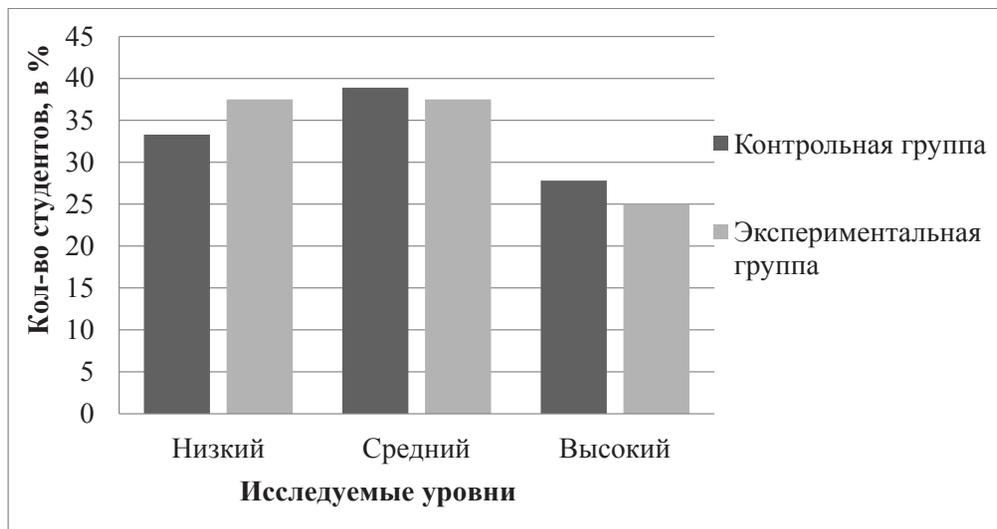

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение гибкости мышления в экспериментальной и контрольной группе (констатирующий этап) / Comparison of the flexibility of thinking in the experimental and control groups (stating stage)

Источник: данные автора.

2. Креативность, а также отношение студентов к сферам обучения и профессиональной жизни были выявлены через методику И. Г. Сенина «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ)»¹

Креативность. Среднее значение по данному показателю по группе – 5,81. Высокий балл по данному показателю говорит о стремлении человека к реализации своих творческих возможностей, внесению различных изменений во все сферы своей жизни, в том числе и в профессиональную. Испытуемые с высоким баллом по данному показателю во всём стремятся избегать стере-

отипов и разнообразить свою жизнь, принести в неё что-то новое.

У 18,75 % студентов экспериментальной группы балл по креативности равен 2–3, что говорит о низком уровне креативности, у 50% в диапазоне 4–7 баллов – это средний уровень креативности, у 31,25 % в диапазоне 8–9 баллов – это высокий уровень креативности.

Сравнение данных по группам представлено на рисунке 2.

Сфера профессиональной жизни (СПЖ). Среднее значение по данному показателю по группе – 5,38. Высокий балл по данному показателю говорит о высокой значимости для человека сферы его профессиональной деятельности. Такие люди отдают много времени своей работе, включаются в

¹ Капцов А. В. Психологическая аксиометрия личности и группы: методическое пособие. 2-е изд. доп. Самара: СамЛюксПринт, 2015. С. 34–35.

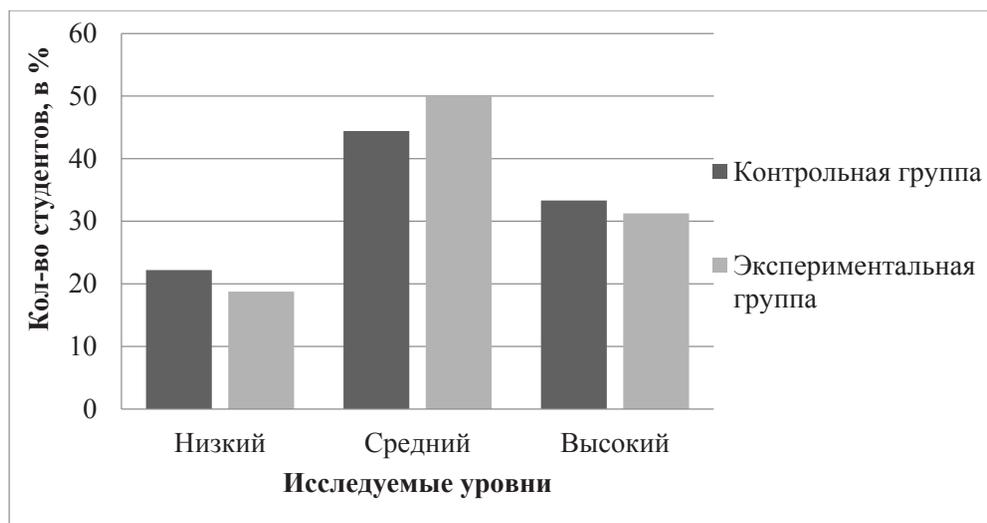

Рис. 2 / Fig. 2. Сравнение уровня креативности в экспериментальной и контрольной группе (констатирующий этап) / Comparison of the level of creativity in the experimental and control groups (stating stage)

Источник: данные автора.

решение производственных проблем, считая при этом, что деятельность, направленная на профессиональное совершенствование, является одной из главных составляющих жизни человека. Высокий балл в группе по этому показателю отмечается у четырёх студентов, низкий – также у четырёх студентов, у остальных студентов – средний уровень данного показателя. Это говорит о недостаточно высоком уровне заинтересованности студентов своей профессиональной жизнью. Важно отметить, что данный курс – выпускной.

У 25% студентов экспериментальной группы балл по показателю СПЖ равен 2–3, что говорит о низком уровне заинтересованности студентов своей профессиональной жизнью, у 50% в диапазоне 4–7 – это средний уровень заинтересованности, у 25% в диапазоне 8–9 – это высокий уровень заинтересованности.

Сравнение данных по группам представлено на рисунке 3.

Сфера обучения и образования (СОиО). Среднее значение по этому показателю в группе 31-Э – 4,81. Высокий балл (8–10) по данному показателю отражает стремление человека к повышению уровня своей образованности, расширению кругозора. Такие люди считают, как правило, что учиться и получать новые знания – важная составляющая жизни, что также важно для формирования профессионального мышления. У пятерых студентов отмечен высокий балл, низкий – у семерых, остальные студенты – средний. Это говорит о недостаточном уровне заинтересованности студентов в освоении новых знаний [10].

Так, 43,75% студентов набрали 1–3 балла по показателю СОиО, что говорит о низкой заинтересованности студентов в освоении новых знаний, 31,25% студентов набрали 4–7 балла –

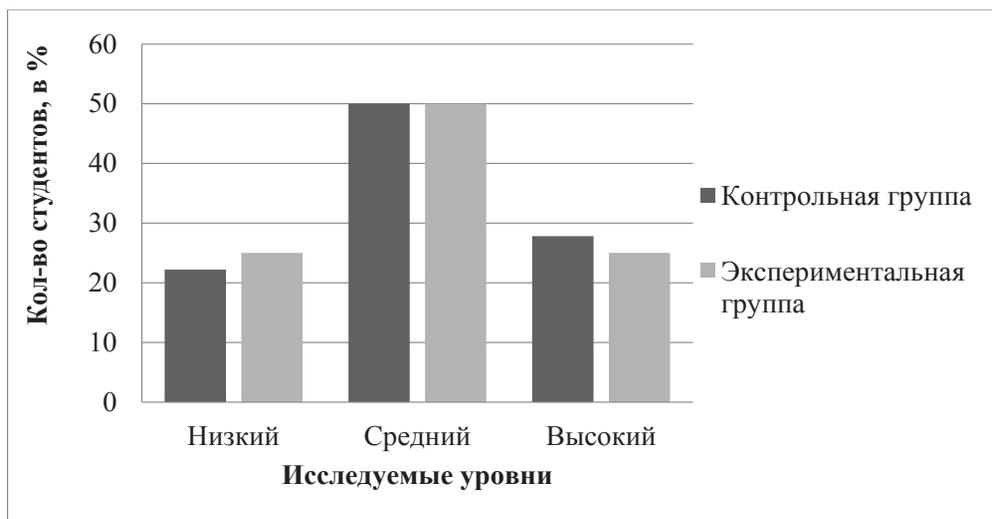

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнение результатов по показателю «СПЖ» экспериментальной и контрольной группы (констатирующий этап) / Comparison of the results for the indicator Sphere of professional life of the experimental and control groups (stating stage)

Источник: данные автора.

средний уровень заинтересованности, 25 % студентов набрали 8–10 баллов, что демонстрирует высокий уровень заинтересованности в освоении новых

знаний, в том числе и профессиональных.

Сравнение данных по группам представлено на рисунке 4.

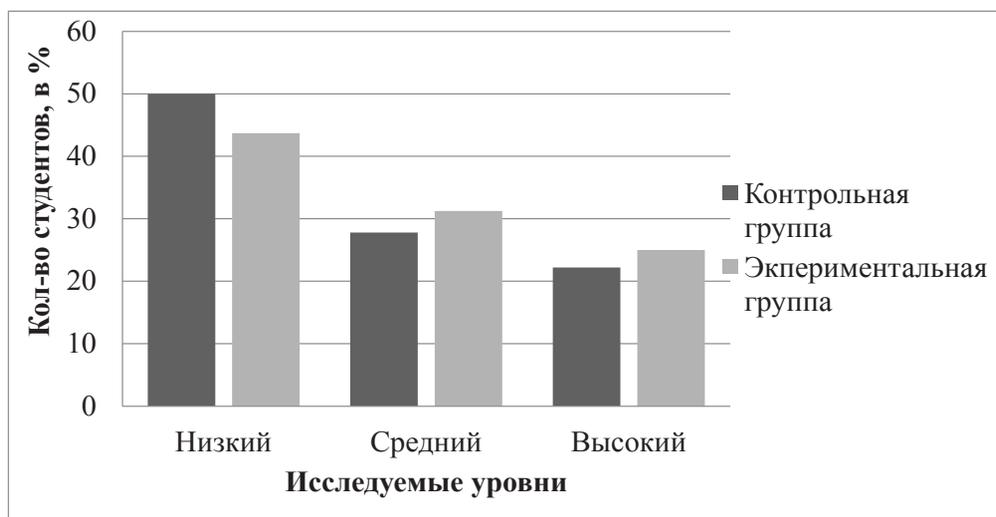

Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение результатов по показателю «СОиО» экспериментальной и контрольной группы (констатирующий этап) / Comparison of the results in terms of the indicator Sphere of training and education of the experimental and control groups (stating stage)

Источник: данные автора.

3. Рефлексивность. Уровень рефлексивности был измерен при помощи опросника рефлексивности Карпова. Среднее значение по этому показателю – 3,38. Низкий уровень рефлексивности отмечен у половины группы, у другой половины – средний уровень. Самый высокий балл – 5. Рефлексия проявляется в самоконтроле, склонности к анализу уже выполненной деятельности, в том числе и профессиональной, а также в умении анализировать предстоящую деятельность, поведение, планировать и прогнозировать вероятные исходы, что также играет значительную роль в формировании профессионального мышления [11].

Так, 43,75 % студентов экспериментальной группы набрали 1–3 балла по показателю «рефлексивность», что говорит о низкой способности осуществлять самоконтроль, анализ своей выполненной и будущей деятельности, в том числе и профессиональной,

50 % набрали 4–5 баллов по данному показателю, что говорит о среднем уровне рефлексивности, один студент (6,25 %) – высокий уровень.

Сравнение данных по группам представлено на рисунке 5.

Данные по всем критериям в сравнении экспериментальной и контрольной групп представлены в таблице 1.

Можно сделать общий вывод о том, что уровень профессиональной подготовки, профессионального мышления и успеваемости групп 31-Э и 32-Э недостаточно соответствует выбранной специальности; психологический климат в экспериментальной группе нуждается в небольшом улучшении – не хватает сплочённости и активности среди студентов. Констатирующий этап показал, что уровень сформированности параметров профессионального мышления у студентов в КГ и ЭГ практически одинаков и отличается лишь на 2–7 % по всем уровням, рас-

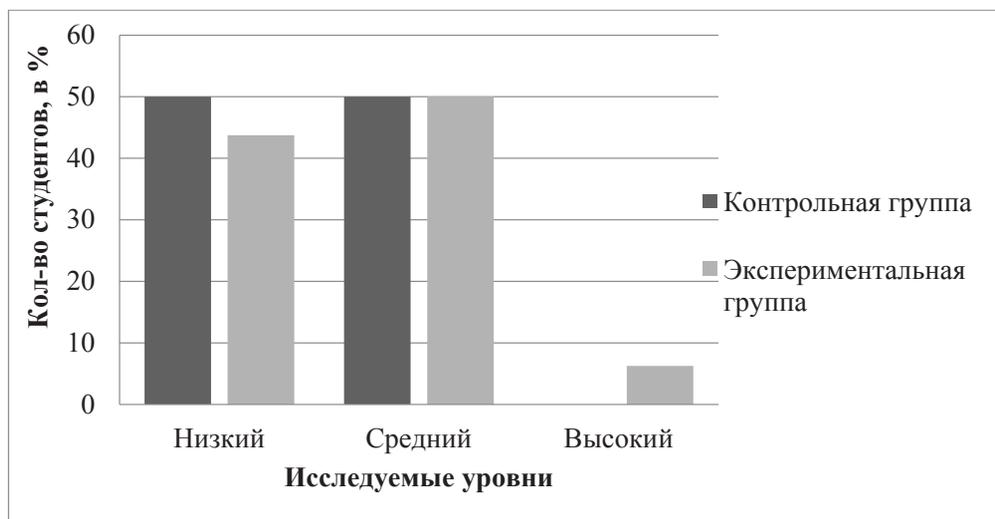

Рис. 5 / Fig. 5. Сравнение результатов по показателю «рефлексивность» в экспериментальной и контрольной группе (констатирующий этап) / Comparison of the results in terms of reflexivity in the experimental and control groups (stating stage)

Источник: данные автора.

Таблица 1 / Table 1

Сопоставление результатов по уровню развития всех критериев в экспериментальной и контрольной группе (констатирующий этап) / Comparison of the results according to the level of development of all criteria in the experimental and control groups (stating stage)

Критерии исследования	Доля студентов по исследуемым уровням, %					
	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Гибкость мышления	37,5	37,5	25	33,3	38,9	27,8
Креативность	18,75	50	31,25	22,2	44,4	33,3
Сфера обучения и образования	43,75	31,25	25	50	27,8	22,2
Сфера профессиональной жизни	25	50	25	22,2	50	27,8
Рефлексивность	43,75	50	6,25	50	50	0

Источник: данные автора.

пределение компонентов в исследуемых группах в начале эксперимента достоверно не отличается между собой, группы являются независимыми, сопоставимыми (ни одно эмпирическое значение многофункционального критерия Фишера $\varphi^*_{эмп}$ не попало в зону значимости).

Формирующий эксперимент

Формирующий эксперимент – это развивающий метод в условиях специально созданного экспериментального педагогического процесса.

По результатам анализа учебного плана и рабочей программы по дисциплине «Налоги и налогообложение» нами были выделены темы, в рамках которых возможно проведение занятий с использованием проектной деятельности студентов (в том числе совместной), кейсов по решению нестандартных экономических задач, а также проведение семинаров рефлексивного типа: «Налоговая система РФ, принципы её построения»,

«Организация налогового контроля», «Налог на доход физических лиц», «Специальные налоговые режимы», проект «Своё дело: налоговые нюансы».

В процессе формирующего этапа в экспериментальной группе были проведены занятия по дисциплине «Налоги и налогообложение» с применением методов исследовательского типа, описанных в гипотезе. Следует отметить, что наряду с рефлексивными семинарами по описанным выше темам, рефлексия проводилась на каждом занятии формирующего эксперимента.

Одним из этапов формирующего эксперимента стали проектирование и реализация метода проектов, разработка методического паспорта и организация исследовательской деятельности студентов в учебном мини-проекте по «открытию» собственного дела с учётом основных налоговых расходов. На первом этапе работы над учебным проектом для нас было важ-

но корректно описать и представить компоненты проекта, организующие деятельность студентов и преподавателя; компоненты проекта, позволяющие актуализировать, формировать элементы профессионального мышления (анализ, синтез, моделирование, абстрактное мышление, выявление причинно-следственных связей в экономических системах), которые предлагаются студентам – творческое название учебного проекта, основополагающий вопрос, проблемная ситуация, цели и задачи учебного проекта. Компоненты необходимы для грамотной методической деятельности преподавателя – содержательный(-ые) вопрос(-ы); проблемный вопрос, проблемы, решаемые в ходе учебного проекта; гипотезы решения проблемы; материально-техническое и учебно-методическое оснащение; дополнительно привлекаемые участники (специалисты); общеучебные навыки необходимые для решения исследовательских задач; мотивация к исследовательской работе; предполагаемые «приращения»: новое содержание и новый взгляд на тему, методику осуществления учебного проекта – методику организации групповой/коллективной работы над проектом, в том числе с помощью цифровых инструментов (платформы для совместной работы распределённых команд, мессенджеры, инструменты для создания скринкастов): постановка цели, определение личностного и социального смысла для каждого участника, распределение ролей (функций) участников, инструкция к выполнению функционала, ресурсы, необходимые для решения проектных задач, требования к промежуточному и итоговому результату.

Следует отметить, что проблему, проблемный вопрос преподаватель формулирует для себя, студенты же конкретную проблему будущего исследования должны сформулировать сами. Задача педагога – незаметно подвести студентов к формулировке проблемы, поэтому преподаватель готовит возможные варианты формулировок проектных проблем, и предлагает студентам основополагающий вопрос, отражающий богатство и сложность изучаемого предмета. Ответ(-ы) на основополагающий (-ие) вопрос(-ы) должен(ы) выявить действительное понимание студентом содержания предмета налогообложения. На этот(-и) вопрос(-ы) обучающиеся не смогут ответить одним предложением. Между основополагающим и проблемным вопросом должна быть установлена связь: проблемные вопросы являются конкретными предметными и тематическими предпосылками к ответам на основополагающий вопрос.

В проекте «Своё дело: налоговые нюансы» рассматриваются следующие учебные вопросы: факторы производства; доходы от факторов производства; экономические и бухгалтерские издержки и прибыль; постоянные и переменные издержки производства; элементы налоговой системы; сумма налогов; налоговый кодекс РФ; налоги, уплачиваемые современным предприятием. Основополагающим вопросом может быть следующий: «Может ли уплата налогов быть выгодной для бизнеса?». При открытии своего дела большинство людей не придаёт должного значения выбору налогов и режимов. Некоторые индивидуальные предприниматели, закрывая свой бизнес, выплачивают крупные суммы

штрафов за налоги, об уплате которых они не задумывались. Студенты могут сформулировать проблемные вопросы: «Как организовать свой бизнес максимально выгодно?»; «Как минимизировать риски, связанные с уплатой налогов?».

Студентам нужно предложить идею бизнеса и способы минимизации налоговых расходов по данной деятельности. Рассматриваемые критерии студенты выбирали сами для самостоятельного планирования вектора действий (с опорой на совместно предложенный список). Перед тем, как студенты приступали к структурированию информации и её оформлению в виде презентации или в виде других творческих элементов (инфографики, карты памяти), им было необходимо было выписать свои ожидания касательно будущей проделанной работы. В конце защиты студенты также заполняли рефлексивные анкеты, завершающим вопросом было необходимо сравнить свои ожидания и их совпадение с реальностью.

Проектная деятельность позитивно влияет на развитие творческой составляющей личности, объяснение актуальности выполняемой работы в начале занятий способствует развитию заинтересованности студентов в профессиональной и сфере обучения, что также важно для полноценного усвоения полученных знаний.

Также в процессе формирующего эксперимента студентам были предложены кейсы для групповой работы по темам: «Организация выгодного бизнеса, выбор режима налогообложения»; «Налоговый режим для нашего кино»; «ООО и ИП – разные режимы налогообложения?»; «Платить нужно вовремя» и т. п.

Работа с набором кейсов намеченных типов может быть дополнена систематическим обращением студентов к осмыслению самого способа работы представителя налоговой службы. Это можно сделать путём организации коллективного обсуждения и творческой реконструкции двух важных инструментов профессиональной деятельности: а) общей схемы работы с запросами представителей налоговой инспекции и налогоплательщиков и б) типологии традиционных запросов по поводу проблемных ситуаций, связанных с налогообложением, и набора эффективных средств их разрешения. Такой выход в своего рода метапредметный план содержания является важнейшей составляющей профессиональной компетенции, задающей основу целенаправленности и организованности действия специалиста по решению практических задач и проблем.

Подводя итоги формирующего этапа исследования, необходимо отметить, что применение методов исследовательского типа, по нашим наблюдениям, способствовало активизации деятельности обучающихся, со временем студенты стали более плодотворно участвовать в процессе обучения, более открыто заполнять рефлексивные анкеты.

После формирующего эксперимента нами была проведена вторичная диагностика характеристик профессионального мышления, мы получили следующие результаты (табл. 2):

Основные изменения в экспериментальной группе произошли за счёт уменьшения доли студентов с низким уровнем исследуемых параметров. В результате проведённых экспериментальных занятий студентов со средним и высоким уровнем гибкости мышле-

Таблица 2 / Table 2

Сопоставление результатов по уровню развития всех критериев профессионального мышления в экспериментальной и контрольной группе (контрольный этап) / Comparison of the results according to the level of development of all criteria of professional thinking in the experimental and control groups (control stage)

Критерии исследования	Доля студентов по исследуемым уровням, %					
	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Гибкость мышления	25	43,75	31,25	33,3	33,3	33,3
Креативность	6,25	56,25	37,5	27,8	38,9	33,3
Сфера обучения и образования	25	50	25	55,6	27,8	16,6
Сфера профессиональной жизни	18,75	43,75	37,5	33,3	38,9	27,8
Рефлексивность	25	62,5	12,5	55,6	44,4	0

Источник: данные автора.

ния, креативности, стремления к повышению своей образованности, расширению кругозора, значимость для студентов сферы их профессиональной деятельности стала больше.

Сравнение изменений по всем показателям для экспериментальной группы представлено на рисунке 6.

Таким образом, по всем измеренным компонентам профессионального

Рис. 6 / Fig. 6. Сопоставление результатов по уровню развития всех критериев профессионального мышления в экспериментальной группе (средний и высокий уровень) / Comparison of results according to the level of development of all criteria of professional thinking in the experimental group (medium and high level)

Источник: данные автора.

мышления после применения методов исследовательского типа в процессе преподавания дисциплины «Налоги и налогообложение» в экспериментальной группе обнаружена положительная динамика и прирост от + 6,25% до 18,75%. По сравнению с экспериментальной группой, у контрольной преимущественно наблюдается отрицательная динамика: большинство студентов имеет низкий или средний уровень исследуемых параметров.

В результате статистической обработки результатов с помощью критерия F -критерия Фишера мы доказали, что: формированию профессионального мышления в освоении дисциплин экономического цикла будут способствовать методы обучения исследовательского типа. Гипотеза подтвердилась на уровне значимости $p \leq 0,05$. Важно отметить, что в характеристиках, не попавших в зону значимости (гибкость мышления, сфера профессиональной жизни), обнаружена положительная динамика.

Заключение

В результате проведённого экспериментального исследования, цель работы – повышение уровня профессионального мышления студентов через применение методов исследовательского типа в преподавании экономических дисциплин – была достигнута.

Через проведение формирующего эксперимента доказано, что развитию профессионального мышления в освоении дисциплин экономического цикла способствуют методы обучения исследовательского типа, а именно: семинары рефлексивного типа; проектная деятельность студентов (в том числе совместная); кейс-метод в решении нестандартных экономических задач.

На уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ выросли показатели таких элементов профессионального мышления, как: креативность (реализация своих творческих возможностей стремление изменять окружающую действительность) и рефлексивность. Показатели гибкости мышления имеют положительную динамику роста. Что касается изменения значимости той или иной сферы жизни, у студентов вырос показатель «сфера обучения и образования» на уровне значимости $p \leq 0,05$, а показатель «сфера профессиональной жизни» показал положительную динамику роста.

Подводя итоги, можно говорить о том, что получено новое знание о возможностях формирования профессионального мышления педагогами профессионального обучения в колледже. Материалы исследования могут быть использованы в практике преподавателей экономических дисциплин.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е. В. Культура профессионального мышления учителя // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). С. 285–288.
2. Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 28–40.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2019. 432 с.
4. Гильяно А. С., Козлова К. В. Становление образа профессионального действия в современной образовательной ситуации: постановка проблемы // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы:

- сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 15–29 ноября 2021 г. Красноярск: Издательство Казанского государственного аграрного университета, 2022. С. 84–86.
5. Гильяно А. С., Умняшова И. Б. Интерактивные методы высшей школы: ресурсы и проблемы применения // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2016. № 4 (8). С. 62–67.
 6. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одарённости. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
 7. Кашапов М. М. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 35–46.
 8. Матюшкин А. М. Мышление как продуктивный процесс совместного решения проблемных ситуаций (из семейного архива) // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 124–129.
 9. Романцев Г. М., Ронжина Н. В. Профессиональное мышление как фактор развития профессионального образования на современном этапе // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 3–4. С. 46–47.
 10. Ростовцева П. П., Гусева Н. В. Развитие мышления у студентов с использованием рефлексивных технологий в процессе обучения // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 314–316.
 11. Румянцева Л. Н. Исследовательский метод обучения и здоровьесбережение младшего школьника // Берегиня. 777. Сова. 2010. № 5 (7). С. 168–174.
 12. Стаценко Т. М. Профессиональное становление специалиста среднего звена на примере междисциплинарной интеграции // Профессиональная ориентация. 2017. № 2. С. 97–103.
 13. Эльконин Б. Д. Продуктивное действие // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 116–122.
 14. Bannigan K., Moores A. A Model of Professional Thinking: Integrating Reflective Practice and Evidence Based Practice // Canadian Journal of Occupational Therapy. 2009. Vol. 76, Iss. 5. P. 342–350.
 15. Giorgio F., Gaetano V., Cinzia G. Learning Psychology and Becoming Psychologists: Developing Professional Identity through Group Experiential Learning // Psychology Learning & Teaching. 2017. Vol. 16. Iss. 2. P. 232–247.

REFERENCES

1. Belyaeva E. V. [The culture of teacher's professional thinking]. In: *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2006, no. 5 (39), pp. 285–288.
2. Brushlinskij A. V. [Thinking as a process and a problem of activity]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1982, no. 2, pp. 28–40.
3. Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 432 p.
4. Gil'vano A. S., Kozlova K. V. [Formation of the image of professional action in the modern educational situation: problem statement]. In: *Professional'noe samoopredelenie molodyozhi innovacionnogo regiona: problemy i perspektivy: sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnoyarsk, 15–29 noyabrya 2021 g.* [Professional self-determination of the youth of the innovative region: problems and prospects: collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with participation, Krasnoyarsk, November 15–29, 2021]. Krasnoyarsk, Kazan State Agrarian University Press Publ., 2022, pp. 84–86.

5. Gil'yano A. S., Umnyashova I. B. [Interactive methods of higher education: resources and problems of application]. In: *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya* [Bulletin of Saratov Regional Institute for the Development of Education], 2016, no. 4 (8), pp. 62–67.
6. Il'in E. P. *Psihologiya tvorchestva, kreativnosti, odaryonnosti* [Psychology of creativity, creativity, giftedness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 448 p.
7. Kashapov M. M. [Resource bases of professionalization of thinking]. In: *Metodologiya sovremennoj psihologii* [Methodology of modern psychology], 2021, no. 14, pp. 35–46.
8. Matyushkin A. M. [Thinking as a productive process of exchanging solutions to problem situations (from the family archive)]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2008, vol. 29, no. 2, pp. 124–129.
9. Romancev G. M., Ronzhina N. V. [Professional thinking as a factor in the development of professional education at a wide level]. In: *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical journal of Bashkortostan], 2013, no. 3–4, pp. 46–47.
10. Rostovceva P. P., Guseva N. V. [The development of thinking among students using reflective technologies in the learning process]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2021, no. 2 (87), pp. 314–316.
11. Rumyancheva L. N. [Research method of teaching and health care of a younger schoolchild]. In: *Bereginya. 777. Sova* [Bereginya. 777. Owl], 2010, no. 5 (7), pp. 168–174.
12. Stacenko T. M. [Professional development of mid-level specialists to improve interdisciplinary assessment]. In: *Professional'naya orientaciya* [Professional orientation], 2017, no. 2, pp. 97–103.
13. El'konin B. D. [Productive action]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 116–122.
14. Bannigan K., Moores A. A Model of Professional Thinking: Integrating Reflective Practice and Evidence Based Practice. In: *Canadian Journal of Occupational Therapy*, 2009, vol. 76, iss. 5, pp. 342–350.
15. Giorgio F., Gaetano V., Cinzia G. Learning Psychology and Becoming Psychologists: Developing Professional Identity through Group Experiential Learning. In: *Psychology Learning & Teaching*, 2017, vol. 16, iss. 2, pp. 232–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гильяно Альбина Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института экономики и управления агропромышленным комплексом Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева; e-mail: als129@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8261-4713

Баранова Екатерина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Института экономики и управления агропромышленным комплексом Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева; e-mail: baranovaem@tgau-msha.ru; ORCID: 0000-0001-6955-4149

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Albina S. Gilyano – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Institute of Economics and Management in Agribusiness, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; e-mail: als129@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8261-4713

Ekaterina M. Baranova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Institute of Economics and Management in Agribusiness, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; e-mail: baranovaem@rgau-msha.ru; ORCID: 0000-0001-6955-4149

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гильяно А. С., Баранова Е. М. Формирование профессионального мышления студентов колледжа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 41–59.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-41-59

FOR CITATION

Gilyano A. S., Baranova E. M. Formation college students' professional thinking. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 41–59.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-41-59

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-60-74

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ТРУДОМ ВРАЧЕЙ ПОСЛЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОВИД-ГОСПИТАЛЕ

Делибоженко Е. А., Мишина М. М.

¹ *Московский международный университет
125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация*

² *Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить уровень эмоционального выгорания и проанализировать удовлетворённость трудом врачей после двух лет непрерывной работы в стационаре с коронавирусными пациентами.

Процедура и методы. Исследование проходило с марта по апрель 2022 г. с использованием методик диагностики эмоционального выгорания В. В. Бойко и определения интегральной удовлетворённости трудом А. В. Батаршева. Для анализа данных применялись *t*-критерий Стьюдента, критерий углового преобразования Фишера – ϕ^* -критерий, расчёт среднего и стандартного отклонения.

Результаты. Были выявлены показатели эмоционального выгорания врачей «красной зоны», проанализированы фазы и симптомы эмоционального выгорания врачей, непосредственно работающих в стационаре с коронавирусными пациентами, установлен общий уровень удовлетворённости трудом врачей «красной зоны», а также интегративные показатели удовлетворённости работой врачей «красной зоны». Проведён сравнительный анализ показателей эмоционального выгорания и удовлетворённости трудом врачей «красной» и «зелёной» зон.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование вносит вклад в изучение эмоционального выгорания профессионала в тяжёлых, непривычных условиях работы. Результаты исследования выявляют основные психологические трудности, которые испытывают медицинские работники во время пандемии, что даёт возможность для разработки психологической поддержки врачей, находящихся в новых условиях работы.

Ключевые слова: «зелёная зона», «красная зона», истощение, медицинские работники, напряжение, резистенция, синдром эмоционального выгорания (СЭВ), удовлетворённость трудом (УТ), COVID-19

EMOTIONAL BURNOUT AND JOB SATISFACTION OF DOCTORS AFTER PROLONGED WORK IN THE COVID-HOSPITAL

E. Delibozenko, M. Mishina

¹ *Moscow International University*

pr. Leningradsky, 17, Moscow, 125040, Russian Federation

² *Russian State University for the Humanities,*

pl. Miuskaya, 6, Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the level of emotional burnout and satisfaction with the work of doctors of the «red zone» after two years of continuous work in a hospital with coronavirus patients.

Methodology. The study was conducted from March 2022 to April 2022 using methods for diagnosing emotional burnout by V. V. Boyko and A. V. Batarshchikov's method of determining integral satisfaction with the work. To analyze the data, the Student's t-criterion, Fisher's angular transformation criterion – ϕ -criterion, and the calculation of the mean and standard deviation were used.

Results. The indicators of emotional burnout of doctors of the “red zone” were identified, the phases and symptoms of emotional burnout of doctors working directly in the hospital with coronavirus patients were analyzed, the overall level of satisfaction with the work of doctors of the “red zone” was established, as well as integrative indicators of satisfaction with the work of doctors of the “red zone”. A comparative analysis of the indicators of emotional burnout and satisfaction with the work of doctors of the “red zone” and the green zone” was carried out.

Research implications. The conducted research contributes to the study of the emotional burnout of a professional in difficult, unusual working conditions. The results of the study confirm the difficulties experienced by medical professionals during the pandemic and the need to develop psychological support in these conditions.

Keywords: «green zone», «red zone», exhaustion, medical workers, tension, resistance, burnout syndrome (BS), job satisfaction (JS), COVID-19

Введение

Эпидемия COVID-19 создала условия для реструктуризации системы здравоохранения с целью борьбы с новой инфекцией. В России произошла мобилизация системы здравоохранения и перепрофилирование больниц для борьбы с коронавирусной инфекцией. Быстрое и неожиданное развитие пандемии вызвало огромное давление на систему здравоохранения России; растущее число пациентов и ограниченность клинических принадлежностей и оборудования по сравнению с растущими потребностями, а

также недостаточный объём знаний о болезни перегрузили систему здравоохранения. Дисбаланс между потребностями и доступными ресурсами заставил врачей работать в чрезвычайно трудных условиях, что повлияло на риски для психического здоровья медицинского персонала. В то же время перевод врачей узких специализаций в инфекционистов ещё больше увеличил эмоциональную нагрузку на профессионалов.

Ряд зарубежных исследований подтверждает влияние обстоятельств пандемии на эмоциональное самочув-

ствие медицинских работников, вызвав тревогу, депрессию, посттравматический стресс, бессонницу [9; 11]. Некоторые авторы предполагают, что эта ситуация могла также спровоцировать моральный дистресс, который увеличивает показатель тревоги [3; 4; 5; 8; 10].

Румынские исследователи изучили уровень общего стресса медицинских работников во время пандемии COVID-19 и выявили средний и высокий уровень стресса (более высокий уровень в период с большим числом больных COVID-19; средний уровень – в период с низким числом больных COVID-19) [12].

Исследование, проведённое Пекинским университетом, показало, что треть из 311 опрошенных медицинских работников, участвующих в лечении коронавируса, переживает разного рода психологические проблемы [6].

Проведённое исследование Б. А. Ясько с соавторами выявило негативные последствия после одного календарного года работы врачей в «красной зоне» с коронавирусными больными: «...при ежедневных высоких рабочих, эмоциональных перегрузках у врачей значительно утрачивается способность выдерживать профессиональный стресс, сохраняя внутреннюю сбалансированность (общая жизнестойкость)» [7].

Пандемия COVID-19 поставила в сложную ситуацию врачей не только неотложной помощи, но и врачей разных специализаций, работающих в стационарах. Перевод стационарных медицинских учреждений на профиль по борьбе с COVID-19 резко изменил должностные обязанности и условия работы медицинских работников, что

вызвало эмоциональное выгорание и снизило удовлетворённость своей работой.

Автор методики «Эмоциональное выгорание» В. В. Бойко даёт следующее определение эмоциональному выгоранию – «...это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частично-го исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на психотравмирующие воздействия. Эмоциональное выгорание представляет собой приобретённый стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения. “Выгорание” отчасти функциональный стереотип, поскольку позволяет человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. В то же время, могут возникать его дисфункциональные следствия, когда “выгорание” отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнёрами» [2].

«Удовлетворённость трудом – это эмоционально-оценочный элемент отношения к труду, при котором внутреннее состояние работника позволяет дать оценку рабочего процесса, а также рассмотреть процесс самореализации при осуществлении профессиональной деятельности» [1]. Удовлетворённость профессионалом своим трудом является составляющей, обуславливающей результативность работы.

Цель нашего исследования – анализ особенностей эмоционального выгорания и удовлетворённости трудом врачей, работавших в течение двух лет в ковид-госпитале. Реализация исследования предполагает решение нескольких задач: изучить особенно-

сти эмоционального выгорания, уровень удовлетворённости своим трудом врачей «красной зоны», провести сравнительный анализ данных показателей врачей «красной» и «зелёной» зон и проверить гипотезу о том, что продолжительная (в диапазоне двух календарных лет) профессиональная деятельность врачей в «красной зоне» повышает уровень эмоционального выгорания и снижает удовлетворённость трудом.

Методики исследования

В исследовании принимали участие врачи города Москвы, работающие в медицинском стационарном учреждении по лечению пациентов с коронавирусной инфекцией в течение 23 месяцев. Исследование охватывало временной диапазон с марта 2022 г. по апрель 2022 г.

Выборка представлена двумя группами врачей: 1 группа – врачи, вовлечённые в «красную зону» ковид-госпиталя с апреля 2020 г. по март 2022 г. (n=35), и 2 группа сравнения – врачи, работающие с апреля 2020 г. по март 2022 года в ковид-госпитале в «зелёной зоне», не участвовавшие в клиническом процессе с ковидными пациентами (n=23), но до перевода лечебного учреждения в режим ковид-госпиталя работали врачами в стационаре.

Состав групп: стаж работы врачей от 15 до 22 лет, возраст от 37 до 47 лет; 1 группа («красная зона») – женщины 37,0% (n=13), мужчин 63,0% (n=22), все с опытом работы в «красной зоне»; 2 группа («зелёная зона») – женщины 35,0% (n=8), мужчин 65,0% (n=15) без опыта работы в «красной зоне».

В психодиагностике применяли методики опросного типа: «Эмоци-

ональное выгорание» В. В. Бойко¹, основанная на теоретических конструктах эмоционального выгорания и «Методика определения интегральной удовлетворённости трудом» А. В. Батаршева².

Опросник В. В. Бойко «Эмоциональное выгорание» состоит из 84 вопросов и выявляет фазы синдрома эмоционального выгорания (СЭВ): напряжения, резистенции и истощения. После подсчёта количественного показателя можно выявить уровень каждой из фаз: не сформирована, в стадии формирования, сформировалась. В каждую фазу входит по 4 симптома нарастающего эмоционального выгорания.

Показателем сформированности фаз и симптомов служит количественный показатель набранных баллов, для фаз меньше 36 – не сформировалась, 37–60 – в стадии формирования, 61 и более – сформировалась; для симптомов: менее 9 – не сложившаяся фаза, 10–15 – складывающаяся, 16 и более – сложившаяся.

Для выявления удовлетворённости трудом (УТ) был использован опросник «Интегральная удовлетворённость трудом» А. В. Батаршева: «Опросник включает 18 вопросов и выявляет общий уровень и составляющие удовлетворённостью трудом: интерес к работе; удовлетворённость достижениями в работе; удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками; удовлетворённость взаимоотношениями с

¹ В. В. Бойко. Диагностика уровня эмоционального выгорания [Электронный ресурс]. URL: <https://psyttests.org/boyko/burnout.html> (дата обращения: 22.09.2022).

² Батаршев А. В. Интегральная удовлетворённость трудом [Электронный ресурс]. URL: <https://monplan.ru> (дата обращения: 22.09.2022).

руководством; уровень притязаний в профессиональной деятельности; предпочтение выполняемой работы высокому заработку; удовлетворенность условиями труда; профессиональная ответственность. Низкий уровень УТ характеризуется диапазоном 1–44% от общей суммы баллов, средний уровень 45–55%, высокий – выше 56%»¹.

Для сравнительного анализа данных применяли *t*-критерий Стьюдента, критерий углового преобразования Фишера (ϕ^* -критерий), расчёт среднего и стандартного отклонения.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе проводился сбор данных по каждой методике в двух группах врачей: «красной зоны» – непосредственно работающих с коронавирусными больными и «зеленой зоны» – врачей, выполняющих административную, статистическую, экспертную и методическую работы в ковид-госпитале. После этого производили статистическую обработку данных по каждой методике и делали предварительные выводы. На следующем этапе исследования сопоставляли и анализировали полученные результаты по группам врачей «красной» и «зелёной» зон.

В табл. 1 представлены результаты исследования эмоционального выгорания врачей «красной зоны» и «зелёной зоны», полученные по опроснику В. В. Бойко. Анализ показывает, что 74,29% врачей «красной зоны» находятся в фазе напряжения на стадии формирования и у 5,71% врачей фаза

напряжения сформировалась, у 86,96% врачей «зелёной зоны» данная фаза не сформирована, а у 13% – в стадии формирования. Среднегрупповые значения ($M \pm SD$) по фазе напряжения преобладают в группе врачей «красной зоны» (при $t=10,3$; $p \leq 0,01$).

При исследовании симптоматики фаз формирования СЭВ у врачей «красной зоны» доминирующим сложившимся симптомом в фазе напряжения стал симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» (51,43%), в группе врачей «зелёной зоны» у 86,95% врачей данный симптом не сложился. Значимые различия в группах установлены в среднегрупповых данных по симптому «переживание психотравмирующих обстоятельств» (при $t=9,7$; $p \leq 0,01$). У медицинских работников «красной зоны» усиливается осознание психотравмирующих факторов, происходит осознание того, что данные факторы невозможно устранить. Этому может способствовать восприятие врачами профессиональных отношений «красной зоны» как психотравмирующих, а также тяжёлые условия работы: закрытое и непроветриваемое помещение, ношение противочумных костюмов; поход в уборную, отсутствие воды и еды при очевидной потребности в этом.

Результаты анализа симптома «неудовлетворённость собой» показывают, что в группе врачей «красной зоны» у 80% данный симптом не выражен, как и в группе врачей «зелёной зоны» – 86,96%. Среднегрупповые данные по симптому «неудовлетворённость собой» между двумя группами врачей не имеют статистически значимых различий ($t=2$, $p \leq 0,01$). Стоит отметить, что в группе врачей «зелёной зоны» пока-

¹ Батаршев А. В. Интегральная удовлетворённость трудом [Электронный ресурс]. URL: <https://monplan.ru> (дата обращения: 22.09.2022).

затель сложившегося симптома «неудовлетворённость собой» проявился у 13,04% врачей.

Основываясь на теоретических положениях поэтапного развития симптомов эмоционального выгорания, в результате невозможности повлиять на психотравмирующие обстоятельства, отметим, что профессионал должен переживать недовольство собой, но в случае врачей, работающих в «красной зоне», этого не происходит. Несмотря на высокий процент сформированности у врачей «красной зоны» симптома «переживания психотравмирующих обстоятельств», симптом «неудовлетворённость собой» у них не сформировался, энергетика направлена не на себя, а во внешний мир. Полученные данные подтверждают результаты проведённого исследования, посвящённого динамике показателей духовности медицинских работников в стрессогенных условиях пандемии по Нижегородскому региону Т. В. Маркеловой и соавторами: 63% врачей во время пандемии имеют большую ориентацию на других, чем на себя [2].

По симптому «загнанность в клетку» были получены статистически значимые различия среднегрупповых показателей в группах врачей ($t=9,3$; $p\leq 0,01$). У 71,43% врачей «красной зоны» симптом «загнанность в клетку» сложился, у 95,65% врачей «зелёной зоны» симптом не сложился. Данные показатели свидетельствуют о том, что врачи «красной зоны» начинают испытывать чувство безысходности под давлением психотравмирующих обстоятельств и невозможности их устранения.

У 20% врачей «красной зоны» выражен симптом «тревога и депрессия»,

что влечёт тревогу и разочарование в профессиональной деятельности, у врачей «зелёной зоны» данный симптом не выражен. Статистически значимые различия установлены также в среднегрупповых данных по симптому «тревога и депрессия» (при $t=9,1$; $p\leq 0,01$).

Следующая фаза формирования синдрома эмоционального выгорания – фаза резистенции. В.В. Бойко указывает, что на фазе резистенции работник пытается уменьшить давление внешних факторов, обрести психологический комфорт, происходит формирование защиты. В группе врачей «красной зоны» у 71,42% врачей фаза резистенции находится на стадии формирования и у 14,29% сформировалась, у 86,96% врачей «зелёной зоны» данная фаза не сформирована (табл. 1). Среднегрупповые значения ($M\pm SD$) фазы резистенции преобладают в группе врачей «красной зоны» (при $t=9$; $p\leq 0,01$). По четырём симптомам фазы резистенции были выявлены значимые среднегрупповые различия: «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($t=5,4$), «эмоционально-нравственная дезориентация» ($t=4,4$), «расширение сферы экономии эмоций» ($t=10,4$) и «редукция профессиональных обязанностей» ($t=4$).

В фазе резистенции у врачей «красной зоны» доминирующий сложившийся симптом – «редукция профессиональных обязанностей», у 34,29% симптом сформировался, в группе врачей «зелёной зоны» симптом сложился у 13,04% врачей ($\varphi^*=3,6$; $p\leq 0,01$). Редукция проявляется как стремление к упрощению своих профессиональных обязанностей, требующих эмоциональных затрат: врач стремится тра-

тить как можно меньше времени на их выполнение.

У 28,57% врачей «красной зоны» выявлен сложившийся симптом «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование»: врач реагирует на потребности пациента, коллег по работе в зависимости от своего настроения. Данный симптом сложился у 4,35% врачей «зелёной зоны» ($\varphi^*=5$; $p \leq 0,01$).

У 25,71% врачей «красной зоны» прослеживается сложившийся симптом «эмоционально-нравственная дезориентация»: врач не проявляет должного эмоционального отношения к пациенту, коллегам, разделяет партнёров на «хороших» и «плохих», защищая и оправдывая такую позицию. У врачей «зелёной зоны» данный симптом выражен лишь у 4,35% ($\varphi^*=4,7$; $p \leq 0,01$).

Проявление сложившегося симптома «расширение сферы экономии эмоций» выявлено у 14,29% врачей «красной зоны»: экономия эмоций переносится на общение вне профессии, на семью, происходит уход от взаимодействия с родными. В группе врачей «зелёной зоны» симптом «расширение экономии эмоций» не выражен у 100% врачей.

Третья фаза характеризует истощение, связанное с психофизическим переутомлением, опустошённостью, нарушениями в профессиональном общении, что даёт психосоматические сбои и снижение общего энергетического тонуса, ослабляющего нервную систему. У 95,65% врачей «зелёной зоны» фаза истощения не сформирована. У врачей «красной зоны» стадия формирования истощения наблюдается у 74,28%, а у 22,86% она уже сформировалась. Среднегрупповые пока-

затели по фазе истощения достоверно выше у врачей «красной зоны» (при $t=11,9$; $p \leq 0,01$).

Доминирующим сложившимся симптомом в фазе истощения у врачей «красной зоны» стал «эмоциональный дефицит» (37,14%), у врачей «зелёной зоны» данный симптом не сложился (100%). Среднегрупповые показатели по симптому «эмоциональный дефицит» достоверно выше в группе врачей «красной зоны» ($t=8,7$; $p \leq 0,01$). Врачи, непосредственно работающие с коронавирусными пациентами на фоне переутомления, ощущают невозможность эмоционально помогать, сочувствовать и переживать другим в рамках своей профессиональной деятельности.

Второй симптом – «эмоциональная отстранённость», который характеризуется исключением эмоций из сферы трудовой деятельности или их отсутствием, что связано с психологической защитой, сформированной за время работы с людьми. Среднегрупповые данные по симптому «эмоциональная отстранённость» между двумя группами врачей не имеют статистически значимых различий ($t=0,5$; $p \leq 0,01$). Сложившийся симптом выявлен у 34,14% врачей «красной зоны» и у 26,09% «зелёной зоны».

Третий симптом фазы истощения – это «личностная отстранённость/деперсонализация», он выражается в нарушении профессиональных отношений, развитии циничного отношения к людям в процессе общения, утратой интереса к партнёру. Данный симптом сложился у 20% и складывается у 57,14% врачей «красной зоны», у 100% врачей «зелёной зоны» данный симптом не сложился.

Таблица 1 / Table 1

Показатели эмоционального выгорания в группах врачей «красной зоны» и «зеленой зоны» / Indicators of emotional burnout in the groups of doctors of the «red zone» and «green zone»

Группы врачей	M±SD	Показатели фаз и симптомов эмоционального выгорания врачей (%)		
		фаза не сформирована, не сложившийся симптом	фаза в стадии формирования складывающийся симптом	фаза сформировалась сложившийся симптом
Фаза напряжения				
1 группа (n=35)	43,74±8,78 ¹	20 ¹⁶	74,29 ^{16*}	5,71
2 группа (n=23)	14,91±12,6 ¹	86,96 ¹⁶	13,04 ^{16*}	–
Переживание психотравмирующих обстоятельств				
1 группа (n=35)	15,29±3,9 ²	5,71 ¹⁷	42,86 ^{17*}	51,43 ^{17**}
2 группа (n=23)	4,26±5,02 ²	86,95 ¹⁷	8,7 ^{17*}	4,35 ^{17**}
Неудовлетворённость собой				
1 группа (n=35)	6,6±3,25 ³	80 ¹⁸	20	–
2 группа (n=23)	4,47±4,82 ³	86,96 ¹⁸	–	13,04
«Загнанность в клетку»				
1 группа (n=35)	10,23±2,9 ⁴	28,57 ¹⁹	71,43 ^{19*}	–
2 группа (n=23)	3,17±2,61 ⁴	95,65 ¹⁹	4,35 ^{19*}	–
Тревога и депрессия				
1 группа (n=35)	11,54±4,09 ⁵	31,43 ²⁰	48,57	20
2 группа (n=23)	3±1,73 ⁵	100 ²⁰	–	–
Фаза резистенции				
1 группа (n=35)	43,74±8,78 ⁶	14,29 ²¹	71,42 ^{21*}	14,29
2 группа (n=23)	22,74±13,17 ⁶	86,96 ²¹	13,04 ^{21*}	–
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование				
1 группа (n=35)	11,29±4,8 ⁷	37,14 ²²	34,29 ^{22*}	28,57 ^{22**}
2 группа (n=23)	4,57±4,03 ⁷	82,61 ²²	13,04 ^{22*}	4,35 ^{22**}
Эмоционально-нравственная дезориентация				
1 группа (n=35)	13,6±4,72 ⁸	20 ²³	54,29 ^{23*}	25,71 ^{23**}
2 группа (n=23)	8,52±3,62 ⁸	73,91 ²³	21,74 ^{23*}	4,35 ^{23**}
Расширение сферы экономики эмоций				
1 группа (n=35)	11,11±3,38 ⁹	28,57 ²⁴	42,86	14,29
2 группа (n=23)	3,52±1,16 ⁹	100 ²⁴	–	–
Редукция профессиональных обязанностей				
1 группа (n=35)	13,9±4,94 ¹⁰	28,57 ²⁵	37,14 ^{25*}	34,29 ^{25**}
2 группа (n=23)	6,13±7,55 ¹⁰	82,25 ²⁵	4,35 ^{25*}	13,04 ^{25**}
Фаза истощения				
1 группа (n=35)	55,31±11,99 ¹¹	2,86 ²⁶	74,28 ^{26*}	22,86
2 группа (n=23)	23,17±5,86 ¹¹	95,65 ²⁶	4,35 ^{26*}	–
Эмоциональный дефицит				
1 группа (n=35)	16,4±7,31 ¹²	22,86 ²⁷	40	37,14
2 группа (n=23)	2,78±2,24 ¹²	100 ²⁷	–	–

Окончание табл. 1

Группы врачей	M±SD	Показатели фаз и симптомов эмоционального выгорания врачей (%)		
		фаза не сформирована, не сложившийся симптом	фаза в стадии формирования складывающийся симптом	фаза сформировалась сложившийся симптом
Эмоциональная отстранённость				
1 группа (n=35)	13,71±6,71 ¹³	20 ²⁸	45,86 ^{28*}	34,14 ^{28**}
2 группа (n=23)	12,91±3,10 ¹³	17,39 ²⁸	56,52 ^{28*}	26,09 ^{28**}
Личностная отстранённость/деперсонализация				
1 группа (n=35)	12,98±6,73 ¹⁴	22,86 ²⁹	57,14	20
2 группа (n=23)	3,74±2,14 ¹⁴	100 ²⁹	–	–
Психосоматические и психовегетативные нарушения				
1 группа (n=35)	12,86±7,17 ¹⁵	31,43 ³⁰	42,86	25,71
2 группа (n=23)	3,74±1,81 ¹⁵	100 ³⁰	–	–

Примечание: ¹ – t критерий Стьюдента $t = 10,3, p \leq 0,01$; ² – t критерий Стьюдента $t = 9,7, p \leq 0,01$; ³ – t критерий Стьюдента $t = 2, p \leq 0,01$; ⁴ – t критерий Стьюдента $t = 9,3, p \leq 0,01$; ⁵ – t критерий Стьюдента $t = 9,1, p \leq 0,01$; ⁶ – t критерий Стьюдента $t = 9, p \leq 0,01$; ⁷ – t критерий Стьюдента $t = 5,4, p \leq 0,01$; ⁸ – t критерий Стьюдента $t = 4,4, p \leq 0,01$; ⁹ – t критерий Стьюдента $t = 10,4, p \leq 0,01$; ¹⁰ – t критерий Стьюдента $t = 4, p \leq 0,01$; ¹¹ – t критерий Стьюдента $t = 11,9, p \leq 0,01$; ¹² – t критерий Стьюдента $t = 8,7, p \leq 0,01$; ¹³ – t критерий Стьюдента $t = 0,5, p \leq 0,01$; ¹⁴ – t критерий Стьюдента $t = 6,4, p \leq 0,01$; ¹⁵ – t критерий Стьюдента $t = 6, p \leq 0,01$. Критерий углового преобразования Фишера ¹⁶ – $\varphi^* = 10,4, p \leq 0,01$; ^{16*} – $\varphi^* = 9,4, p \leq 0,01$; ¹⁷ – $\varphi^* = 13,5, p \leq 0,01$; ^{17*} – $\varphi^* = 5,8, p \leq 0,01$; ^{17**} – $\varphi^* = 8,4, p \leq 0,01$; ¹⁸ – $\varphi^* = 1,3, p \leq 0,05$; ¹⁹ – $\varphi^* = 11,7, p \leq 0,01$; ^{19*} – $\varphi^* = 11,3, p \leq 0,01$; ²⁰ – $\varphi^* = 12,4, p \leq 0,01$; ²¹ – $\varphi^* = 11,6, p \leq 0,01$; ^{21*} – $\varphi^* = 9, p \leq 0,01$; ²² – $\varphi^* = 10,4, p \leq 0,01$; ^{22*} – $\varphi^* = 3,6, p \leq 0,01$; ^{22**} – $\varphi^* = 5, p \leq 0,01$; ²³ – $\varphi^* = 8, p \leq 0,01$; ^{23*} – $\varphi^* = 4,8, p \leq 0,01$; ^{23**} – $\varphi^* = 4,7, p \leq 0,01$; ²⁴ – $\varphi^* = 13, p \leq 0,01$; ²⁵ – $\varphi^* = 8, p \leq 0,01$; ^{25*} – $\varphi^* = 6,3, p \leq 0,01$; ^{25**} – $\varphi^* = 3,6, p \leq 0,01$; ²⁶ – $\varphi^* = 17, p \leq 0,01$; ^{26*} – $\varphi^* = 12, p \leq 0,01$; ²⁷ – $\varphi^* = 14, p \leq 0,01$; ^{28, 28*} – φ^* находится в зоне незначимости; ²⁹ – $\varphi^* = 14, p \leq 0,01$; ³⁰ – $\varphi^* = 12, p \leq 0,01$.

В примечании значения в зоне незначимости выделены жирным курсивом.

Источник: данные авторов.

Среднегрупповые значения преобладают в группе врачей «красной зоны» ($t=6,4; p \leq 0,01$).

Четвёртый симптом фазы истощения («психосоматические и психовегетативные нарушения») заключается в ухудшении физического самочувствия врачей и развитии у них психосоматических нарушений. Воспоминания врачей о профессиональной деятельности и её субъектах вызывают головную боль. Симптом сформирован у 25,71% врачей «красной зоны», а у 42,86% дан-

ный симптом складывается; у 100% врачей «зелёной зоны» данный симптом не выражен. Среднегрупповые значения симптома «психосоматические и психовегетативные нарушения» преобладают в группе врачей «красной зоны» ($t=6; p \leq 0,01$).

В таблице 2 представлены результаты исследования уровня удовлетворённости трудом врачей «красной» и «зелёной» зоны. Сравнивая полученные результаты удовлетворённости работой в двух группах медицинских

Таблица 2 / Table 2

Показатели уровней удовлетворенности трудом врачей «красной зоны» и «зеленой зоны» / Indicators of job satisfaction levels of doctors of the «red zone» and «green zone»

Группы врачей	Уровни удовлетворенности трудом (абс./%)		
	Низкий	Средний	Высокий
1 группа (n=35)	–	17/48.6% ¹	18/51.4% ²
2 группа (n=23)	–	3/13% ¹	20/87% ²

Примечание: критерий углового преобразования Фишера ¹ - $\varphi^*=2,999$, $p \leq 0,01$; ² - $\varphi^*=3,208$, $p \leq 0,01$

Источник: данные авторов.

работников, мы установили, что 51,4% «красной зоны» и 87% врачей «зелёной зоны» удовлетворены своим трудом. Наблюдается статистически значимое преобладание доли врачей «зелёной зоны», имеющих высокий уровень удовлетворённости своей профессиональной деятельностью ($\varphi^*=3,208$; $p \leq 0,01$). Несмотря на тяжёлые условия работы в группе врачей «красной зоны» всё же у более 50% медицинских

работников обнаружен высокий уровень удовлетворённости трудом и у 48,6% врачей – средний уровень удовлетворённости трудом.

Анализируя среднegrupповые значения составляющих удовлетворенности трудом в двух группах врачей (табл. 3) мы обнаружили, что в группе врачей «красной зоны» достоверно выше такие показатели, как предпочтение выполняемой работы заработку ($t=2,46$; $p < 0,01$)

Таблица 3 / Table 3

Показатели составляющих удовлетворенности трудом врачей «красной зоны» и «зеленой зоны» (среднее значение) / Indicators of job satisfaction components of doctors of the “red zone” and “green zone” (average value)

Составляющие удовлетворенности трудом	1 группа (n=35) M±SD	2 группа (n=23) M±SD
Интерес к работе	4±0,46*	3,3±0,6*
Удовлетворённость достижениями в работе	2,75±1,5*	3,3±0,58*
Удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами	4,1±1,15	5,4±0,58
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	4,2±0,82	4,3±1
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	1,5±1,2*	2,3±1,5*
Предпочтение выполняемой работы заработку	2,25±1,5**	1,7±0,58**
Удовлетворённость условиями труда	1,2±0,58*	2,1±0,2*
Профессиональная ответственность	1,2±0,2	1,3±0,5
Общая удовлетворённость трудом	20,75±3,86*	22,6±1,53*

Примечание: * – различия статистически значимы ($p < 0,001$), ** – различия статистически значимы ($p < 0,01$)

Источник: данные авторов.

и интерес к работе ($t=3,84$; $p<0,001$). У врачей «красной зоны» по сравнению с врачами «зеленой зоны» более выражены показатели интереса к работе (средние показатели по шкале от 0 до 6: врачи «красной зоны» – 4; врачи «зеленой зоны» – 3,3) и предпочтение выполняемой работы заработку (средние показатели по шкале от 0 до 4: врачи «красной зоны» – 2,25; врачи «зеленой зоны» – 1,7). Несмотря на стимулирующие выплаты за работу с коронавирусными пациентами, врачи «красной зоны» отдаю предпочтение интересной для них работе, возможности узнавать что-то новое высокому заработку.

В группе врачей «красной зоны» среднегрупповые показатели достоверно ниже по шкалам: «удовлетворённость условиями труда» ($t=3,58$; $p<0,001$), «удовлетворённость достижениями в работе» ($t=9,63$; $p<0,001$), «уровень притязаний в профессиональной деятельности» ($t=3,58$; $p<0,001$) и «общая удовлетворенность трудом» ($t=8,27$; $p<0,001$). Врачи «красной зоны» по сравнению с врачами «зеленой зоны» менее удовлетворены такими факторами, как условия труда (средние показатели по шкале от 0 до 4: врачи «красной зоны» – 1,2; врачи «зеленой зоны» – 2,1) и достижения в работе (средние показатели по шкале от 0 до 4: врачи «красной зоны» – 2,75; врачи «зеленой зоны» – 3,3). У врачей «красной зоны» снижен уровень притязаний в профессиональной деятельности (средние показатели по шкале от 0 до 4: врачи «красной зоны» – 1,5; врачи «зеленой зоны» – 2,3).

В исследовании нам удалось установить, что такие составляющие как удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами, с руководством и

профессиональная ответственность не имеют значимых различий в группах врачей «красной зоны» и «зеленой зоны».

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование эмоционального выгорания и удовлетворенности трудом врачей после двух лет работы с коронавирусными больными, позволяет сделать следующие выводы.

У врачей, работающих в «красной зоне» выражены показатели всех трех фаз эмоционального выгорания в стадии формирования и сформированности, доминирующим симптомом стал симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств». У врачей, работающих в течении двух лет в «зеленой зоне» ни одна из фаз эмоционального выгорания не сформирована. Обнаружены статистически значимые различия между показателями выраженности фаз эмоционального выгорания у врачей «красной» и «зеленой» зон.

Между врачами «красной» и «зеленой» зон выявлены статистически значимые различия в уровне общей удовлетворенности трудом. У врачей «красной зоны» некоторые составляющие удовлетворенности трудом снижены: удовлетворенность условиями труда, удовлетворенность достижениями в работе и уровень притязаний в профессиональной деятельности, что сказывается на снижении общего уровня удовлетворенности трудом. Тем не менее врачи «красной зоны» проявляют интерес к профессиональной деятельности и отдают предпочтение выполняемой работы заработку. Среди факторов, вызывающих наи-

большую удовлетворенность профессиональной деятельностью врачей как «красной», так и «зеленой» зон являются показатели удовлетворенности взаимоотношениями с коллегами и руководством.

Согласно данным исследования, можно сделать вывод о том, что неуправляемые, чрезмерные и достаточно продолжительные стрессовые факторы на рабочем месте способствуют эмоциональному, физическому и психическому истощению, снижают общий уровень удовлетворенности

трудом врачей непосредственно работающих с коронавирусными пациентами в стационарах. Полученные данные могут служить основой для разработки комплексной психологической поддержки медицинских работников.

Изучение таких проблем, как эмоциональное выгорание, является шагом к решению проблем психического здоровья врачей и, в конечном итоге, к повышению удовлетворенности работой и качества медицинской помощи.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова И. А., Игумнов С. А. Удовлетворённость медицинских работников своим трудом: обзор литературы // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2011. № 2. С. 112–119.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 163 с.
3. Интегральная удовлетворённость трудом // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов, В. Е. Семёнов. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. С. 470–473.
4. Маркелова Т. В., Бурова Е. А. Изучение динамики показателей духовности медицинских работников в стрессогенных условиях пандемии: данные по Нижегородскому региону // Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю. П. Зинченко. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2021. С. 499–509. DOI: 10.11621/гро.2021.00.
5. Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации врачей к возникновению пандемии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 75–81. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-75-81.
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. С. 470–473.
7. Холмогорова А. Б., Петриков С. С., Суроегина А. Е. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии // Неотложная медицинская помощь. 2020. Т. 9. № 3. С. 321–337. DOI: 10.23934/2223-9022-2020-9-3-321-337.
8. Царанов К. Н., Жильцов В. А., Климова Е. Н. Восприятие угрозы личной безопасности в условиях пандемии COVID-19 медицинскими сотрудниками США и России // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 236–247. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1008.
9. Цзыхань Л., Сяо Ган В. Психологические факторы посттравматического стресса, вызванного пандемией COVID-19 // Психологический журнал. 2021. № 1. С. 102–110.

10. Ясько Б. А., Казарин Б. В., Городин В. Н. Жизнестойкость и персональные ресурсы врачей «красных зон» // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2021. № 4. С. 68–76. DOI: 10.24075/vrgmu.2021.042.
11. Donkers M. A., Gilissen V. J. H. S., Candel M. J. J. M. Moral distress and ethical climate in intensive care medicine during COVID-19: a nationwide study // BMC Med Ethics: [сайт]. 2021. Vol. 22. № 73. URL: <https://bmcmedethics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12910-021-00641-3> (дата обращения: 02.09.2022).
12. Kang L. The mental health of medical workers in Wuhan, China dealing with the 2019 novel coronavirus // The Lancet. Psychiatry. 2020. Vol. 7. № 3. P. 14. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30047-X.
13. Kok N., Hoedemaekers A., van der Hoeven H. Recognizing and supporting morally injured ICU professionals during the COVID-19 pandemic. // Intensive Care Med. 2020. Vol. 46. P. 1653–1654. DOI: 10.1007/s00134-020-06121-3.
14. Lai J., Ma S., Wang Y. Factors Associated with Mental Health Outcomes Among Health Care Workers Exposed to Coronavirus Disease 2019 [Электронный ресурс] // JAMA Netw Open. 2020. Vol. 3. № 3. URL: <https://jamanetwork.com> (дата обращения: 02.09.2022). DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.3976.
15. Marin I., Iurciuc M., Popescu F. G. Pulse Wave Velocity, a Predictor of Major Adverse Cardiovascular Events, and Its Correlation with the General Stress Level of Health Care Workers during the COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс] // Medicina. 2022. Vol. 58. № 6. URL: <https://www.mdpi.com/1648-9144/58/6/704> (дата обращения: 02.09.2022). DOI: 10.3390/medicina58060704.

REFERENCES

1. Davydova I. A., Igumnov S. A. [Satisfaction of medical workers with their work: a review of the literature]. In: *Psihotriya, psihoterapiya i klinicheskaya psihologiya* [Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology], 2011, no. 2, pp. 112–119.
2. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 163 p.
3. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M., Semyonov V. E. [Integral satisfaction with work]. In: *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp* [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002, pp. 470–473.
4. Markelova T. V., Burova E. A. [Studying the dynamics of indicators of spirituality of medical workers in the stressful conditions of a pandemic: data on Nizhny Novgorod region]. In: *Psihologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19* [Psychological support of the COVID-19 pandemic]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2021, pp. 499–509. DOI: 10.11621/rpo.2021.00.
5. Ovsyanik O. A. [Socio-psychological features of the adaptation of doctors to the emergence of a pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 4, pp. 75–81. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-75-81.
6. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002, pp. 470–473.
7. Holmogorova A. B., Petrikov S. S., Suroegina A. E. [Occupational burnout and its factors in medical workers involved in providing care to patients with COVID-19 at different stages of the pandemic]. In: *Neotlozhnaya medicinskaya pomoshch'* [Urgent Medical Care], 2020, vol. 9, no. 3, pp. 321–337. DOI: 10.23934/2223-9022-2020-9-3-321-337.

8. Caranov K. N., Zhi'cov V. A., Klimova E. N. [Perception of the threat to personal safety in the context of the COVID-19 pandemic by medical workers in the USA and Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Region State University], 2020, no. 2, pp. 236–247. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1008.
9. Czyhan' L., Syao Gan V. [Psychological factors of post-traumatic stress caused by the COVID-19 pandemic]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2021, no. 1, pp. 102–110.
10. YA's'ko B. A., Kazarin B. V., Gorodin V. N. [Vitality and personal resources of doctors in the “red zones”]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta* [Bulletin of the Russian State Medical University], 2021, no. 4, pp. 68–76. DOI: 10.24075/vrgmu.2021.042.
11. Donkers M. A., Gilissen V. J. H. S., Candel M. J. J. M. Moral distress and ethical climate in intensive care medicine during COVID-19: a nationwide study. In: *BMC Med Ethics*, 2021, vol. 22, no. 73. Available at: <https://bmcmethics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12910-021-00641-3> (accessed: 02.09.2022).
12. Kang L. The mental health of medical workers in Wuhan, China dealing with the 2019 novel coronavirus. In: *The Lancet. Psychiatry*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 14. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30047-X.
13. Kok N., Hoedemaekers A., van der Hoeven H. Recognizing and supporting morally injured ICU professionals during the COVID-19 pandemic. In: *Intensive Care Med*, 2020, vol. 46, pp. 1653–1654. DOI: 10.1007/s00134-020-06121-3.
14. Lai J., Ma S., Wang Y. Factors Associated with Mental Health Outcomes Among Health Care Workers Exposed to Coronavirus Disease 2019. In: *JAMA Netw Open*, 2020, vol. 3, no. 3. Available at: <https://jamanetwork.com> (accessed: 02.09.2022). DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.3976.
15. Marin I.; Iurciuc M.; Popescu F. G. Pulse Wave Velocity, a Predictor of Major Adverse Cardiovascular Events, and Its Correlation with the General Stress Level of Health Care Workers during the COVID-19 Pandemic. In: *Medicina*, 2022, vol. 58, no. 6. Available at: <https://www.mdpi.com/1648-9144/58/6/704> (accessed: 02.09.2022). DOI: 10.3390/medicina58060704.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Делибоженко Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Московского международного университета;
e-mail: eadelibozhenko@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0242-6772>

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики образования Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: mishinamm@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Delibozhenko – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology, Moscow International University;
e-mail: eadelibozhenko@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0242-6772>

Marina M. Mishina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Psychology and Pedagogy of Education, Russian State University for the Humanities;
e-mail: mishinamm@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Делибоженко Е. А., Мишина М. М. Эмоциональное выгорание и удовлетворённость трудом врачей после продолжительной работы в ковид-госпитале // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 60–74.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-60-74

FOR CITATION

Delibozhenko E. A., Mishina M. M. Emotional burnout and job satisfaction of doctors after prolonged work in the COVID-hospital. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 60–74.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-60-74

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-75-88

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА МАТЕРИ У МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ

Камзина О. А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва*

443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности семантических представлений образа матери у молодых матерей, имеющих первый родительский опыт.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал метод семантического дифференциала и факторный анализ. Основное содержание исследования составило изучение содержания субъективной коннотации образа «хорошей» и «идеальной» матери у молодых матерей.

Результаты. По заключению автора статьи, феномен материнства семантически содержит субъективную коннотацию образа «хорошей» и «идеальной» матери у молодых матерей. Обнаружены возрастные различия в оценочных представлениях у респондентов: межгрупповое сравнение биполярных шкал семантического дифференциала выявило статистически значимые различия и сходства полюсов. Коннотация «образ «хорошей» матери» выражена шкалами «радостная и холодная» (1 гр.), «слабая и тёплая» (2 гр.), «сильная, печальная и тёплая» (3 гр.). Образ «идеальная» мать характеризуется шкалами «сильная и красивая» (1 гр.), «печальная и холодная» (2 гр.), «сильная, печальная и холодная мать» (3 гр.). Полученные результаты подчёркивают субъективный аспект коннотации материнства, который имеет возрастные особенности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследований могут быть полезны для психологического анализа материнства в практической деятельности психолога.

Ключевые слова: коннотативное значение, материнство, образ идеальной матери, образ хорошей матери, семантика

PSYCHOSEMANTIC STUDY OF THE IMAGE OF THE MOTHER AMONG YOUNG MOTHERS

O. Kamzina

*Samara National Research University named after Academician S. N. Korolev
ul. Academica Pavlova, 1, Samara, 443011, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the features of the semantic representations of the image of the mother among young mothers who have the first experience of motherhood.

Methodology. The key research method was the method of semantic differential and factor analysis. The main content of the study made it possible to study the content of the subjective coloring of the image of a «good» and «ideal» mother among young mothers.

Results. According to the conclusion of the author of the article, young mothers' understanding of the phenomenon of motherhood semantically contains the subjective connotation of the image of a «good» and «ideal» mother. Age differences were found in respondents' evaluative representations: intergroup comparison of bipolar scales of the semantic differential, identification of statistically significant differences and similarities of the poles. The connotation of the image of «good» is expressed by scales “joyful and cold” (1 gr.), “weak and warm” (2 gr.), “strong, sad and warm” (3 gr.). The image of an «ideal» mother is characterized by the scales “strong and beautiful” (1 gr.), “sad and warm” (2 gr.), “sad and cold mother” (3 gr.). The results obtained emphasize the subjective aspect of the connotation of motherhood, which has age-specific features.

Research implications. The results of the research can be useful for the psychological analysis of motherhood in the practice of a psychologist.

Keywords: connotative meaning; motherhood; the image of an ideal mother; the image of a good mother; semantics

Введение

Система образов и установок человека по отношению к объектам реальности наблюдается в его оценочных суждениях, которые группируются в сознании по логике дихотомий (приятный / неприятный, добрый / злой и др.). Представленный ряд оценок с помощью метода семантического дифференциала позволяет прояснить субъективную коннотацию образа [12; 15; 21].

Под влиянием внешнего и внутреннего опыта человека объект реальности как динамический интроект содержательно реконструируется. Данный аспект позволяет говорить о наличии индивидуально-смыслового про-

странства, наполненного метафорическими образами реальности и смыслами субъективного и социокультурного поля [12; 16].

В психологии образ матери как объект реальности, выраженный понятием «материнство», исследуется и рассматривается как социально-психологический феномен, позволяющий пристальнее изучать идею субъективности матери и ребёнка. Так З. Фрейд, Д. Винникотт, М. Кляйн, А. Адлер, Дж. Боулби, М. Малер и др. отмечали важность детского опыта при взаимодействии со значимыми взрослыми (особенно с матерью) в процессах развития ребёнка [1; 6; 17; 23; 24]. Эти от-

ношения становятся для него условием формирования модели «материнства», образа матери и её феминного начала.

Специфика осмысления феминности и феномена материнства как социокультурного образа матери имеет исторический контекст. В имплицитном пространстве образ матери приобретает неоднозначное ценностное наполнение и коннотативное значение в разные периоды развития культуры и обществ. По мнению Н. Чодороу, «материнская роль и поведение женщины меняется от культуры к культуре» [19, с. 44]. Ценность модели «материнства» и феминности таковы: в обществе они трансформируются в сознании и обусловлены сменой общественных отношений [5; 6; 9]. В античный период материнство рассматривалось как долг перед государством, как заказ общества в деле его укрепления. Европейское средневековое понимание представляло религиозно-нравственный смысл материнства. В эпоху Возрождения и Просвещения осмысление материнства приобретает духовно-воспитательный и нравственный аспект, где фокусом внимания определялись женская красота и любовь, а материнство выражало физиологическую сущность женщины, её способность реализации природного. В XIX и XX в. фокус осмысления материнства сместился с физиологических терминов, приобрёл «крайнюю форму волюнтаризма и субъективизма». Феномен «материнства» данного периода не рассматривался как ценность [20].

Сегодня интерпретация феномена материнства имеет несколько вариантов: феминистский (материнство как ноша, обуза), нравственно-духовный (материнство как женское предназна-

чение) и объединяющий, дифференцированный (материнство как настоящая мать и успешная личность) [6; 18; 19].

Объекты реальности и себя человек воспринимает в координатах заданного сообщества, переживая уникальный духовный опыт, выраженный в сознании индивидуальной системой значений, смыслов и образов. Однако индивидуальный онтогенез материнства определяется не только социокультурным статусом женщины, но и её психической историей [10; 16]. Опыт взаимодействия с собственной матерью и игры с маленькими детьми формируют способность женщины стать матерью, воссоздавая имплицитную модель и образ материнства [2; 3; 11; 13; 18].

Основная задача нашего исследования заключается в изучении субъективных особенностей социально-культурного конструкта «хорошая» и «идеальная мать» у молодых матерей как индивидуальной системы значений и смыслов и их взаимосвязь с целостными характеристиками социально-психологической общности. Переживание смысловых конструктов образа материнства исследуется методом семантического дифференциала с помощью проекции на семантический (описание своих особенностей глубинных семантик) и сенсорно-перцептивный (визуальное представление) образ матери у молодых матерей с помощью семибалльного градирования [14].

Особенность методики семантического анализа состоит в отсутствии прямых характеристик у описываемого объекта, предполагая только эмоциональную оценку в отношении объекта. Индивидуальный образ матери как продукт и процесс переработки психологической и социальной реальности

позволяет объединить перцепт (объект восприятия) и концепт (понятие), а их объединяющим началом служит образность как важная особенность представления [8; 22].

Наше исследование является продолжением эмпирического исследования по изучению содержательных характеристик представления молодых матерей «хорошего» и «идеального» образа матери, проводимое ранее с помощью проективного метода неоконченных предложений [7].

Особенности испытуемых, принявших участие в исследовании

Репрезентативную выборку исследования составили 102 матери, имеющих на момент исследования первого и единственного ребёнка в возрасте 0–5 лет. Возраст молодых матерей соответствует возрастному критерию зрелости первого периода или «молодости» в возрастном диапазоне (18–36 лет); это позволило сформировать 3 возрастных группы: 18–25 (гр. 1; 28 чел.), 26–35 (гр. 2; 40 чел.), 36 и более лет (гр. 3; 34 чел.). Для всех испытуемых русский является языком повседневного общения, все испытуемые относят себя к русским, состоят в браке, 72% имеют высшее образование, 28% среднее специальное. На момент исследования 66% из них работают, 34% респондентов находятся в декретном отпуске.

Процедура и методы исследования

Исследование проводилось с использованием метода экспертных оценок, метода семантического дифференциала и факторного анализа. Статистическая обработка массива

данных осуществлялась при помощи программы IBM SPSS Statistics Version 23 for Windows.

На основании теоретического анализа литературы были выделены критерии семантического пространства социально-культурных конструктов «хорошая мать», «идеальная мать». Биполярные шкалы, включённые в анкету, отобранные из списка антонимов в методике Ч. Осгуда, прошли повторную кодировку экспертами, что обусловило их валидность. К методу экспертной оценки были привлечены преподаватели психологического, социологического и исторического факультетов Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва. Биполярные шкалы, включённые в анкету, отражают морально-этические, эстетические и эмоциональные оценки конструктов «хорошая мать» и «идеальная мать», а также обобщённое отношение респондентов к социально-культурному феномену (табл. 1).

Респонденты оценивали по семибальной шкале конструкт а) «хорошая мать» и конструкт б) «идеальная мать». На основе кодификации подсчёт производился по каждой семантической единице показателей – конструктов а) «хорошая мать»; б) «идеальная мать» в трёх возрастных группах (1 гр., 18–25 лет; 2 гр. 26–35 лет; 3 гр. 35-> лет).

Результаты и их обсуждение

Процедура факторного анализа позволила представить меру сходства значений в виде матрицы корреляций соотнесённых значений звеньев. Матрица повёрнутых компонент позволила извлечь 4 следующих компонента (табл. 2):

Таблица 1 / Table 1

Биполярные шкалы семантического дифференциала / Bipolar scales of the semantic differential

Фактор	Биполярные шкалы	
Оценка	Добрая	Злая
	Светлая	Тёмная
	Красивая	Отталкивающая
	Гладкая	Шероховатая
	Простая	Сложная
	Безопасная	Страшная
	Округлая	Угловая
Сила	Могучая	Хилая
	Твёрдая	Мягкая
	Нежная	Грубая
	Храбрая	Трусливая
	Счастливая	Несчастливая
Активность	Быстрая	Медленная
	Горячая	Холодная
	Радостная	Печальная
	Яркая	Тусклая
Действенный	Радикальная	Консервативная
	Спокойная	Беспокойная
	Самодостаточная	Социально-ориентированная
	Осмысленная	Бессмысленная

Таблица 2 / Table 2

Матрица повернутых компонент. Метод выделенных факторов: метод главных компонент / Rotated Component Matrix. Separated Factors Method: Principal Components Method

	Компонент			
	1	2	3	4
Привлекательная/непривлекательная	-,283	-,603	,467	,241
Добрая/злая	,396	,425	,800	,149
Светлая/тёмная	,162	-,398	-,126	,851
Красивая/отталкивающая	,043	-,112	,972	-,052
Гладкая/шероховатая	,230	,526	,741	,327
Простая/сложная	,300	-,453	,578	,608
Безопасная/страшная	-,531	,606	,034	-,584
Могучая/хилая	,904	-,037	,260	,287

Окончание табл. 2

	Компонент			
	1	2	3	4
Твёрдая/мягкая	,682	-,348	,489	,413
Нежная/грубая	-,315	,603	-,618	-,223
Храбрая/трусливая	,952	,206	-,090	-,018
Счастливая/несчастливая	,121	,959	-,165	-,001
Быстрая/медленная	,750	-,193	,514	,365
Горячая/холодная	,380	,529	,205	-,719
Радостная/печальная	-,338	,919	-,025	-,187
Яркая/тусклая	,835	-,097	,528	,124
Радикальная/консервативная	,605	-,372	,458	,533
Спокойная/беспокойная	-,032	,941	,151	-,275
Самодостаточная/социально-ориентированная	,337	,259	,420	,782
Округлая/угловая	,376	-,226	,829	-,284
Осмысленная/бессмысленная	,890	-,014	,148	-,049

Так, метод выделенных факторов определил максимальные величины признаков описания базиса, что позволило перейти к меньшей размерности значений – категориям-факторам:

1) F1–Сила/Слабость (могучая/хилая; храбрая/трусливая; быстрая/медленная; яркая/тусклая; осмысленная/бессмысленная);

2) F2–Радость/Негативные эмоции (печаль) (счастливая/несчастливая; радостная/печальная; спокойная/беспокойная);

3) F3–Красивая/отталкивающая (добрая/злая; красивая/отталкивающая; гладкая/шероховатая; округлая/угловая);

5) F4–Тёплая/холодная (светлая/тёмная; горячая/холодная; самодостаточная/социально-ориентированная).

Корреляционный анализ позволили выделить матрицу факторных нагрузок признаков (табл. 3).

Матрица сходства компонентов содержит информацию о структуре субъективных коннотаций образа «хорошего» и «идеального» материнства, семантика иллюстрируется графически на диаграммах 1 и 2. Семантическое расстояние объектов в двухмерном пространстве определяет сходство между ними или его признаками, что задаёт более или менее тесную связь этих объектов в сознании у респондентов.

В семантическом пространстве, с факторами «Сила/Слабость» и «Радость/Негативные эмоции (печаль)» (далее факторы 1/2) образы «хорошей» и «идеальной» матери имеют возрастные различия у респондентов. Чем старше респонденты (гр. 3), тем более сближены (объединены) в семантическом поле объекты материнства («хорошей» и «идеальной»). Наибольшие семантические расхожде-

Таблица 3 / Table 3

Матрица факторных нагрузок признаков / Feature factor loadings matrix

Группы	Fact 1	Fact 2	Fact 3	Fact 4
Хорошая 3	-0,36278	0,26035	1,0875	1,4282
Идеальная 3	-0,66801	0,70223	0,98546	-0,90889
Хорошая 2	1,40832	-0,02798	-0,47857	0,82537
Идеальная 2	0,79698	0,99704	-0,43963	-0,95245
Хорошая 1	0,15903	-1,85425	0,35995	-0,6803
Идеальная 1	-1,33354	-0,0774	-1,51471	0,28807

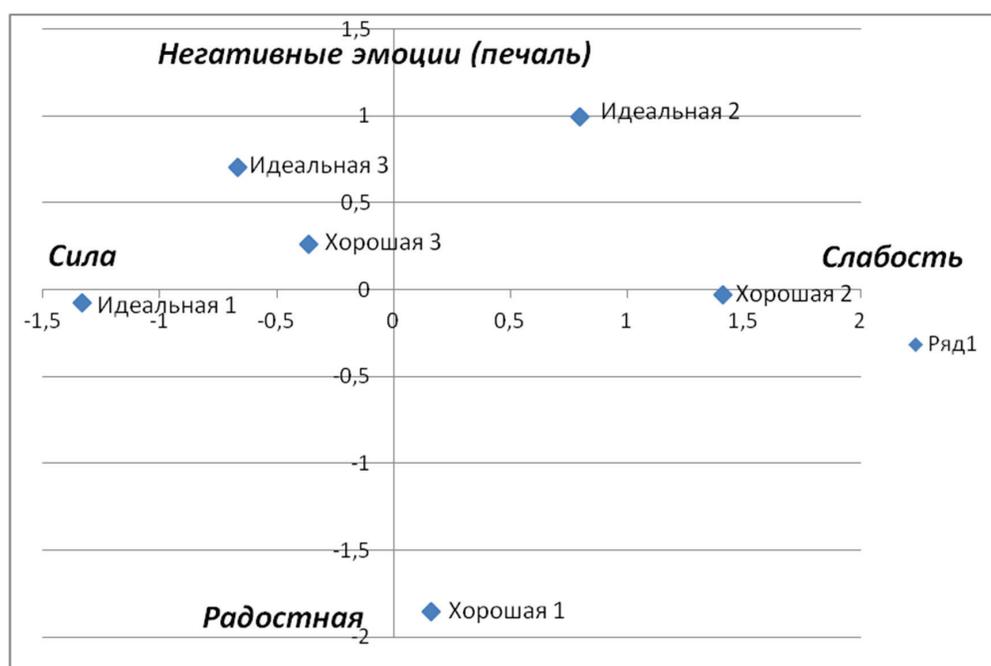

Рис. 1 / Fig. 1. Семантическое пространство выделенных компонентов 1, 2/ Semantic space of selected components 1, 2.

ния (дифференциация) обнаружены у респондентов самой молодой группы матерей (гр. 1).

Прослеживается тенденция смещения «идеального» конструкта материнства в область полюсов «Силы и негативных эмоций (печали)», по всем группам, отображённым на диаграмме (табл. 4).

Группа 1 (18–25 лет). Выделенные объекты «хорошей» и «идеальной» матери в семантическом пространстве демонстрируют сдвиг в область полюсов «Радости» и «Силы». Образ «идеальной» матери обладает выраженной характеристикой «Силы» и равноудалён от полярных значений оси эмоций, что нивелирует эмоции идеального

материнства. Так, образ «идеальной» матери можно описать как сильная, стойкая, негибкая, представляющая эмоционально-нейтральную позицию данного объекта женщина.

Образ «хорошей» матери у группы равноудалён от оси «Силы» и демонстрирует в семантическом поле максимально выраженную эмоционально-позитивную нагрузку, располагаясь в зоне оси «Радости». Данный результат дифференцирует образы материнства, наделяя хорошую мать естественностью и гармоничностью, что закономерно для юношеского возраста и возраста ранней зрелости; идеальную мать, представляя выносливой, не чувственной, выполняющей функцию материнства женщиной.

Группа 2 (26–35 лет). Выделенные объекты «хорошей» и «идеальной» матери в семантическом пространстве демонстрируют сдвиг в область полюсов «Печали» и «Слабости».

Образ «идеальной» матери выражен эмоционально негативным, печальным тоном, с определённой слабостью. Быть идеальной – значит быть безупречной, но при всё этом быть и грустной. Такая коннотация демонстрирует критический подход к материнству и выделение особого отношения к осознанному родительству как к ценности.

Коннотация «хорошей» матери занимает позицию, равноудалённую по эмоциональному полюсу, обеспечивая эмоциональное разнообразие конструкта, но образ демонстрирует максимальную нагрузку слабости по полюсу «Сила/Слабость». Реализация хорошего материнства проявляется в ощущении нежности и сопричастности к ребёнку, а функционально определяется многозадачностью, особен-

ностями согласованности социальных функций и ролей – матери, жены и члена трудового коллектива.

Группа 3 (35-> лет). Особую информативность несёт сближение конструктов «хорошей» и «идеальной» матери в одной области семантического поля: объекты локализуются в зоне негативных эмоций (Печали) и смещены к полюсу «Силы», что свидетельствует о перцептивной схожести объектов «хорошей» и «идеальной» матери, о их слиянии. Психологическая зрелость и осознанный путь к материнству сформировали зоны ответственности и ценность материнской роли, что позволило усилить функциональность объекта матери у респондентов.

В семантическом пространстве с заданными факторами «Красивая/Отталкивающая» и «Холодная/Тёплая» (далее факторы 3/4) образы «хорошей» и «идеальной» матери равноудалены друг от друга во всех группах связанной выборки, которые проиллюстрированы на диаграмме (рис. 2).

Группа 1 (18–25 лет). Образ «хорошей» матери представлен в семантическом поле внешне не привлекательной и холодной женщиной. Семантическая нагрузка конструкта «хорошей» матери объясняется экзистенциальными переживаниями ролевого поведения респондентов, когнитивной сложностью ситуации и эмоциональной нагрузкой, фокусом на ответственности и заботе о ребёнке. Усиление материнской ответственности минимизирует аспект внешности, «хорошая» мать не принадлежит себе, растворяясь в заботах о ребёнке. Коннотация объекта «идеальной» матери демонстрирует, что привлекать может исключительно «идеальная» мать.

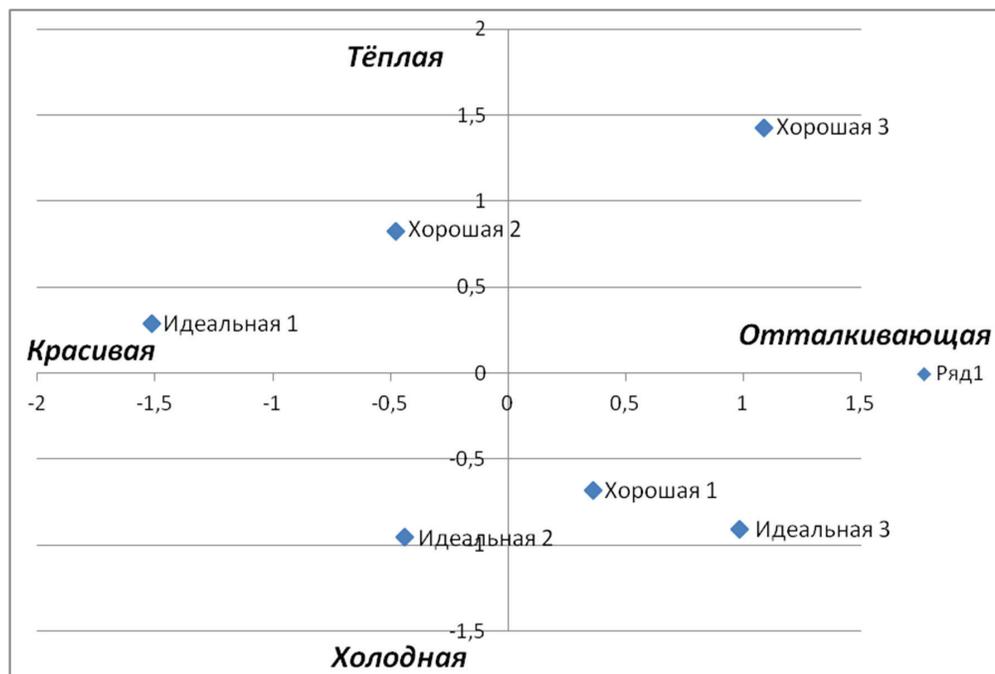

Рис. 2 / Fig. 2. Семантическое пространство выделенных компонентов 3, 4 / Semantic space of selected components 2, 4

Группа 2 (26–35 лет) наделяет образ «хорошей» матери как душевной и гармоничной матери, которая обладает привлекательными внешними характеристиками, «тёплая» мать указывает на актуальную ценность чувств, взаимоотношений с ребёнком и принятия материнской функции у респондентов. В семантическом поле объект «идеальной» матери занимает максимально выраженную позицию холодной (чёрствой) матери, а характеристика привлекательности определяется простотой и не является существенной.

Группа 3 (35-> лет). Образ «хорошей» матери несёт наиболее позитивную характеристику: тёплая, заботливая, любящая мать. Это свидетельствует о том, что образ «хорошая мать» у респондентов

фиксируется на заботе о ребёнке и наличии ответственности, а также об усилении осознанного материнства [18]. Семантическая нагрузка образа «идеальной» матери демонстрирует безучастность и чёрствость в диаде «мать–дитя», поскольку в семантическом поле конструкт «идеальной» матери занимает позицию холодной (чёрствой) матери.

По фактору привлекательности образы «хорошей» и «идеальной» матери у респондентов наиболее приближены к полюсу «Отталкивающая», что свидетельствует о минимальной значимости критерия привлекательности.

Возрастные особенности образа «хорошей» и «идеальной» матери в семантическом пространстве у молодых матерей сведены в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Результаты семантических конструкторов выборки / Results of the semantic constructs of the sample

Гр.	Хорошая		Идеальная	
	Фактор ½	Фактор ¾	Фактор ½	Фактор ¾
1 гр	Радостная	Холодная/Непривлекательная	Сильная	Красивая
2 гр	Слабая	Тёплая/Привлекательная	Печальная	Холодная
3 гр	Сильная	Тёплая/Отталкивающая	Печально/Сильная	Холодная/ Отталкивающая

Выводы

Межгрупповое сравнение биполярных шкал семантического дифференциала позволило отметить статистически значимые различия и сходства в социально-культурных конструктах «хорошая» и «идеальная» мать:

– наиболее выраженная семантика образа «хорошей» матери определяется шкалами «радостная и холодная» (1 гр.), «слабая и тёплая» (2 гр.), «сильная и тёплая» (3 гр.). Объект «идеальная» мать характеризуется шкалами: «сильная и красивая» (1 гр.), «печальная и холодная» (2 гр.), «печальная, холодная и отталкивающая» (3 гр.) мать;

– чем моложе группа респондентов, тем радостней, но холодней представляется образ «хорошей» матери и переходит у респондентов других групп в образ «слабой и печально-сильной тёплой» матери;

– образ «идеальной» матери меняет коннотацию: от сильной и красивой матери у молодой группы респондентов, до печальной, холодной и отталкивающей – у двух других групп респондентов.

Заключение

Образ материнства является одним из фрагментов социального индивидуального опыта человека и частью его

образа мира. Прежде чем появиться в аффективно-смысловой форме субъекта, смысл существует в культуре – в идеальной форме, создавая многомерный мир личности. Выход к культуре происходит через значимого человека – мать, определяющей индивидуальный процесс психологической и социальной реальности личности.

Формирование «идеального» образа материнства определялось всегда прогрессивными слоями общества – журналистами, педагогами, врачами. Они описывали образ «хорошей матери» и определяли критерии «плохих матерей» [20]. Женственность, целомудрие и смирение считались основными качествами «идеальной» матери, а материнство являлось основным женским предназначением. Материнство как идеальный образ отражает традиционную ценность общества.

Результаты эмпирического исследования выделяют образ «идеальной» матери холодным, окрашенным негативными характеристиками, коннотация объекта строга и обезличена, имеет тенденцию искусственного, не реального объекта. Образ «хорошего» материнства представлен с выраженной экстернальностью, комфортностью, он подчёркивает ценностно-смысловые переживания материнства.

Полученные результаты актуализируют субъективный аспект коннотации материнства, который имеет возрастные особенности.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / пер. с англ. В. В. Старовойтова. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 232 с.
2. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери / пер. с англ. Н. М. Падалко. М.: Класс, 2016. 80 с.
3. Демина А. С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (4). С. 88–92.
4. Захарова Д. А., Новожева О. С., Симкина А. И. Образ современной матери // Смоленский медицинский альманах. 2020. № 1. С. 119–121.
5. Зорина С. В. Интеграция противоречивой информации о внешности и поведении в суждениях о феминности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2-1. С. 109–113.
6. Камзина О. А., Самыкина Н. Ю. Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «Childfree» // Вестник Самарского университета. Гуманитарная серия. 2014. № 1 (112). С. 213–224.
7. Камзина О. А., Мышкина М. С. Содержательные особенности образа матери у молодых матерей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 4. С. 28–37. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-28-37.
8. Кошелева Ю. П. «Образ» в психологии: теория и практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 7 (640). С. 39–51.
9. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 2002. 414 с.
10. Миронова Е. С. Психологические факторы неготовности к материнству: на примере женщин с угрозой прерывания беременности: дис. ... канд. психол. наук. Уфа, 2011. 186 с.
11. Нужнова Н. М., Аджакавова А. В. Формирование ценностного отношения к образу матери у младших школьников // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (53). С. 48–55.
12. Панченко Л. Л., Беляева С. В. Образ Мира у клиентов психологического консультирования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 268–271.
13. Пономарёва Е. В. Психологические особенности формирования образа материнства в онтогенезе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 161–164.
14. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Издательство Московского университета, 1998. 207 с.
15. Серкин В. П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2000. № 4. С. 74–79.
16. Смольянинова Т. С., Петряева Т. А., Бусыгина Ю. А. Образ другого человека как основа формирования идентичности личности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 30–40.
17. Тайсон Ф., Тайсон Р. Л. Психоаналитические теории развития / пер. с англ. М.: Когито Центр, 2006. 407 с.

18. Филиппова Г. Г. Материнство: сравнительно психологический подход // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 81–88.
19. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / пер. с англ. А. Б. Орешкиной. М.: РОССПЭН, 2006. 496 с.
20. Шамарина Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2008. 26 с.
21. Anderson J., Bugelski B. Words and things and images // *American Psychologist*. 1970. №25 (11). P. 1002–1012.
22. Bower G. H. *Human associative memory*. Washington: DC Winston, 1973. 524 p.
23. Bowlby J. *Maternal care and mental health*. Geneva: Claridge, 1987. 321 p.
24. Erickson S. J., Kubinec N., Vaccaro S. The association between maternal interaction and infant cortisol stress reactivity among preterm and full term infants at 4 months adjusted age [Электронный ресурс] // *Infant Behavior and Development*. 2019. № 57. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 22.09.2022).

REFERENCES

1. Boulbi Dj. Creation and destruction of emotional ties (Rus. ed.: Starovoitova V. V., transl. *Sozdanie i razrushenie emocional'nyh svyazej*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2004. 232 p.).
2. Winnicott D. V. Babies and their mothers (Rus. ed.: Padalko N. M., transl. *Malen'kie deti i ih materi*. Moscow, Klass Publ., 2016. 80 p.).
3. Demina A. S. [Psychological readiness for motherhood during early adulthood]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2013, no. 2 (4), pp. 88–92.
4. Zaharova D. A., Novozheeva O. S., Simkina A. I. [The image of a modern mother]. In: *Smolenskij medicinskij al'manah* [Smolensk Medical Almanac], 2020, no. 1, pp. 119–121.
5. Zorina S. V. [Integration of conflicting information about appearance and behavior in judgments about femininity]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 2-1, pp. 109–113.
6. Kamzina O. A., Samykina N. Yu. [Study of life scenarios among representatives of the Childfree community]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Bulletin of the Samara University. Humanitarian Series], 2014, no. 1 (112), pp. 213–224.
7. Kamzina O. A., Myshkina M. S. [Content features of the image of the mother among young mothers]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences], 2019, no. 4, pp. 28–37. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-28-37.
8. Kosheleva Yu. P. [“Image” in psychology: theory and practice]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], no. 7 (640), 2012, no. 39–51.
9. Macumoto D. *Psihologiya i kul'tura* [Psychology and culture] St. Petersburg, Prajmevroznak Publ., Moscow, Neva Publ., 2002. 414 p.
10. Mironova E. S. *Psihologicheskie faktory negotovnosti k materinstvu: na primere zhenshchin s ugrozoy prerivaniya beremennosti: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological factors of unpreparedness for motherhood: on the example of women with the threat of abortion: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Ufa, 2011. 186 p.
11. Nuzhnova N. M., Adzhakavova A. V. [Formation of a value attitude to the image of the mother among younger schoolchildren]. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo ped-*

- agogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2022, no. 1 (53), pp. 48–55.
12. Panchenko L. L., Belyaeva S. V. [The image of the World among clients of psychological counseling]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, no. 4 (29), pp. 268–271.
 13. Ponomaryova E. V. [Psychological features of the formation of the image of motherhood in ontogenesis]. In: *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2013, no. 2 (18), pp. 161–164.
 14. Petrenko V. F. *Psihosemantika soznaniya* [Psychosemantics of Consciousness]. Moscow, Moscow University Press, 1998. 207 p.
 15. Serkin V. P. [On the possibilities of E. Yu. Artemyeva's method of semantic universals]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2000, no. 4, pp. 74–79.
 16. Smol'yaninova T. S., Petryaeva T. A., Busygina Yu. A. [The image of another person as the basis for the formation of a person's identity]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo instituta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian Institute. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2020, no. 56, pp. 30–40.
 17. Tyson F., Tyson R. *Psychoanalytic Theories of Development* (Rus. ed.: *Psihoanaliticheskie teorii razvitiya*). Moscow, Kogito Centr Publ., 2006. 407 p.).
 18. Filippova G. G. [Psychoanalytic theories of development]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1999, vol. 20, no. 5, pp. 81–88.
 19. Chodorow N. *Reproduction of motherhood: Psychoanalysis and sociology of gender* (Rus. ed.: Oreshina A. B., transl. *Vosproizvodstvo materinstva: Psihoanaliz i sociologiya genera*). Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 496 p.).
 20. Shamarina E. V. *Kul'turnyj smysl materinstva v zapadnoevropejskoj i otechestvennoj filosofskoj mysli: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The cultural meaning of motherhood in Western European and domestic philosophical thought: Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Barnaul, 2008. 26 p.
 21. Anderson J., Bugelski V. Words and things and images. In: *American Psychologist*, 1970, no. 25 (11), pp. 1002–1012.
 22. Bower G. H. *Human associative memory*. Washington, DC Winston, 1973. 524 p.
 23. Bowlby J. *Maternal care and mental health*. Geneva, Claridge, 1987. 321 p.
 24. Erickson S. J., Kubinec N., Vaccaro S. The association between maternal interaction and infant cortisol stress reactivity among preterm and full term infants at 4 months adjusted age. In: *Infant Behavior and Development*, 2019, no. 57. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 22.09.22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Камзина Оксана Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: komoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0871-9194

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana A. Kamzina – Senior Lecturer, the Department of Social Psychology, Samara National Research University named after Academician S. N. Korolev;
e-mail: komoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0871-9194

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Камзина О. А. Психосемантическое исследование образа матери у молодых матерей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 75–88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-75-88

FOR CITATION

Kamzina O. A. Psychosemantic study of the image of the mother among young mothers. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 75–88.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-75-88

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-89-100

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Колобова С. В.

Московский гуманитарный университет

111395 г. Москва, ул. Юности, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление особенностей жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у пожилых людей, проживающих в районах ведения боевых действий.

Процедура и методы. Методом случайной выборки проведено дистанционное анкетирование и психологическое тестирование 79 психически здоровых пожилых людей. Все респонденты были поделены на две группы: 1-я группа – 30 пожилых людей, постоянно проживающих в г. Донецке Российской Федерации, их средний возраст составил 72,9+2,6 лет; 2-я группа – 49 пожилых людей, проживающих в г. Москве (71,4 +2,5), – участники курсов Нейрофитнес «Московское долголетие». Проводилось анкетирование и психологическое тестирование: тест жизнестойкости по Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой в 2006 г., и тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева. Обработка результатов исследования осуществлялась с применением программы SPSS 20.0, использовался U-критерий Манна-Уитни для сравнения несвязанных выборок, критический уровень статистической значимости определялся при $p < 0,05$ и при $p < 0,001$.

Результаты. Лица пожилого возраста, проживающие в Донецке, утрачивают социальные связи, теряют близких и родных людей, у них ухудшается здоровье, появляются ограничения в повседневной жизни и (по сравнению с пожилыми людьми, проживающими в Москве) у них снижена жизнестойкость. При этом их смысложизненные ориентации направлены на осмысленную деятельность, уверенность в своих возможностях и результате, позитивную оценку прожитых лет. Несмотря на общие тенденции по отношению к пожилым людям как к малопродуктивной социальной категории граждан, которая не приносит значимой пользы обществу, у них даже в условиях тяжелейшего психосоциального стресса имеется достаточная жизнестойкость и стремление к активной социальной деятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования будут способствовать разработке методов психологической работы с пожилыми людьми, направленных на формирование мотивации к активному старению, повышению жизнестойкости, расширению коммуникаций, улучшению эмоционального состояния и качества жизни.

Ключевые слова: жизнестойкость, личностный потенциал, люди старшего возраста, психосоциальные характеристики, прифронтовые территории

RESILIENCE AND LIFE-MEANING ORIENTATIONS OF ELDERLY PEOPLE LIVING IN COMBAT AREAS

S. Kolobova

Moscow University for the Humanities

ul. Yunosti, 5, Moscow, 111395, Russian Federation

Abstract

Aim. Identification of the characteristics of resilience and life-meaning orientations in elderly people living in combat areas.

Methodology. By the method of random sampling, remote questioning and psychological testing of 79 mentally healthy elderly people were conducted. All respondents were divided into two groups: group 1 – 30 elderly people permanently residing in Donetsk of the Russian Federation, the average age was 72.9+2.6 years; group 2 – 49 elderly people living in Moscow (71.4 +2.5) – participants of Neurofitness courses “Moscow longevity”. Questionnaires and psychological testing were conducted: the Maddy resilience test adapted by D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova in 2006; and the test of life orientations by D. A. Leontiev. The results of the study were processed using the SPSS 20.0 program, the Mann-Whitney U-test was used to compare unrelated samples, the critical level of statistical significance was determined at $p < 0.05$ and at $p < 0.001$.

Results. Elderly people living in Donetsk lose social ties, lose the loved ones and relatives, their health deteriorates, there are restrictions in everyday life and (compared to elderly people living in Moscow) their resilience is reduced. At the same time, their life-meaning orientations are aimed at meaningful activity, confidence in their capabilities, results and a positive assessment of the years they have lived. Despite the general trends towards the elderly as an unproductive social category of citizens who do not bring significant benefits to society, they have sufficient resilience and desire for active social activity even in the conditions of severe psychosocial stress.

Research implications. The results of the study will contribute to the development of methods of psychological work with elderly people aimed at forming motivation for active aging, increasing resilience, expanding communications, improving emotional state and quality of life.

Keywords: resilience, personal potential, elderly people, psychosocial characteristics, frontline territories

Введение

Тенденция старения населения наблюдается в настоящее время во всём мире. Динамический аспект старения рассматривался во многих социологических и психологических исследованиях, если в 2012 г. 20% населения относились к лицам старшего возраста, то прогноз на 2050 год говорит о росте их количества практически до 30% [5, с. 140]. Численность населения Российской Федерации составляет 141 927 000 человек, при этом из

них официально зарегистрировано 42 729 000 людей пенсионного возраста, т. е. фактически – 30% [4, с. 57]. Люди старшего возраста в социальной структуре общества занимают положение, которое предполагает широкую вариабельность возможной активности в любых сферах жизни личности [7, с. 57]. Несмотря на это часто в современных научных исследованиях лица старшего возраста рассматриваются в качестве малопродуктивной социальной категории граждан, которая

не приносит значимой пользы обществу [9; 13]. На эмоциональное состояние и социальную активность лиц старших возрастных групп влияют как объективные факторы, такие как социальная защищённость, развитие социальной поддержки, индивидуально-личностные особенности, состояние психического и физического здоровья, адаптационные резервы, потенциал, стрессоустойчивость, социальный жизненный опыт [1; 6; 10; 12].

В условиях нестабильной политической ситуации в мире с ростом количества военных конфликтов стратегически важным направлением государственной политики Российской Федерации является вопрос психосоциальной помощи мирному населению, проживающему на прифронтовых территориях, в том числе лицам старшего и пожилого возраста, которые не принимают непосредственного участия в боевых действиях [8, с. 887].

В связи с этим неуклонно актуализируется необходимость рассмотрения вопросов, касающихся личного потенциала людей старшего возраста, который способствует поддержанию жизнестойкости, социальной детерминированности и удовлетворённости жизнью.

Проблема психической устойчивости и социальной активности пожилых людей является открытым вопросом геронтологии, гериатрии, социальной психологии, который требует всестороннего изучения и проведения практически ориентированных научных исследований [2, с. 160].

Имеются исследования, доказывающие, что социальная активность лиц позднего возраста оказывает положительное воздействие на их когнитив-

ную продуктивность и на сохранение психического и физического здоровья, являясь фактором сохранения качества жизни [10; 11]. Недостаточно изучены психосоциальные детерминанты, влияющие на эффективную реализацию потенциала пожилых людей для обеспечения их благополучного активного старения. Из-за недостатка научной проработки вышеуказанных вопросов с их последующим применением в практической деятельности психологов возникает дефицит инструментария для эффективной психологической работы с пожилыми людьми, что диктует необходимость исследования проблем и ресурсов пожилых людей для определения возможностей их полноценного социального функционирования.

Психосоциальные особенности пожилых людей, проживающих в районе проведения болевых действий

Мирное население Донбасса, подвергавшееся длительное время обстрелам со стороны Киевских властей, находится в продолжительной ситуации масштабного стресса. Чрезвычайные ситуации военного характера приводят к формированию нарушений психической адаптации у мирного населения, в том числе и у лиц преклонного возраста [9, с. 113].

Результат анкетирования пожилых людей, проживающих в городе Донецке Российской Федерации, показал, что в большинстве случаев люди старшего возраста проживали одни – 53,3%, с мужем / женой – 30,0%, детьми – 16,7%.

Все респонденты имели право на получение пенсии по возрасту, уро-

вень денежного содержания устраивал 73,3%, не устраивал 26,7%, рацион питания в текущем году не изменился у 73,3%, стал хуже у 20,0%. Все респонденты отметили увеличение расходов на оказание квалифицированной медицинской помощи за последний год.

В текущем году ухудшение состояния здоровья отметили 93,3% обследованных, наличие нескольких хронических заболеваний 80%. Функциональные ограничения, такие как снижение выносливости и подвижности, снижение сенсорных способностей, возрастающая потребность в посторонней помощи присутствовала у 86,7%.

С началом боевых действий мечты и цели у 60,0% обследованных лиц старшего возраста не изменились, отметили переоценку своих жизненных установок 26,7 %, отсутствие мечты и цели –13,3%.

По мнению 70,0% людей старшего возраста, проживающих на прифронтовых территориях, чрезвычайные условия военного характера легче переносят пожилые женщины, 20,0% напротив, считают, что молодым людям легче адаптироваться в условиях военной обстановки.

В ходе военной операции 23,4% всех опрошенных респондентов потеряли близких, родных людей и друзей. Отметили утрату социальных связей и привычного круга общения более 60%, испытывают социальную изоляцию 63,4%. Главной ценностью в жизни считают семью 73,3%.

Самыми тяжёлыми событиями в жизни 50,0% респондентов назвали потерю родных и близких и начало боевых действий в Донбассе (10,0%).

Все опрошенные лица пожилого возраста, проживающие в Донецке, отметили, что интересуются новостями мира и политики, при этом страх от просмотра новостных каналов испытывают 86,7%. По мнению 96,7% пожилых людей, самыми страшными новостями являлись обстрелы, бомбёжки, гибель детей, начало военной операции, и только один человек страшной новостью назвал пандемию новой коронавирусной инфекции COVID-19.

В трудных жизненных ситуациях респонденты обращались за помощью к соседям в 63,4% случаев, к детям – 36,6%. Пожилым людям было предложено рассказать, что бы они предпочли увидеть в будущем: 76,7% ответили, что хотели бы увидеть счастливыми своих соотечественников.

Все обследованные люди старшего возраста считают себя жизнестойкими. На вопрос «Что помогает вам переносить тяжести и лишения?» получены различные ответы: любовь к семье, вера, надежда на мир, общение с близкими, соседями.

Респондентам было предложено написать послание в будущее своим детям и внукам, которое они могли бы прочитать через 20 лет. Мы получили следующие напутствия: дорожить семьёй, ценить мир и жизнь, помнить добро, честно работать, хорошо учиться, беречь здоровье, быть счастливыми, добрыми и ценить любовь и заботу.

Для рассматриваемой нами категории пожилых людей, постоянно находящихся под воздействием угрожающих жизни чрезвычайных обстоятельств, характерно социально мотивированное поведение и устойчивые ценностные ориентации. Несмотря на

различия в социальном статусе и состоянии здоровья все респонденты патриотично настроены на защиту Отечества и надежду на скорую победу и мир в их домах. Как показали результаты анкетирования, многие люди пожилого возраста проявляют общественно-политическую активность.

Пожилые люди, вынужденно вовлечённые в чрезвычайную ситуацию военного характера, обладают экзистенциальной отважностью, сильным контролем своих эмоций и поведения и умением целенаправленно координировать свои действия.

Программа исследования

Предмет исследования: жизнестойкость и смысложизненные ориентации пожилых людей.

Объект исследования: жизнестойкость и смысложизненные ориентации пожилых людей, проживающих в районах ведения боевых действий

Целью исследования являлось выявление особенностей жизнестойкости и смысложизненных ориентаций пожилых людей, проживающих в районах ведения боевых действий.

Материалы и методы. Методом случайной выборки проведено анкетирование и психологическое тестирование 79 психически здоровых пожилых людей. Все респонденты были поделены на две группы: 1 группа – 30 пожилых людей, постоянно проживающих в г. Донецке Российской Федерации (средний возраст составил $72,9 \pm 2,6$ лет); 2 группа – 49 пожилых людей, проживающих в городе Москве ($71,4 \pm 2,5$), – участники курсов «Нейрофитнес «Московское долголетие».

Процедура проведения исследования. На онлайн платформе Google –

формы были сформированы электронные версии анкеты и психологических тестов. Сгенерированы ссылки на онлайн версии теста и анкеты и направлены респондентам. Для ответов респонденты использовали индивидуальные портативные устройства. Обработка результатов осуществлялась в режиме реального времени. Результаты анкетирования и тестирования были консолидированы в базе данных в формате электронной таблицы.

Ограничения проводимого исследования: отказ респондентов от участия в тестировании и анкетировании, отсутствие технических возможностей для участия в исследовании.

Анкетирование проводилось только для лиц, проживающих в районе боевых действий: применялась авторская анкета, содержащая данные социально-демографического профиля и сведений, касающихся психологического состояния и имеющих жизненных проблем респондентов. Было проведено следующее психологическое тестирование для двух групп респондентов: тест жизнестойкости по Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой в 2006 г. [3] – для оценки уровня жизнестойкости людей старшего возраста, проживающих в городе Донецке; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева [3] – для оценки жизненных ценностей респондентов.

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с применением программы SPSS 20.0, использовался U-критерий Манна-Уитни для сравнения несвязанных выборок, критический уровень статистической значимости определялся при $p \leq 0,05$ и при $p \leq 0,001$.

Результаты эмпирического исследования жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у людей пожилого возраста

Согласно результатам теста жизнестойкости Мадди, выраженность общей жизнестойкости, контроля и принятия риска статистически значимо не различалась в сравнении с нормативными показателями, при этом уровень вовлечённости был значительно ($p > 0,001$) меньше нормы. Это вероятно свидетельствует о том, что пожилые люди 1 группы дистанцируются от общества и испытывают ощущения ненужности, отвергнутости, неуверенности в своих силах и возможностях (рис. 1).

При сравнении результатов теста Мадди у пожилых людей, проживающих в Донецке, с пожилыми людьми, проживающими в Москве, были выявлены значимые различия. Общая жиз-

нестойкость, вовлечённость и принятие риска были существенно ($p \geq 0,001$) ниже в 1 группе респондентов. Это означает, что у пожилых людей, проживающих на территории военных действий, система личных убеждений выраженность двух компонентов жизнестойкости, способствовала возникновению дезадаптивных состояний. Пожилые люди 1 группы осознавали, что не могут самостоятельно изменить сложившуюся ситуацию или значимо повлиять на развитие событий (табл. 1).

Лица 2 группы, проживающие в г. Москве, имели высокий показатель жизнестойкости, т. е. их система убеждений о себе и об отношениях с миром, включающая сильно развитые автономные компоненты вовлечённости, контроля, принятия риска препятствовала формированию внутреннего напряжения за счёт эффективного совладания со стрессом.

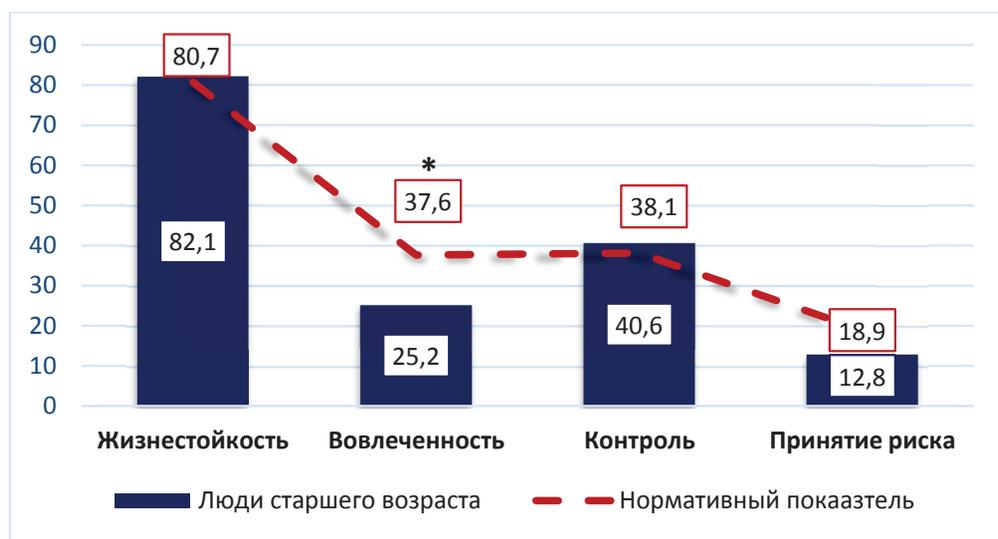

Рис. 1 / Fig. 1. Жизнестойкость у людей старшего возраста, проживающих на прифронтовой территории (в баллах) / Resilience of elderly people living on the frontline territory (in points).

Примечание: достоверность различий между группами при $*p \geq 0,001$ по критерию Манна-Уитни.

Таблица 1 / Table 1

Жизнестойкость у людей пожилого возраста M+m, баллы / Resilience in elderly people M+m, points

Шкалы	1-я группа n=30		2-я группа n=49		p*
	M	m	M	m	
Жизнестойкость	82,1	6,3	96,4	9,2	≤0,001
Вовлечённость	25,2	4,2	35,9	3,3	≤0,001
Контроль	40,6	3,8	36,9	5,3	0,114
Принятие риска	12,8	2,1	23,6	3,2	≤0,001

Примечание: p рассчитывался с использованием критерия Манна Уитни, критический уровень статистической значимости при $p < 0,001$.

У пожилых людей 1 группы, согласно результатам теста смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, общий показатель осмысленности жизни был существенно ниже нормы (рис. 2), это свидетельствует о том, что люди старшего возраста живут сегодняшним и вчерашним днём, а не долгосрочной перспективой и считают, что

все важные события в жизни у них в прошлом. Остальные шкалы теста не имели значимых различий с нормативными показателями.

При сравнении результатов теста смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева у двух групп респондентов значимых межгрупповых различий ни по одной из шкал выявлено

Рис. 2. / Fig. 2. Смысложизненные ориентации у людей пожилого возраста, проживающих на прифронтовой территории (в баллах) / Meaning-of-life orientations in elderly people living on the frontline territory (in points).

Примечание: достоверность различий между группами при $p > 0,001$, по критерию Манна-Уитни.

не было (табл. 2). Пожилые люди считали свою жизнь достаточно насыщенной, наполненной смыслом. Пожилых людей в целом удовлетворяла имеющаяся жизненная роль в обществе. Они

подходили осмысленно к своим поступкам и действиям, были уверены в своих возможностях и результате, а также позитивно оценивали прожитые годы.

Таблица 2 / Table 2

Смысложизненные ориентации у людей пожилого возраста, М+m (в баллах) / Meaning-of-life orientations in elderly people living on the frontline territory, M+m (in points)

Шкалы	1-я группа n=30		2-я группа n=49		p
	М	m	М	m	
Цели в жизни	30,3	4,9	26,1	4,5	0,132
Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни	29,4	3,2	24,5	3,9	0,125
Результативность жизни, или удовлетворённость самореализацией	20,7	3,1	18,8	2,8	0,134
Л – «Я», – локус контроля	18,2	3,9	14,5	5,1	0,121
«Ж» – локус контроля – жизнь	21,1	4,2	22,8	4,4	0,165
Осмысленность жизни	79,2	6,9	76,5	9,4	0,132

Больше половины пожилых людей, проживающих в районе боевых действий, утратили социальные связи, у них ухудшилось состояние здоровья и требовалось увеличение расходов на лечение. Самым ценным в жизни пожилые люди считают семью и крайне тяжело переживают войну, утрату родных и близких людей, они нуждаются в помощи и поддержке, которую им чаще всего оказывают соседи. Многие отмечают недостаточность социально-финансовой обеспеченности. Несмотря на наличие выраженных социальных и медицинских проблем пожилые люди Донецка удовлетворены прошлой жизнью и надеются на позитивные изменения в будущем. Таким образом, психологическое состояние пожилых людей, проживающих на прифронтовых территориях, в целом

адекватно сложившейся чрезвычайной ситуации, при этом эти люди всё равно сильно нуждаются в социальной помощи и поддержке.

Комплекс психосоциальных мер поддержки пожилых людей, проживающих в зоне, где ведётся война, должен включать:

- совершенствование нормативного правового регулирования их жизнедеятельности в социальной сфере;

- проведение практически ориентированных научных исследований области геронтологической психологии, социологии и медицины;

- внедрение в практическую деятельность организаций социальной и психологической защиты новых требований и стандартов по обеспечению потребностей пожилых людей, проживающих на прифронтовых территориях;

– проведение психосоциальной работы для включения активных пожилых людей в социально-общественную

деятельность, участие в патриотическом воспитании молодёжи, наставничестве (рис. 3).

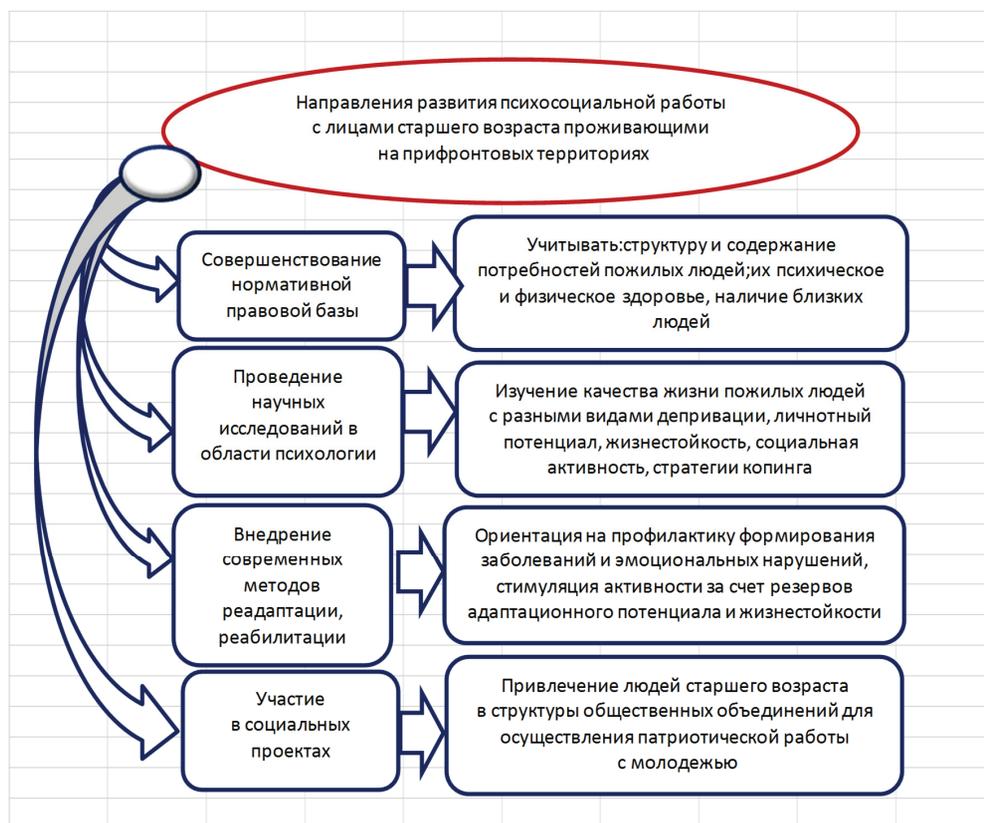

Рис. 3 / Fig. 3. Систематизация направлений работы с лицами старшего возраста, проживающими на прифронтовых территориях / Systematization of areas of work with elderly people living in frontline territories

Заключение

Лица пожилого возраста, проживающие в Донецке? утрачивают социальные связи, теряют близких и родных людей, у них ухудшается здоровье, появляются ограничения в повседневной жизни и (по сравнению с пожилыми людьми, проживающими в Москве) у них снижена жизнестойкость. При этом их смысло-жизненные ориентации направлены на осмысленную деятельность уверенность в своих воз-

можностях и результатах, позитивную оценку прожитых лет.

Таким образом, несмотря на общие тенденции по отношению к пожилым людям как к малопродуктивной социальной категории граждан, которая не приносит значимой пользы обществу, у них даже в условиях тяжелейшего психосоциального стресса имеется достаточная жизнестойкость и стремление к активной социальной деятельности.

Нереализованные резервные возможности людей пожилого возраста являются предметом для глубокой научной проработки и реализации практических мер, направленных на сохранение психологического здоровья и эффективное развитие личностного потенциала в пожилом возрасте.

С учётом тенденции масштабного старения населения в России важным является вопрос поддержания

активного старения пожилых людей с максимальным вовлечением их в социальную жизнь общества. С данным контингентом необходимо проводить психологическую работу с применением методов, направленных на улучшение их эмоционального состояния и формирование мотивации к будущей активной жизни.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова Е. А. Особенности социально-психологической адаптации пожилых людей // Концепт. 2015. № 28. С. 2–5.
2. Дениско Л. С. Социально-психологический портрет пожилого человека // Молодой учёный. 2021. № 27 (369). С. 160–162.
3. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
4. Марунова Т. Р. Направления социальной активности пожилых людей // Известия Саратовского университета. 2014. Т. 14. № 2. С. 55–57.
5. Максимов А. М., Тутыгин А. Г. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 138–155.
6. Плотникова Е. С., Гордеева В. В. Гендерные различия самореализации и самоактуализации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 358–362.
7. Рассоха А. А., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В. Динамика формирования психических расстройств у комбатантов МВД России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2022. № 2. С. 52–59. DOI: 10.25016/2541-7487-2022-0-2-52-59.
8. Сидоренко В. А., Богдасаров Ю. В., Соловьев А. Г. Организация психиатрической помощи пенсионерам министерства внутренних дел России // Успехи геронтологии. 2018. Т. 31. № 6. С. 887–891.
9. Соловьёв А. Г., Шутова А. А., Злоказова М. В. Динамика формирования психических расстройств у комбатантов-пенсионеров министерства внутренних дел // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 6. С. 912–916.
10. Стрижицкая О. Ю. Здоровый образ жизни и психологическое благополучие в период поздней зрелости и старения // Мир науки: [сайт]. 2017. Т. 5. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/101PSMN617.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Bersin J., Chamorro-Premuzic T. The Case for Hiring Older Workers // Harvard Business Review: [сайт]. 2019. № 9. URL: <https://hbr.org/2019/09/the-case-for-hiring-older-workers> (дата обращения: 10.09.2022).
12. Wagner P., Duan Y. P., Zhang R. Association of psychosocial and perceived environmental factors with park-based physical activity among elderly in two cities in China and Germany // BMC Public Health. 2020. № 20 (1). URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-019-8140-z> (дата обращения: 10.09.2022). DOI: 10.1186/s12889-019-8140-z.

13. Johansson M. M., Barbero M., Cescon C. Pain characteristics and quality of life in older people at high risk of future hospitalization [Электронный ресурс] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 3. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/3/958>. DOI 10.3390/ijerph18030958 (дата обращения: 10.09.2022).

REFERENCES

1. Denisova E. A. [Features of social and psychological adaptation of elderly people]. In: *Koncept* [Concept], 2015, no. 28, pp. 2–5.
2. Denisko L. S. [Socio-psychological portrait of an elderly person]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2021, no. 27 (369), pp. 160–162.
3. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestojkosti* [Viability test]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 63 p.
4. Marunova T. R. [Directions of social activity of elderly people]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Bulletin of Saratov University], 2014, vol. 14, no. 2, pp. 55–57.
5. Maksimov A. M., Tutygin A. G. [Problematic issues of the methodology for assessing the social well-being of the population in modern Russia]. In: *Ekonomicheskie i social'nye pereмены: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2022, vol. 15, no. 2, pp. 138–155.
6. Plotnikova E. S., Gordeeva V. V. [Gender differences in self-realization and self-actualization]. In: *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2020, vol. 9, no. 2 (31), pp. 358–362.
7. Rassoha A. A., Ichitovkina E. G., Zlokazova M. V. [Dynamics of the formation of mental disorders among combatants of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnykh situacijah* [Medico-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations], 2022, no. 2, pp. 52–59. DOI: 10.25016/2541-7487-2022-0-2-52-59.
8. Sidorenko V. A., Bogdasarov Yu. V., Solov'ev A. G. [Organization of psychiatric care for pensioners of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Uspekhi gerontologii* [Uspekhi gerontologii], 2018, vol. 31, no. 6, pp. 887–891.
9. Solov'yov A. G., Shutova A. A., Zlokazova M. V. [Dynamics of the formation of mental disorders in combatants-pensioners of the Ministry of Internal Affairs]. In: *Uspekhi gerontologii* [Uspekhi gerontologii], 2017, vol. 30, no. 6, pp. 912–916.
10. Strizhickaya O. Yu. [Healthy lifestyle and psychological well-being during late adulthood and aging]. In: *Mir nauki* [World of Science], 2017, vol. 5, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com> (accessed: 10.10.2022).
11. Bersin J., Chamorro-Premuzic T. The Case for Hiring Older Workers. In: *Harvard Business Review*, 2019, no. 9. Available at: <https://hbr.org/2019/09/the-case-for-hiring-older-workers> (accessed: 10.09.2022).
12. Wagner P., Duan Y. P., Zhang R. Association of psychosocial and perceived environmental factors with park-based physical activity among elderly in two cities in China and Germany. In: *BMC Public Health*, 2020, no. 20 (1). Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com> (accessed: 10.09.2022). DOI: 10.1186/s12889-019-8140-z
13. Johansson M. M., Barbero M., Cescon C. Pain characteristics and quality of life in older people at high risk of future hospitalization. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18, no. 3. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/3/958>. DOI 10.3390/ijerph18030958 (accessed: 10.09.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колобова Светлана Викторовна – аспирант кафедры общей психологии Московского гуманитарного университета;

e-mail: prgaga@mail.ru, ORCID: 0000-0002-85188799

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kolobova – Postgraduate Student of the Department of General Psychology, Moscow University for the Humanities;

e-mail: prgaga@mail.ru, ORCID: 0000-0002-85188799

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колобова С. В. Жизнестойкость и смысложизненные ориентации пожилых людей, проживающих в районах ведения боевых действий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 89–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-89-100

FOR CITATION

Kolobova S. V. Resilience and life-meaning orientations of elderly people living in combat areas. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 89–100.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-89-100

UDC: 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-101-112

TYPE OF ATTACHMENT AS A FACTOR OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF WOMEN MARRIED TO FOREIGNERS

O. Mironova¹, L. Ruonala²

¹ HSE University

ul. Myasnitskaya, 20, Moscow, 101000, Russian Federation

² Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy, 24, Moscow region, Mytishchi, 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the influence of the attachment type factor on the success of socio-psychological adaptation of women married to foreigners.

Methodology. The study was conducted on the base of social networks using Yandex Forms. The sample group consisted of 59 women who moved to a new country due to marriage to foreigners. The used methods were: "Questionnaire for attachment to close people" edited by N. V. Sabelnikova and D. V. Kashirskiy, "Questionnaire for interpersonal relations" edited by A. Rukavishnikov, methods of Rogers – Dymond "Test – questionnaire for socio-psychological adaptation" edited by A. K. Osnitskiy. For analysis of the data obtained the descriptive statistics and correlation analysis using Spearman's correlation coefficient were used.

Results. Differences in adaptation and interpersonal communication between groups of the respondents with different types of attachment were revealed.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study is a specification of the ideas about the factors influencing the success of socio-psychological adaptation of women married to foreigners. The obtained data can be used by practical psychologists and employees of social services for providing adequate assistance and support.

Keywords: socio-psychological adaptation, type of attachment, interpersonal interaction, adaptation of women married to foreigners

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН, ЗАКЛЮЧИВШИХ БРАК С ИНОСТРАНЦАМИ

Миронова О. И.¹, Руонала Л. А.²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучение влияния фактора типа привязанности на успешность социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами.

© СС ВУ Миронова О. И., Руонала Л. А., 2022.

Процедуры и методы. Исследование проводилось на базе социальных сетей при помощи Яндекс-формы. Выборку составили 59 женщин, переехавших в новую страну в связи с заключением брака с иностранцами. Применялись методики «Опросник привязанности к близким людям» под редакцией Н. В. Сабельниковой и Д. В. Каширского, «Опросник межличностных отношений» под редакцией А. Рукавишниковой, методика Роджерса-Даймонд «Тест-опросник социально-психологической адаптации» под редакцией А. К. Осницкого. Для анализа полученных данных были использованы описательная статистика и корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Были выявлены различия в адаптации и межличностном общении между группами испытуемых с разным типом привязанности.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о факторах, влияющих на успешность социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами. Полученные данные могут быть использованы практическими психологами и сотрудниками социальных служб для оказания адекватной помощи и поддержки.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, тип привязанности, межличностное взаимодействие, адаптация женщин в браке с иностранцами

Introduction

The problem of migrants' adaptation is becoming increasingly relevant in the modern world. The main trends in approaches to description of the socio-psychological adaptation process of a migrant to a new environment are theories of assimilation and acculturation [8; 19]. The former assumes that for successful adaptation a migrant loses connection with the culture of the country of origin and rethinks familiar values in close interaction with the dominant society [17]. The latter considers the adaptation as a two-way dynamic process when a person is enriched as a result of cultural exchange [9].

Both approaches accept that the adaptation process of a migrant starts with conditions of interpersonal communication with representatives of the local population. Inclusion of migrants in local communities positively influences integration into the host society. [11; 12; 16; 18].

Despite the fact that all groups of migrants communicate with the local population, this process is most significantly

revealed among married migrants as intercultural communication affects marital relations themselves.

According to a number of researches when studying socio-psychological adaptation of women in intercultural marriages it is reasonable to take into consideration the type of attachment since this characteristic is substantially associated with satisfaction with marital relations and the ability itself to build warm and trusting relations [2; 7; 20].

With respect to the above, hypotheses of this study are the following provisions: 1) there is a connection between the level of socio-psychological adaptation of women married to foreigners and the type of their attachment, 2) features of adaptation of the study group are revealed through characteristics of interpersonal communication.

Methodology

For the purpose of studying the features of socio-psychological adaptation of women married to foreigners the techniques assessing adaptation indicators,

interpersonal communication and type of attachment were used.

To determine the type of attachment the technique “Questionnaire for identifying attachment to close people” by N. V. Sabelnikova and D. V. Kashirskiy was used. The stimulus material contains 30 statements, results are distributed in two scales: “anxiety” and “avoidance”. Depending on the data obtained one from four types of attachment is determined: secure, fearful – avoidant, dismissive – avoidant (detached), anxious – preoccupied (dependent).

To assess the characteristics of communication the method “Questionnaire for interpersonal relations” edited by A. Rukavishnikov was used. The questionnaire consists of 54 statements and the results of the study are evaluated by six main scales which form the basis for describing the features of respondents’ interpersonal behaviour using integral indicators.

Assessment of adaptation was carried out by using Rogers – Dymond methodology “Test – questionnaire for socio-psychological adaptation” edited by A. K. Osnitskiy. Respondents are offered 101 statements given in an impersonal form that helps to neutralize the possibility of socially approved answers. To describe adaptation, six integral indicators are used.

Study procedure

The study involved 59 Russian-speaking women (N=59) moved due to reunion with a foreign partner. The average age of the respondents was 40 years old. 26 respondents moved from Russia and have lived in the following countries (information in brackets indicates a number of respondents from this country): Germany (4), Greece (4), Spain (2), Kazakhstan (1), Nigeria (1), UAE (1),

Tunisia (1), Turkey (7), Sweden (5). The rest 33 respondents moved to Russia from such countries as Belarus (4), Bulgaria (1), Ghana (1), Greece (1), Georgia (2), Kazakhstan (9), Canada (1), Moldova (3), Pakistan (1), Poland (1), Uzbekistan (3), Ukraine (5), Finland (1).

Respondents were recruited through social networks for migrants’ communication. The survey was conducted using Yandex-forms where respondents were asked to answer questions from the standardized methods and indicate social characteristics such as age, period of residence in a new country, satisfaction with relations. All participants were informed that the collected data would be used for the research. Participation in the study was completely voluntary and anonymous.

By age, the respondents in the first group were distributed as follows: 15% of the respondents aged 22–29, 47% aged 30–39, 14% aged 40–49 and the remaining 24% was over 50.

The majority of respondents has been living in a new country from 4 to 10 years – 29%, 22% have been in a new country from 11 to 20 years, 16% have been living in a new country for over 20 years, 16% – from 2 to 4, 10% have been living in a new country from 1 to 2 years and 3% have moved less than 1 year ago.

88% respondents continue living with the spouse they moved to. At the same time only 78% noted that they were satisfied with relations.

Analysis of the survey results

For validation and detailing the data obtained as a result of the survey, statistical methods for data processing were used (descriptive statistics, correlation analysis using Spearman’s correlation coefficient to evaluate small sample groups), analysis

of data was carried out using software MS Excel and SPSS v. 23.

On fig. 1 distribution of respondents by type of attachment is clearly shown. The most frequent type is fearful – avoidant (47%), which is characterized by high

scores on anxiety and avoidance scale. The next most common type is a secure type (27%) demonstrating low scores for both anxiety and avoidance. Detached (14%) and dependent (12%) types are much less prevalent in the group of respondents.

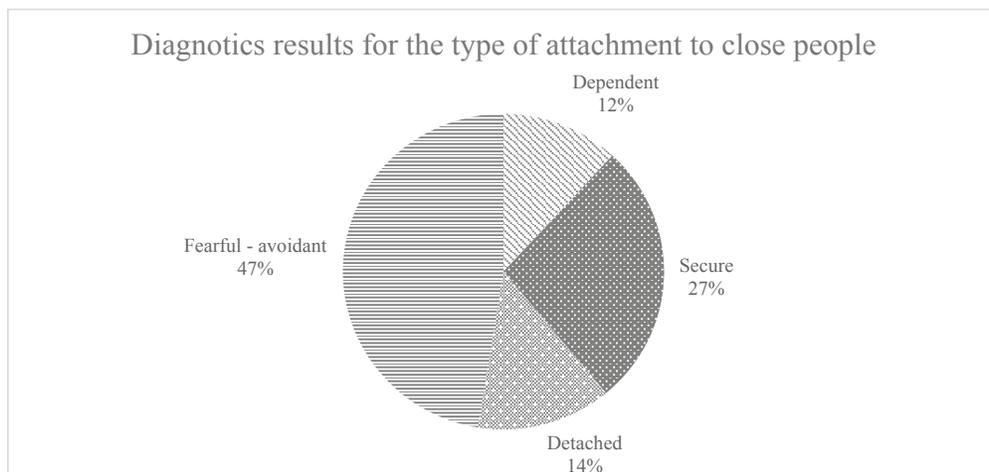

Fig 1 / Рис. 1. Diagnostics results for the type of attachment to close people / Результаты диагностики типа привязанности к близким людям

Source: authors' data.

Let us consider how average scores differ on scales of diagnostic methods for interpersonal communication and adaption depending on the type of attachment in the study group (see Table 1 and Table 2).

The obtained results can be described as follows:

– on the scales of «inclusion» – detached and fearful-avoidant types are not inclined to search for new contacts, are

Table 1 Таблица 1

Distribution of the results of diagnostics of interpersonal communication by types of attachment (average values) / Распределение результатов диагностики межличностной коммуникации по типам привязанности (средние значения)

	Dependent	Secure	Detached	Fearful - avoidant
Expressed behaviour in the area of “inclusion”	4,0	4,4	3,1	3,3
Required behaviour in the area of “inclusion”	3,6	3,8	2,3	2,6
Expressed behaviour in the area of “control”	4,3	4,4	4,5	5,1
Required behaviour in the area of “control”	3,6	2,8	4,5	4,0
Expressed behaviour in the area of “affect”	3,3	3,2	2,8	2,5
Required behaviour in the area of “affect”	4,3	3,2	2,6	2,5

Source: authors' data.

Table 2 / Таблица 2

**Distribution of diagnostics results for adaptation indicators by types of attachment /
Распределение результатов диагностики показателей адаптации по типам
привязанности**

	Dependent	Secure	Detached	Fearful-avoidant
Adaptability	127	139	105	114
Maladaptation	104	69	93	94
Self-acceptance	42	46	36	37
Non-self-acceptance	18	13	19	19
Acceptance of others	26	26	19	19
Rejection of others	22	16	17	20
Emotional comfort	23	25	20	20
Emotional discomfort	22	11	18	20
Internal control	49	55	42	50
External control	26	19	22	24
Dominating	8	9	8	7
Submissiveness	21	16	17	17
Escapism	15	14	15	15

Source: authors' data.

not interested in belonging to groups and communities, prefer to avoid communication; dependent and secure types also do not demonstrate high interest in belonging, but this intention is not so clearly pronounced and depending on the situation the representatives of these types can show more expressed interest to communication and joint activity;

– on the scales of “control” – all respondents tend to control others and do not accept control over themselves. Secure type is the least in need of self-control and fearful – avoidant type is most inclined to control close people;

– on the scale of «affect» – detached and fearful-avoidant types are careful when choosing individuals for deep, emotional relations, secure and dependent types demonstrate more freedom in seeking deep communication. For dependent type it is more important when others treat him warmly and share their feelings.

As it can be seen from the table, the structure of adaptation indicators is different in each of the studied groups. The highest adaptation scores at a low level of maladaptation are discovered among women with the secure type of attachment. This type has also the most expressed difference between interconnected indicators of adaptability and maladaptation, acceptance and rejection of oneself and others, emotional comfort and discomfort, internal and external control, the lowest level of avoidant behaviour. Such indicators are typical for people with a harmonious, holistic attitude towards themselves and others.

In women with the dependant type of attachment the fairly high level of adaptation is revealed but at the same time the level of maladaptation is the highest among the studied groups. The representatives of this type show the most contradictory behavioural tendencies demon-

strating minimal difference between such indicators as acceptance and rejection of oneself and others, emotional comfort and discomfort, internal and external control. The high level of submissiveness looks also understandable in this group.

It can be assumed that instability and inconsistency are associated with high anxiety and the desire of the respondents to build their activity focusing on needs and desires of close people but not on their own ones.

In the fearful – avoidant type low scores of adaptation and emotional comfort, dominance are of interest. At the same time a high level of emotional discomfort and characteristics of attitude towards oneself and others (low scores of acceptance of oneself and others at a high level of rejection of oneself and others) is indicated.

Difficulties in adaptation of this type can be associated with tendencies to negatively evaluate both oneself and others, unwillingness to be involved in joint activity as there is no need either in leadership (low scores on scale of dominance) or desire to listen to others (low scores on the scale of submissiveness).

Finally, the lowest level of adaptation is in the group with detached type of behav-

our, while the level of maladaptation in this group of the respondents is also low. Based on the data obtained it can be assumed that representatives of this group can, in general, have a bad attitude to oneself and view others better than themselves.

In table 3 the integral indicators of adaptation in the studied groups are shown. They will be further used for studying connections between characteristics of groups identified in the study result.

To validate and to refine the obtained data as the result of the survey the correlation analysis using Spearman's correlation coefficient was carried out. The connection between the studied scales for each type of attachment was analysed separately.

The respondents with the secure type of attachment had a direct strong connection between the integral adaptation indicator and required behaviour in the area of "affect" ($KC=0,581, p \geq 0,01$), emotional comfort and expressed behaviour in the area of "control" ($KC=0,497, p \geq 0,01$), internality and expressed behaviour in the area of "control" ($KC=0,508, p \geq 0,01$), desire to dominate and expressed behaviour in the area of "inclusion" ($KC=0,621, p \geq 0,01$). There is also a less pronounced direct con-

Table 3 / Таблица 3

Integral indicators of adaptation level in respondents' groups / Интегральные показатели уровня адаптации в группах опрошенных

	Dependent	Secure	Detached	Fearful – avoidant
Adaptation	55	68	53	55
Self – acceptance	59	69	55	55
Acceptance of others	58	65	57	53
Emotional comfort	52	72	52	51
Internality	58	70	56	60
Dominance seeking	41	52	46	45

Source: authors' data.

nection between the indicators of desire to dominate and expressed behaviour in the area of "control" ($KC=0,932, p \geq 0,05$) and an inverse connection between emotional comfort and required behaviour in the area of "control" ($KC=-0,627, p \geq 0,05$).

Attention shall be paid to the inverse strong connection between anxiety level and such adaptability characteristics as acceptance of others ($KC=-0,537, p \geq 0,01$), emotional comfort ($KC=-0,584, p \geq 0,01$) and internality ($KC=-0,532, p \geq 0,01$).

In the largest group of the respondents with the fearful – avoidant type of attachment, the direct strong connection between acceptance of others and expressed behaviour in the area of "affect" ($KC=0,419, p \geq 0,01$) was discovered.

In the group with the dependant type of attachment there is a direct connection between emotional comfort and the indicators of expressed behaviour in the area of "inclusion" ($KC=0,805, p \geq 0,01$) and required behaviour in the area of "inclusion" ($KC=0,883, p \geq 0,05$). There is also an inverse connection between avoidance and self – acceptance ($KC=-0,893, p \geq 0,05$).

Finally, the respondents with the detached type of attachment revealed an inverse connection between level of avoidance and such indicators as emotional comfort ($KC=-0,770, p \geq 0,01$), internality ($KC=-0,735, p \geq 0,01$) and desire to dominate ($KC=-0,831, p \geq 0,01$). In addition, there is an inverse connection between the required behaviour in the area of "control" and internality ($KC=-0,749, p \geq 0,01$) and desire to dominate ($KC=-0,847, p \geq 0,05$).

Let us consider the obtained results in more detail.

Discussion of results

The data obtained confirm the significance of such indicators as the type

of attachment [7; 20] and interpersonal communication [6; 14] for the successful socio-psychological adaptation of women married to foreigners.

It should be noted that the study of interpersonal communication shows that all women respondents moved to a new country due to marriage have, in general, a tendency to vigilance in interactions with other people and building emotional and deep relations. This situation can be associated with the context of intercultural communication and does not depend on the migrants' type of attachment. This is evidenced by the survey studying other groups of migrants [5; 11; 15].

It is discovered that success of adaptation in the studied group is directly associated with the type of attachment. Revealing the structure of relations at a deeper and more intimate level, this factor shows difficulties affecting the success of the adaptation of women married to foreigners and not related to the context of intercultural communication but to the psychological characteristics of women themselves.

A number of researchers also suggest distinguishing the influence of external factors related to the context of intercultural communication and internal factors of a migrant's personality [1; 3; 15].

It can be assumed that for different types of migration the ratio of these factors and their influence on adaptation success may differ in their structure.

The most successful in adapting to a new country are the women with the secure type of attachment. According to the conducted analysis, a low level of anxiety is associated with the ability of the respondents to take responsibility, experience emotional comfort, and treat others positively.

It is important to note that in this group the largest number of connections between adaptation indicators and interpersonal communication was revealed. The respondents with a high level of adaptation do not tend to control others in making decisions and are not inclined to avoid responsibility. They demonstrate interest to joint activity, when necessary, are ready to belong to groups and communities while showing selectivity. It can be assumed that women with the secure type of attachment are more adequately included into various types of interaction with common goals and motives, ways of activity organisation, common results which they themselves are aware of and share. It allows them to take an active subjective life position.

Researches of women's adaptability show that the secure type of attachment is associated with overall success in life [10; 13; 21]. It can be concluded that this statement is true for the studied sample group as well.

Most often in the studied group of women the fearful – avoidant type of attachment is revealed. It is characterised with a high level of both avoidance and anxiety. It is likely that avoidant behaviour contributes to the fact that women can experience difficulties with building warm, trusting relations in their native country and anxiety makes it difficult to be satisfied with the state of loneliness and allows to remain in the relationships with foreigners since the stage of intimacy development happens in the conditions of long – distance communication.

This assumption indirectly confirms the connection between the most expressed of all the studied groups' tendency to be cautious and selective in establishing close relations and such a characteristic of adaptability as acceptance of others.

E. V. Kuftyak in her study of attachment types reveal individuals showing interpersonal mistrust and choice of non – productive coping – strategies with a tendency to show helplessness and refusal from activity demonstration [4]. We assume that in the studied groups these characteristics can hinder adaptation success to a new country, society and cultural settings since the fact of belonging and dependence is experienced as a threat to personal welfare and can disturb inclusion into the collective entity that negatively affects realization and following the life strategy in practice.

Conclusions

The conducted study showed that the type of attachment and interpersonal communication affect the adaptation in a new country of women married to foreigners.

In accordance with the questionnaire of interpersonal relations, all respondents regardless of the type of attachment demonstrate tendencies to vigilance in communication and finding new friends.

By identifying the type of attachment among married migrants it is possible to determine women's psychological characteristics that influence their success in adaptation in a new country. As the conducted survey shows women with the secure type of attachment are the best in adapting in a new country. Due to a low level of anxiety migrant women with this type of attachment manage to meet their communication needs the best, to treat themselves and others adequately.

The fearful – avoidant type of attachment is most represented in the studied group. It can be assumed that long - distance relations are, in principle, easier to build for this particular type of women.

Choosing a partner from a different culture and moving to a new country can be associated with avoidant behavior and attempts to cope with anxiety.

Due to a low level of avoidance the representatives of the dependent type of attachment feel more comfortable in familiar conditions and women with the detached type of attachment may lack motivation to change something in their lives due to a low level of anxiety.

The limitations of the obtained results related to the size and features of the

sample group should be taken into consideration. At the same time, considering the trends identified during this study it seems promising to study psychological features and personal characteristics of women married to foreigners with consideration of the type of attachment for better understanding of the specifics of the socio-psychological adaptation of women married to foreigners, making programs for its improvement.

Статья поступила в редакцию 31.08.2022

REFERENCES

1. Grunt E. V. [Factors influencing the socio-cultural adaptation of migrants from Central Asia in the Ural metropolis]. In: *Logos et Praxis*, 2019, no. 3 (18), pp. 112–123.
2. Dianova E. S. [Studies of the role of attachment in human life. Review of foreign research]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2019, no. 4 (8), pp. 88–96.
3. Zaviyalov A. V. [Adaptation of migrants in the urban environment: new living conditions in old cities]. In: *Urbanistika* [Urbanistic], 2018, no. 3, pp. 2–11.
4. Kuftyak E. V. [Relationship between attachment and coping behavior in adults]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2021, no. 1 (29), pp. 28–43.
5. Mihajlova N. V. [Subjective experience of loneliness and emotions experienced by representatives of an ethnic minority in an incultural environment]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 2018, no. 1 (11), pp. 51–57.
6. Ruonala L. A. [The role of interpersonal contacts among migrants during the period of adaptation]. In: Egorov I. V., ed. *Mezhlichnostnyj kontakt: teoriya, metodologiya i praktika vnedreniya: sbornik nauchnyh statej, posvyashchyonnyj 95-letiyu L. B. Filonova* [Interpersonal contact: theory, methodology and implementation practice: a collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of L. B. Filonov]. St. Petersburg, Nic Art Publ., 2020, pp. 70–76.
7. Chebotareva E. Yu., Konina M. A., Rudenko A. S. [Ethnic identity of Russian women in interethnic marriages and its relationship with attachment to a spouse and separation from parents]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2020, no. 17 (1), pp. 101–127.
8. Endryushko A. A. [Theoretical approaches to studying the adaptation of migrants in the host society: foreign experience]. In: *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2017, no. 4, pp. 45–70.
9. Berry J. W. Theories and models of acculturation. In: Schwartz S. J., Unger J. eds. *The Oxford Handbook of Acculturation and Health*. Oxford, Oxford Academics, 2017, pp. 15–28.
10. Demirtaş A. S. Secure Attachment and Mental Well-Being: Gratitude, Hope and Ego-Resiliency as Mediators. In: *Turkish Psychological Counseling and Guidance Journal*, 2019, vol. 54, no. 9, pp. 937–964.

11. Honkaniemi H., Juárez S. P. Psychological distress by age at migration and duration of residence in Sweden. In: *Social Science & Medicine*, 2020, vol. 250. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112869> (accessed: 27.09.2022).
12. John O., Liubinienė V. "This is not my world". Essential support strategies for newly arrived adult immigrants learning Swedish. In: *Sustainable Multilingualism*, 2021, vol. 1, no. 18, pp. 85–110.
13. Kawamoto T. The moderating role of attachment style on the relationship between self-concept clarity and self-esteem. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, no. 152, pp. 2–5.
14. Kim Y. Y. Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation. In: *Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation*, 2017, no. 12. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com> (accessed: 27.09.2022).
15. Klyuev A. V., Palamarchuk K. O. Sociocultural Adaptation of Labor Migrants: Factors and Prospects. In: *Factors and Prospects. Administrative Consulting*, 2020, no. 7, pp. 37–45.
16. Ledeneva V. Communicative Practices of Migrants in the Transnational Space. In: *KnE Social Sciences*, 2021, no. 1, pp. 139–145.
17. McKowen K., Borneman J. *Digesting Difference: Migrants, Refugees, and Incorporation in Europe*. New York, Palgrave Macmillan, 2020. 276 p.
18. Mirici I. H. The needs of adult immigrants in Europe for social inclusion through language education. In: *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 552–564.
19. Murniati T. Migrant Crossing Borders: Bridging Cultural Difference and Securing a Third Space in the Host Country. In: *Jurnal Ilmiah Lingua Idea*, 2020, vol. 1, no. 11, pp. 70–79.
20. Novara C., Serio C., Lavanco G. Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. In: *Family process*, 2020, vol. 59, no. 2, pp. 709–724.
21. Phang A., Fan W., Arbona C. Secure Attachment and Career Indecision: The Mediating Role of Emotional Intelligence. In: *Journal of Career Development*, 2020, vol. 6, no. 47, pp. 657–670.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грунт Е. В. Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в уральском мегаполисе // *Logos et Praxis*. 2019. № 3 (18). С. 112–123.
2. Дианова Е. С. Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований // *Современная зарубежная психология*. 2019. № 4 (8). С. 88–96.
3. Завьялов А. В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // *Урбанистика*. 2018. № 3. С. 2–11.
4. Куфтяк Е. В. Взаимосвязь привязанности и совладающего поведения у взрослых // *Консультативная психология и психотерапия*. 2021. № 1 (29). С. 28–43.
5. Михайлова Н. В. Субъективное переживание одиночества и эмоции, испытываемые представителями этнического меньшинства в инкультурной среде // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. № 1 (11). С. 51–57.
6. Руонала Л. А. Роль межличностных контактов у мигрантов в период адаптации // *Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения: сборник научных статей, посвящённый 95-летию Л. Б. Филонова / под ред. И. В. Егорова*. СПб.: Ниц Арт, 2020. С. 70–76.
7. Чеботарева Е. Ю., Кониная М. А., Руденко А. С. Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и её связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. № 17 (1). С. 101–127.

8. Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. № 4. С. 45–70.
9. Berry J. W. Theories and models of acculturation // The Oxford Handbook of Acculturation and Health / ed. S. J. Schwartz, J. Unger. Oxford, Oxford Academics, 2017. P. 15–28.
10. Demirtaş A. S. Secure Attachment and Mental Well-Being: Gratitude, Hope and Ego-Resiliency as Mediators // Turkish Psychological Counseling and Guidance Journal. 2019. Vol. 54. № 9. P. 937–964.
11. Honkaniemi H., Juárez S. P. Psychological distress by age at migration and duration of residence in Sweden [Электронный ресурс] // Social Science & Medicine. 2020. Vol. 250. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112869> (дата обращения: 27.09.2022).
12. John O., Liubinienė V. “This is not my world”. Essential support strategies for newly arrived adult immigrants learning Swedish // Sustainable Multilingualism. 2021. Vol. 1. № 18. P. 85–110.
13. Kawamoto T. The moderating role of attachment style on the relationship between self-concept clarity and self-esteem // Personality and Individual Differences. 2020. № 152. P. 2–5.
14. Kim Y. Y. Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation [Электронный ресурс] // Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation. 2017. № 12. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com> (дата обращения: 27.09.2022).
15. Klyuev A. V., Palamarchuk K. O. Sociocultural Adaptation of Labor Migrants: Factors and Prospects // Factors and Prospects. Administrative Consulting. 2020. № 7. P. 37–45.
16. Ledeneva V. Communicative Practices of Migrants in the Transnational Space // KnE Social Sciences. 2021. № 1. P. 139–145.
17. McKowen K., Borneman J. Digesting Difference: Migrants, Refugees, and Incorporation in Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2020. 276 p.
18. Mirici I. H. The needs of adult immigrants in Europe for social inclusion through language education // Journal of Language and Linguistic Studies. 2020. Vol. 16. № 2. P. 552–564.
19. Murniati T. Migrant Crossing Borders: Bridging Cultural Difference and Securing a Third Space in the Host Country // Jurnal Ilmiah Lingua Idea. 2020. Vol. 1. № 11. P. 70–79.
20. Novara C., Serio C., Lavanco G. Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners // Family process. 2020. Vol. 59. № 2. P. 709–724.
21. Phang A., Fan W., Arbona C. Secure Attachment and Career Indecision: The Mediating Role of Emotional Intelligence // Journal of Career Development. 2020. Vol. 6. № 47. P. 657–670.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana I. Mironova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University;
e-mail: mironova_oksana@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-5877>

Lydia A. Ruonala – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: lydia.ruonala@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e-mail: mironova_oksana@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4822-5877>

Руонала Лидия Александровна – аспирантка 3 курса кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: lydia.ruonala@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>

FOR CITATION

Mironova O. I., Ruonala L. A. Type of attachment as a factor of socio-psychological adaptation of women married to foreigners. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-101-112

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Миронова О. И., Руонала Л. А. Тип привязанности как фактор социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 101–112.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-101-112

УДК 159.9.072.592

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-113-131

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕТОДИКИ

Степанова Н. А.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать психометрические показатели опросника «Свобода человека» и оценить его соответствие теоретической модели.

Процедура и методы. Проведён теоретический анализ проблемы изучения свободы в структуре сознания человека. Представлена и обоснована теоретическая модель свободы как компонента сознания человека, включающая критерии свободы в бытийном, рефлексивном, ценностном и духовном слоях сознания. На основе теоретической модели свободы разработана авторская методика «Свобода человека». В оценке психометрических свойств опросника принимали участие 43 подростка в возрасте 15–17 лет ($M=15,91$; $SD=0,90$).

Результаты. Шкалы опросника демонстрируют достаточно высокую надёжность по коэффициенту альфа Кронбаха для исследовательских целей, высокую конструктивную валидность по коэффициентам корреляции Пирсона. Методика позволяет увидеть особенности проявления позитивной свободы «для» в бытийном, рефлексивном, ценностном и духовном слоях сознания подростков и выраженность негативной свободы «от», целостную работу сознания для полноценной реализации свободы при ведущей роли духовного слоя сознания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлена теоретическая модель свободы как компонента сознания человека, описаны психометрические показатели опросника «Свобода человека» на подростковой выборке, позволяющие определить особенности свободы в разных слоях сознания подростков. Практики могут построить прогноз дальнейшего направления самоосвобождения сознания подростков путём сравнения реального и желаемого результата развития свободы.

Ключевые слова: духовность, интеграция, свобода, сознание, ценности

METHODS OF STUDYING HUMAN FREEDOM: THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE INTEGRATIVE APPROACH AND PSYCHOMETRIC INDICATORS OF THE METHODOLOGY

N. Stepanova

An independent researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the psychometric indicators of the questionnaire «Human Freedom» and evaluate its compliance with the theoretical model.

© СС BY Степанова Н. А., 2022.

Methodology. A theoretical analysis of the problem of studying freedom in the structure of human consciousness is carried out. A theoretical model of freedom as a component of human consciousness is presented and substantiated, including the criteria of freedom in the existential, reflexive, value and spiritual layers of consciousness. Based on the theoretical model of freedom, the author's methodology "Human Freedom" has been developed. 43 adolescents aged 15-17 years ($M=15.91$; $SD=0.90$) participated in the assessment of the psychometric properties of the questionnaire.

Results. The scales of the questionnaire demonstrate sufficiently high reliability according to the Cronbach's alpha coefficient for research purposes, high design validity according to Pearson correlation coefficients. The method allows us to see the features of the manifestation of positive freedom "for" in the existential, reflexive, value and spiritual layers of adolescents' consciousness and the severity of negative freedom "from", the holistic work of consciousness for the full realization of freedom with the leading role of the spiritual layer of consciousness.

Research implications. A theoretical model of freedom as a component of human consciousness is presented, the psychometric indicators of the questionnaire "Human Freedom" on a teenage sample are described, which allows to determine the features of freedom in different layers of adolescent consciousness. Practitioners can make a forecast of the further direction of self-liberation of adolescent consciousness by comparing the real and desired result of freedom development.

Keywords: spirituality, integration, freedom, consciousness, values

Введение

На современном постнеклассическом этапе развития психологического знания, когда сознание рассматривается как интегративное качество, релевантное целостному человеку, требуются дополнительные исследования свободы как компонента сознания человека, соответствующие интегральному подходу, изучение психологии свободы в духовном контексте.

На сегодняшний день имеются различные подходы и концепции рассмотрения сознания как в отечественной психологии [4; 5; 6; 8; 10; 11; 13], так и в зарубежной [27; 31].

Многообразие подходов к рассмотрению сознания определило различие в точках зрения на место свободы в структуре сознания. Свобода рассматривается как одна из сущностных характеристик сознания [1], как фактор, определяющий полиментальность сознания [22], субъективность семантических систем сознания [21], парадоксы

сознания [2] и расширенные состояния сознания [11]. При этом значимая роль свободы для понимания сути развития сознания большинству авторов очевидна. В одной из своих последних публикаций В. П. Зинченко пишет, что любая предлагаемая структура сознания должна отражать и порождать такое его свойство, как свободу [9]. Недостаток исследований свободы человека не позволяет в полной мере раскрыть суть и содержание свободы как компонента сознания, что требует дальнейших исследований свободы человека.

На сегодняшний день крайне ограничен инструментарий для изучения свободы в психологии. В начале 2000 г. повысился интерес к проблеме свободы/детерминизма, в связи с чем появились разработки отечественных и зарубежных авторов, предлагающие разнообразный диагностический инструментарий.

К наиболее популярным можно отнести методику FAD-Plus Д. Полуса и

Д. Кэри [30]. Методика была адаптирована в нашей стране Д. А. Леонтьевым [16] и используется как «Шкала свободы». При этом методика полностью соответствует подходу Д. А. Леонтьева, отождествляющего свободу и самодетерминацию. В нашем исследовании свобода понимается как духовно опосредованный феномен, связанный с приобщением к высшим объективным всечеловеческим ценностям и смыслам. Актуальность такого подхода подчёркивается отечественными и зарубежными авторами [3; 32]. При этом на сегодняшний день нет методик, соответствующих интегративному и духовно ориентированному пониманию свободы, что требует разработки нового диагностического инструментария.

Целью настоящей работы было описание психометрических показателей опросника «Свобода человека» и оценка его соответствия теоретической модели, для чего были поставлены следующие задачи:

1) обосновать интегративную модель свободы как компонента сознания человека на основе духовности;

2) оценить внутреннюю согласованность шкал и конструктивную валидность тестовой части методики «Свобода человека» путём анализа корреляций шкал опросника с близкими по смыслу шкалами других опросников;

3) описать результаты проведения методики на подростковой выборке;

4) проанализировать соответствие полученных результатов теоретической модели;

5) определить пути и направления дальнейшего исследования свободы человека, необходимость разработки дополнительных методик.

Обоснование интегративной модели свободы на основе духовности

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию В. П. Зинченко, который выделил 4 слоя сознания, играющих значимую роль в образовании и проявлении свободы.

1. В бытийном слое сознания, по мнению В. П. Зинченко, «строятся не только образы мира и образы действий (поведения) в этом мире, но и преодолевается избыточность того и другого, а в пределе – создаётся способность свободного (полнезависимого) действия-поступка в мире» [8, с. 208]. Бытийный слой отличает неосознаваемая (фоновая) рефлексия, создающая основу для более зрелой осознанной рефлексии и, соответственно, более зрелой и осознанной свободы.

2. Рефлексивный слой, в отличие от бытийного, содержит в себе цель, средство и результат. Содержание рефлексивного слоя даёт энергию процессу рефлексии, преодолению бесконечного числа степеней свободы, проявляющихся в возможностях [6; 8].

3. В ценностном слое сознания, по словам В. П. Зинченко, через придание со-значения, через оценку сквозь призму собственной индивидуальности идёт приобретение явлением личностной ценности [7; 9; 23]. В ценностном слое личностные ценности соединяются с объективными смыслами культурных явлений [7; 9]. В данном случае можно говорить о ценностной регуляции проявлений свободы, её балансе между личностными ценностями и объективными смыслами.

4. В духовном слое складываются базовые чувства доверия/недоверия к миру, высшие человеческие чувства

любви к ближнему. Именно в этом слое сознания образуется представление о Я, которое затем разделяется на «Я – второе Я». Это пространство Я-Ты отношений и реализации высших человеческих добродетелей¹.

Несмотря на то что все компоненты предложенной В. П. Зинченко структуры сознания «взаимодействуют друг с другом по горизонтали, по вертикалям и по диагоналям» [9, с. 92], одновременно и параллельно [7; 9], «... всё же духовный слой сознания в целой структуре сознания играет доминирующую роль, он одушевляет, воодушевляет или обездушевляет другие слои» [7, с. 461].

Освещая вопрос локализации свободы в сознании, многие отечественные авторы отдают приоритет рефлексивному слою [10; 12; 13; 21], осознанности [15]. Г. В. Акопов отмечает, что «рефлексивный слой по своей сути настолько свободен в проявлениях, что может рассматриваться как эквивалент свободы» [1, с. 67]. Е. И. Кузьмина – наиболее значительный современный исследователь свободы – рассматривая её в рамках рефлексивно-деятельностного подхода, говорит о ведущем значении рефлексии и осознанности в содержании и проявлении свободы и понимает свободу как «продукт и результат осознания и деятельности» [12, с. 26], как «состояние человека, возникающее в результате самоопределения – построения такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей или изменения этих границ, при котором

преодолеваются противоречия в самореализации» [12, с. 26].

Таким образом, в большинстве современных исследований свобода попросту приравнивается к развитой рефлексии, осознанности, способности к самореализации или самодетерминации. Духовная и ценностная опосредованность упоминается вскользь, что крайне ограничивает понимание и роль свободы в развитии сознания человека. Несмотря на значительный вклад работ Е. И. Кузьминой в понимание свободы и её когнитивной, эмоциональной и деятельностной составляющих, современный этап развития психологического знания требует иного масштаба исследования феномена свободы – масштаба целостного духовного человека.

Мы придерживаемся мнения В. П. Зинченко о том, что свобода, как и совесть, «взращается» духовным слоем сознания, присутствуя и проявляясь во всех слоях сознания: «возникающий в младенческом возрасте, духовный слой, развиваясь, становится колыбелью свободы, морального поведения, совести»².

Г. В. Ожиганова разделяет позицию В. П. Зинченко о ведущей роли духовного слоя в развитии сознания, приводит в своих работах детальный теоретический анализ проблемы духовного интеллекта и духовных способностей: моральных, рефлексивных, саморегулятивных, творческих, трансцендентных способностей и способностей к саморазвитию [17; 18; 19].

¹ Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 608–609

² Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 609

Духовность автор определяет как «стремление личности к реализации своих высших возможностей (самореализации) и способностей, ведущих к: а) претворению в жизнь личных духовных идеалов исходя из высоких моральных принципов; б) достижению гармонии с собой, миром, «надмиром» (высшей реальностью) на основе осознания вечных, абсолютных ценностей; проявлению духовного «Я» в профессиональной и другой деятельности, а также в любом социальном взаимодействии; в) осознанию своей духовной природы и духовного измерения действительности...» [19, с. 78–79].

Опираясь на позицию В. П. Зинченко и Г. В. Ожигановой о ведущей роли духовности в развитии сознания человека и исследования Т. И. Шульги о становлении волевой регуляции [26], мы рассматриваем свободу в нашем исследовании как компонент сознания

человека, продукт и результат развития духовного, ценностного, рефлексивного и бытийного слоёв сознания, состоящий в осознанном преодолении внешних и внутренних препятствий в ходе жизнеосуществления с целью самореализации и духовного самосовершенствования [24].

Целостная работа всех четырёх слоёв сознания образует позитивную свободу «для». Стремление освободиться от любых ограничений, норм и запретов на всех уровнях от бытийного до духовного составляет негативную свободу «от».

Сознание, в свою очередь, понимается, как целостная система, встроенная в метасистему – психику, - представляющая единый континуум с миром, позволяющая понимать, осмысливать и переживать происходящее.

В табл. 1 показано, что критерии свободы как компонента сознания представлены в бытийном, рефлекс-

Таблица 1 / Table 1

Свобода как компонент сознания человека / Freedom as a component of human consciousness

Слои сознания	Критерии сознания	Критерии свободы
Духовный	– Я-ТЫ отношения (представленность во мне других, представленность во мне меня); – осознание любви, совести, морали	– духовная свобода, творчество, созидание; – отношение к Человеку и к Миру
Ценностный	– самореализация и самосовершенствование; – со-значение – личное понимание и отношение к сообщаемому, мыслимому, называемому, к культурным благам	– личные цели, ценности и смыслы
Рефлексивный	– смысл высказывания, поведения, деятельности, поступка; – осознанная рефлексия; – оценка своих возможностей, стремлений и актуальной ситуации; – ощущение полноты контроля, осознанный характер поведения, отчёт в своих действиях	– выбор значений и смыслов; – свобода управления собой

Окончание табл. 1

Бытийный	<ul style="list-style-type: none"> – цифровизация сознания; – неосознанная фоновая рефлексия; – овладение культурными знаками, действиями, явлениями; – произвольные движения и действия; – образы, движения, действия в привычной повседневной жизни 	<ul style="list-style-type: none"> – свободный поступок-действие; – выбор возможностей в пространстве культуры, пространстве общественных норм и правил; – выбор вариантов движений, действий, образов
----------	--	---

Источник: составлено автором.

сивном, ценностном и духовном слоях. Бытийный слой создаёт основу для свободного (полнезависимого) действия-поступка человека в мире, рефлексивный слой добавляет осознанный контроль и самоуправление, ценностный наделяет личностным смыслом происходящее, а духовный – интегрирует свободу в высших её проявлениях: любви, совести, созидании. Результатом реализации свободы, помимо самореализации и самоактуализации, будет духовное самосовершенствование и личностный рост.

На основе представленной теоретической модели свободы как компонента сознания человека была разработана авторская методика «Свобода человека».

Процедура и методика исследования

Исследование проведено на подростковой выборке, поскольку именно в этом возрасте значимость свободы как ценности существенно возрастает. Как показывают результаты современных исследований, повышенная склонность к рискованному поведению, недостаточная осмысленность жизненных перспектив и последствий своих поступков часто приводит к неоправданным экспериментам со сво-

бодой [25; 34]. Молодые люди начинают активно осваивать как негативную свободу «от», так и позитивную свободу «для», формируя в сознании осмысленное представление о свободе. Поэтому изучение свободы у подростков представляет особую значимость.

Выборка. Выборка состояла из 43 подростков: 18 юношей, 25 девушек, возрастной диапазон – от 15 до 17 лет ($M=15,91$; $SD=0,90$). Репрезентативность выборки была обеспечена представленностью в ней испытуемых разного пола и обучающихся в разных школах г. Москвы.

Материалы. Опросник состоит из двух частей: тестового задания и самооценки реальной и идеальной свободы по специальным шкалам. Тестовое задание состоит из 8 утверждений, к каждому из которых необходимо расположить в порядке убывания значимости 5 вариантов ответов, присвоив соответствующий балл, где 5 баллов – наиболее подходящий вариант ответа, 1 – наименее подходящий вариант ответа. Каждый вариант ответа соответствует одному из 5 вариантов проявления свободы: духовная свобода, ценностная свобода, рефлексивная свобода, бытийная свобода (составляющие позитивную свободу «для» в соответствии с содержательными осо-

бенностями четырёх слоёв сознания) и негативная свобода «от». Негативная свобода вступает в данной методике антиподом здорового проявления свободы в сознании и понимается, как стремление освободиться от любых норм, рамок, ограничений и запретов, чтобы жить для собственного удовольствия и радости. По каждому варианту проявления свободы рассчитывается суммарный балл. Чем выше суммарный балл, тем большую значимость имеет для испытуемого выбранный вариант свободы.

Вторая часть опросника представляет собой 10 шкал. Необходимо оценить по 5-тибалльной шкале реальный уровень свободы и идеальный (желаемый) по каждому из 5 вариантов проявления свободы, отметив на шкале крестиком выбранный балл. В инструкции даётся подробное пояснение о каждом из возможных вариантов свободы и их содержании. В данной статье представлен анализ результатов только тестовой части опросника.

Статистическая обработка. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Amos 19.

Результаты

Для проверки надёжности опросника «Свобода человека» изучалась внутренняя согласованность пунктов с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Большинство шкал демонстрируют достаточно высокую надёжность по коэффициенту альфа Кронбаха для исследовательских целей: духовная свобода ($\alpha = 0.704$), ценностная свобода ($\alpha = 0.693$), рефлексивная свобода ($\alpha = 0.789$), бытийная свобода ($\alpha = 0.675$), негативная свобода ($0,734$).

Для проверки ретестовой надёжности опросника он был предложен 32 респондентам (14 юношей, 18 девушек; средний возраст – 16 лет) дважды с интервалом измерения в один месяц. Показатель $r_s=0,711$ при уровне значимости $p<0,01$ свидетельствует об удовлетворительной ретестовой надёжности.

Валидность опросника для подростков оценивалась по результатам работы фокус-группы. В фокус-группе приняли участие 23 подростка в возрасте от 15 до 17 лет ($M=16,1$; $SD=1,2$). Экспертам предлагалось самостоятельно отметить по 5-балльной шкале, насколько понятен каждый пункт тестовой части методики. Средние значения по степени понятности по всем пунктам $M = 4.3$ ($SD = 0.4$). Таким образом, пункты тестовой части методики могут быть понятны подросткам.

При конструктивной валидации тестовой части опросника «Свобода человека» использовался корреляционный анализ данных.

Для изучения особенностей духовной свободы использовались следующие методики:

1. Шкала совестливости (из методики «Психодиагностический тест» В. М. Мельникова, Л. Т. Ямпольского)¹.
2. Методика «Духовная личность» Г. В. Ожигановой [18].

Для изучения особенностей ценностной свободы использовались следующие методики:

1. Методика «ЦО-36» В. Н. Куницыной².

¹ Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности: учебное пособие. М.: Просвещение, 1985. 319 с.

² Куницына В. Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН) // Семья в современном мире. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 42–54.

2. Методика исследования системы жизненных смыслов В. Ю. Котлякова¹.

Для изучения особенностей рефлексивной свободы использовались следующие методики:

1. Опросник рефлексивности А. В. Карпова².

2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой³.

3. Анкета на изучение волевых качеств Т. И. Шульги⁴.

4. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой)⁵.

Для изучения особенностей бытийной свободы использовались следующие методики:

1. Методика исследования социальной идентичности Л. Б. Шнейдер⁶.

2. Методика исследования уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда⁷.

3. Методика изучения социализированности личности учащегося М. И. Рожкова⁸.

4. Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой)⁹.

Удовлетворённость человека той свободой, которую он имеет, особенности её переживания и проживания отражает интегративный показатель «Субъективное благополучие». Мы опираемся на современные исследования отечественных и зарубежных авторов, демонстрирующие представленность субъективного благополучия во всех слоях сознания, триединство его эмоционального, когнитивного и социального аспектов [14; 20; 28; 29; 33]. В качестве методик изучения субъективного благополучия как показателя переживания свободы выбраны:

1. Опросник «Спектр психологического здоровья — Краткая форма» (МНС-SF) К. Киза¹⁰.

¹ Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1 (54). С. 148–153.

² Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.

³ Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015. 304 с.

⁴ Быков А. В., Шульга Т. И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: учебное пособие. М.: Изд-во УРАО, 1999. 168 с.

⁵ Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2003. С. 311–321.

⁶ Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с.

⁷ Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.

⁸ Воспитательный процесс: изучение эффективности. Методические рекомендации / под ред. Е. Н. Степанова. М.: Сфера, 2001. 128 с.

⁹ Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.

¹⁰ Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.

2. Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера¹.

3. Шкала субъективного счастья С. Любомирски².

Все шкалы методик имеют нормальное распределение, поэтому для корреляционного анализа был использован коэффициент Пирсона.

Наличие значимых корреляций между параметрами свободы в духов-

ном слое сознания и шкалой духовной свободы методики говорит о высокой конструктивной валидности шкалы. При этом интерес представляют многочисленные значимые обратные корреляции параметров духовности и шкал рефлексивной, бытийной и негативной свободы «от», свидетельствующие в пользу теоретической модели (см. табл. 2).

Как видно из табл. 3, значимые корреляционные связи не многочисленны, но интересно их содержание: преобладание индивидуальных ценностей на уровне рефлексивной, бытийной и негативной свободы «от» и трансцендентных – на уровне духовной и ценностной свободы полностью соответствует теоретической модели. Небольшое число значимых корреляционных связей смыслов и проявлений

¹ Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 67-69.

² Елшанский С. П., Ануфриев А. Ф., Камалетдинова З. Ф., Сапарин О. Е., Семёнов Д. В. Некоторые психометрические показатели русскоязычного варианта Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 7. С. 136-139.

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь между шкалами методики изучения свободы человека и параметрами свободы в духовном слое сознания / The relationship between the scales of the methodology for studying human freedom and the parameters of freedom in the spiritual layer of consciousness

Параметры свободы в духовном слое сознания	Духовная свобода	Ценностная свобода	Рефлексивная свобода	Бытийная свобода	Свобода «от»
нравственность и мудрость	0,334*	0,340*			
самоконтроль	0,451**	0,389*			-0,460**
надёжность и ответственность	0,346*	0,338*			
духовность отношений	0,363*	0,374*	-0,345*		
правдивость и удовлетворённость			0,358*		-0,424**
общий показатель духовности	0,577***	0,423**		-0,335*	-0,580***
общий показатель совестливости	0,355*	0,331*	-0,359*	-0,364*	-0,344*

Примечания. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Источник: составлено автором.

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь между шкалами методики изучения свободы человека и параметрами свободы в ценностном слое сознания / The relationship between the scales of the methodology for studying human freedom and the parameters of freedom in the value layer of consciousness

Параметры свободы в ценностном слое сознания	Духовная свобода	Ценностная свобода	Рефлексивная свобода	Бытийная свобода	Свобода «от»
индивидуальные ценности			0,380*	0,368*	0,330*
трансцендентные ценности	0,580***	0,460**			-0,787***
альтруистический смысл			-0,627***	-0,426**	
экзистенциальный смысл	0,343*	0,361*			
семейный смысл	0,340*				
смысл самореализации			0,430**		
когнитивный смысл					
коммуникативный смысл			0,330*		
статусный смысл					
гедонистический смысл				0,338*	0,333*

Примечания: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

Источник: составлено автором.

свободы, с одной стороны, говорит о недостаточной зрелости ценностно-смысловой сферы подростков в целом и сложностях выбора значимых смыслов в жизни, с другой стороны, имеющиеся значимые связи четко разграничены: каждая взаимосвязь полностью отражает содержание свободы в том или ином слое сознания в соответствии с теоретической моделью.

В табл. 4 показано, что наибольшее число значимых корреляций параметров свободы в рефлексивном слое сознания (волевых качеств и саморегуляции) наблюдается со шкалой рефлексивной свободы, что подтверждает теоретическую модель и конструктивную валидность опросника. При этом, рефлексивность, конструктивное поведение в стрессе и выдержка имеют значимые связи с ценностной и духовной свободой, дисциплинированность и организованность – с бытийной, самостоятельность и смелость – с

негативной свободой «от», что соответствует теоретической модели и свидетельствует о детерминации ценностями высшего порядка в сложных жизненных ситуациях при развитой духовной и ценностной свободах, готовности следовать общественным нормам и правилам при развитой бытийной свободе, выраженной смелости и самостоятельности при преобладании негативной свободы «от». Рефлексивную свободу отличают развитая саморегуляция, самостоятельность, настойчивость в достижении жизненных целей.

Из табл. 5 видно, что высокая социализированность при положительном отношении к себе связана с бытийной свободой, что соответствует описанию бытийной свободы в теоретической модели. При этом доброжелательное отношение к миру и интернальность связаны с духовной и ценностной свободой. Рефлексивная и негативная

Таблица 4 / Table 4

Взаимосвязь между шкалами методики изучения свободы человека и параметрами свободы на рефлексивном уровне сознания / The relationship between the scales of the methodology for studying human freedom and the parameters of freedom at the reflexive level of consciousness

Параметры свободы в рефлексивном слое сознания	Духовная свобода	Ценностная свобода	Рефлексивная свобода	Бытийная свобода	Свобода «от»
саморегуляция			0,536***		
рефлексивность	0,588***	0,430**			-0,480**
конструктивное поведение в стрессе	0,466**	0,512**			-0,534***
дисциплинированность				0,434**	
настойчивость			0,336*		
выдержка	0,335*	0,406*			
решительность	-0,338*				
смелость					0,354*
самостоятельность			0,480**		0,411*
организованность				0,444**	
деловитость					
инициативность	-0,333*				
целеустремлённость			0,370*		
прилежание					

Примечания: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

Источник: составлено автором.

Таблица 5 / Table 5

Взаимосвязь между шкалами методики изучения свободы человека и параметрами свободы в бытийном слое сознания / The relationship between the scales of the methodology for studying human freedom and the parameters of freedom in the existential layer of consciousness

Параметры свободы в бытийном слое сознания	Духовная свобода	Ценностная свобода	Рефлексивная свобода	Бытийная свобода	Свобода «от»
экстернальность	-0,367*	-0,355*			
интернальность	0,687***	0,699***	-0,532***		-0,582***
социальность	0,336*	0,380*		0,777***	-0,452**
доброжелательность мира	0,370*	0,364*	-0,355*		-0,338*
справедливость	0,468**	0,434**	-0,419*	0,381*	-0,340*
образ я				0,338*	0,388*
удача					0,411*
убеждение о контроле					
социальная адаптация				0,480**	
автономность			0,432**		0,466**
социальная активность					

Примечания: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Источник: составлено автором.

свобода «от» имеют наибольшее число отрицательных связей с составляющими бытийного слоя сознания, что также свидетельствует в пользу теоретической модели и демонстрирует противопоставление себя обществу, готовность для достижения собственных целей пойти наперекор традициям, нормам, правилам, устоям в случае игнорирования бытийной свободы.

Как видно из табл. 6, оптимальное субъективное благополучие и истинное переживание счастья обеспечивает только ценностная и духовная свобода (наибольшее число значимых корреляционных связей у показателей субъективного благополучия и шкал духовной и ценностной свободы), чуть меньше значимых положительных связей присутствует у бытийной свободы и отрицательные связи у рефлексивной и негативной свободы «от».

Заключение

Методика «Свобода человека» обнаруживает положительные психометрические характеристики, что проявляется в высокой надёжности и согласованности шкал (альфа Кронбаха), удовлетворительной ретестовой надёжности, полном соответствии полученных результатов теоретической модели (корреляция Пирсона) и высокой конструктивной валидности методики (корреляция Пирсона). Недостатком может служить ограниченная выборка. Большой объём методик, связанный с большим числом изучаемых параметров, не позволил использовать более многочисленную выборку, что будет учтено при дальнейшей исследовательской работе.

Полученные результаты позволяют увидеть значимые взаимосвязи в развитии сознания подростков и их представлений о свободе человека. Так, стремление к негативной свободе «от» противопоставляется духовным и все-

Таблица 6 / Table 6

Взаимосвязь между шкалами методики изучения свободы человека и интегральным компонентом свободы – субъективное благополучие / The relationship between the scales of the methodology for studying human freedom and the integral component of freedom – subjective well-being

Параметры субъективного благополучия	Духовная свобода	Ценностная свобода	Рефлексивная свобода	Бытийная свобода	Свобода «от»
эмоциональное благополучие	0,360*	0,377*			
социальное благополучие	0,348*	0,375*		0,355*	
психологическое благополучие	0,435**	0,444**			
удовлетворённость жизнью	0,336*			0,341*	-0,358*
субъективное состояние счастья	0,336*	0,347*	-0,349*	0,422**	-0,333*

Примечания. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Источник: составлено автором.

человеческим ценностям, культурным нормам и правилам, свидетельствуя о значимости только собственных убеждений, которые связаны с отсутствием любых ограничений и запретов. Как показали результаты, представление о свободе как о полном отсутствии любых ограничений и запретов не делает подростков счастливыми и может крайне негативно повлиять на развитие личности. Стараясь освободиться от контроля и влияния взрослых, движимые ложными убеждениями о значимости гедонистического образа жизни и любви к себе, подростки попадают в ловушку внешнего влияния общества потребления и кulta самореализации, становясь ещё более несвободными и замыкаясь на примитивных ценностях и смыслах. Духовная пустота переживается как общая неудовлетворённость, мотивируя ещё больше потреблять и добиваться признания любой ценой. Это только усиливает порочный круг патологической несвободы, всё сильнее ограничивает сознание и личность в её развитии.

Свобода как самореализация в рамках культурных, общественных норм и правил (свобода в бытийном слое или бытийная свобода), даёт ощущение безопасности и принадлежности, столь значимое для подростков, но при крайней степени выраженности может проявляться в излишнем конформизме, блокирующем духовные и ценностные основания сознания, способность поступать по совести. Свобода как самоуправление (свобода в рефлексивном слое сознания или рефлексивная свобода) позволяет быть эффективным в любом виде деятельности, успешно ставить цели и добиваться

их достижения. При крайней же степени выраженности она превращает человека в эффективную бездушную машину, работающую на результат. И только свобода выбора всечеловеческих и духовных ценностей позволяет оставаться Человеком, следуя совести и ценностям высшего порядка, что исключает внутрилличностные конфликты, и поэтому позволяет подросткам чувствовать себя счастливыми и живущими полноценной жизнью. Но, как показывают результаты исследования, без рефлексивной и бытийной свободы духовная и ценностная свобода не позволяют в полной мере человеку реализовать весь свой потенциал самоосвобождения и достичь душевного благополучия. Без бытийной и рефлексивной основы свобода становится оторванной от реальности: именно эти слои сознания обеспечивают социализацию, эффективное самоуправление и самодетерминацию. Негативная свобода «от» препятствует полноценному освоению позитивной свободы «для» (преобладание обратных корреляций негативной свободы практически со всеми показателями позитивной свободы в разных слоях сознания). Это подтверждает тезис о целостности позитивной свободы, её представленности в разных слоях сознания и значимой роли каждого слоя в полноценном развитии истинной свободы сознания человека. Базовая управляющая функция при этом, безусловно, должна принадлежать духовной свободе. Полученные результаты подтверждают обоснованность использования модели интеграции сознания на основе духовности, составляющей суть позитивной свободы «для», модели свободы как компонента сознания человека.

Методика изучения свободы человека позволяет увидеть особенности проявления свободы в разных слоях сознания подростков, но не даёт полной картины развития структурных компонентов свободы, её видов, что требует дальнейших дополнительных исследований и разработки дополнительного инструментария. Интерес представляет дальнейшее изучение возрастных особенностей развития свободы в сознании человека, условий и факторов, влияющих на её развитие и формирование.

Выводы

1. Интегративная модель свободы как компонента сознания человека на основе духовности позволяет увидеть целостную работу всех слоёв сознания человека при реализации движения самоосвобождения.

2. Разработка методики изучения свободы человека обусловлена отсутствием методик, соответствующих интегративному и духовно ориентированному пониманию свободы, путаницей в терминологии при определении понятия свободы.

3. Методика «Свобода человека» показала положительные психометрические характеристики на подростковой выборке: высокую надёжность и

согласованность шкал, удовлетворительную ретестовую надёжность, соответствие полученных результатов теоретической модели и высокую конструктивную валидность.

4. Методика изучения свободы человека позволяет увидеть особенности проявления свободы в разных слоях сознания подростков, иерархию значимости разных составляющих свободы для подростков.

5. Полученные результаты доказывают тезис о целостности свободы, её представленности в разных слоях сознания и значимой роли каждого слоя в полноценном развитии свободы у подростков, особую роль ценностной и духовной свободы, определяющих истинную внутреннюю позитивную свободу «для», столь важную для развития сознания взрослого человека.

6. Необходимы дальнейшие исследования свободы человека на большей выборке разного возраста, разработка дополнительного инструментария для изучения структурных компонентов свободы, её видов, возрастных особенностей развития свободы в сознании человека, условий и факторов, влияющих на её развитие и формирование.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов Г. В. Категория сознания в современной психологии: избранные работы, опубликованные в 2003–2018 гг. Самара: Порто-принт, 2019. 278 с.
2. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000. 528 с.
3. Братусь Б. С. Психология и духовность – две вещи несовместимые? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 3. С. 470–478. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-470-478
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Педология подростка. М.: Педагогика, 1984. 242 с.
5. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.

6. Зинченко В. П. От потока к структуре сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 3–36. DOI: 10.17323/1813-8918-2009-2-3-36.
7. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 588 с.
8. Зинченко В. П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 207–231.
9. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
10. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. М.: Издательский дом Российской академии образования, 2011. 1020 с.
11. Козлов В. В. Психология сознания: интегративный подход. М.: Психотерапия, 2022. 274 с.
12. Кузьмина Е. И. Свобода творчества и детерминизм // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 1. С. 21–34. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-1-21-34.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
14. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142.
15. Митина О. В., Леонтьев Д. А., Александрова Л. А. Осознанность в структуре саморегуляции: структура и психодиагностические возможности методики оценки осознанного присутствия // Психологические исследования: [сайт]. 2021. Т. 14. № 76. URL: <https://psystudy.ru> (дата обращения: 22.09.2022).
16. Моспан А. Н., Леонтьев Д. А. Апробация и валидизация методики веры в свободу/детерминизм (FAD-PLUS) на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 109–128. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-109-128.
17. Ожиганова Г. В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 160–176. DOI: 10.17759/exrpsy.2019120413.
18. Ожиганова Г. В. Духовная личность. М.: Институт психологии РАН, 2020. 288 с.
19. Ожиганова Г. В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Институт психологии РАН, 2016. 281 с.
20. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
21. Петренко В. Ф., Супрун А. П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 377 с.
22. Семёнов В. Е. Российское общество, полиментальность и социальное согласие // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 98–102.
23. Семёнов И. Н. Развитие жизнедеятельности В. П. Зинченко и его психологии рефлексизирующего сознания и творческого акта // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 3. С. 5–11.
24. Степанова Н. А. Особенности понимания психологической свободы личности в подростковом, старшем школьном и студенческом возрасте // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 91–106. DOI: 10.17759/exrpsy.2020130107.

25. Шульга Т. И. Жизненные планы подростков как фактор профилактики девиантного поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 64–75. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-64-75.
26. Шульга Т.И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994. 42 с.
27. Apperly I. A. What is “theory of mind”? Concepts, cognitive processes and individual differences // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2012. Vol. 65. № 5. P. 825–839. DOI: 10.1080/17470218.2012.676055.
28. Diener E., Tay L. A Scientific Review of the Remarkable Benefits of Happiness or Successful and Healthy Living // *Happiness: Transforming the Development Landscape*. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies and GNH, 2017. P. 90–117.
29. O'Connor B. P., Crawford M. R., Holder M. D. An Item Response Theory Analysis of the Subjective Happiness Scale // *Social Indicators Research*. 2015. Vol. 124. № 1. P. 249–258. DOI:10.1007/s11205-014-0773-9.
30. Paulhus D. L., Carey J. M. The FAD-Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs // *Journal of Personality Assessment*. 2011. Vol. 93. № 1. P. 96–104. DOI: 10.1080/00223891.2010.528483.
31. Roemer L., Williston S., Rollins L. Mindfulness and Emotion Regulation // *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 3. P. 52–57. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.02.006.
32. Stewart C., Lawrence S., Burg M. A. Exploring the Relationship of personality characteristics and spirituality to empathy: Does spirituality add to our understanding? // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2019. Vol. 38. № 1. P. 3–20.
33. Vittersø J. The Feeling of Excellent Functioning: Hedonic and Eudaimonic Emotions // *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham: Springer, 2016. P. 253–276.
34. Zietz S., Hoop J., Handa S. The role of productive activities in the lives of adolescents: Photovoice evidence from Malawi // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 86. P. 246–255. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.01.031.

REFERENCES

1. Akopov G. V. *Kategoriya soznaniya v sovremennoj psihologii: izbrannye raboty, opublikovannye v 2003–2018 gg.* [The category of consciousness in modern psychology: selected works published in 2003–2018]. Samara, Porto-print Publ., 2019. 278 p.
2. Allahverdiv V. M. *Soznanie kak paradoks* [Consciousness as a paradox]. St. Petersburg, DNK Publ., 2000. 528 p.
3. Bratus' B. S. [Psychology and spirituality – two incompatible things?]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2019, vol. 16, no. 3, pp. 470–478. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-470-478.
4. Vygotskij L. S. *Sobranie sochinenij. T. 4. Pedologiya podrostka* [Collected works. Vol. 4. Pedology of a teenager]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984. 242 p.
5. Zinchenko V. P. [The worlds of consciousness and the structure of consciousness]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 1991, no. 2, pp. 15–36.
6. Zinchenko V. P. [From the flow to the structure of consciousness]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2009, vol. 6, no. 2, pp. 3–36. DOI: 10.17323/1813-8918-2009-2-3-36.
7. Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and a creative act]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010. 588 p.
8. Zinchenko V. P. [Consciousness as a subject and matter of psychology]. In: *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and history of psychology], 2006, vol. 1, no. 1, pp. 207–231.

9. Zinchenko V. P. [Values in the structure of consciousness]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2011, no. 8, pp. 85–97.
10. Karpov A. V. *Psihologiya soznaniya: metasisistemnyj podhod* [Psychology of consciousness: a metasytem approach]. Moscow, Publishing House of the Russian Academy of Education, 2011. 1020 p.
11. Kozlov V. V. *Psihologiya soznaniya: integrativnyj podhod* [Psychology of consciousness: an integrative approach]. Moscow, Psihoterapiya Publ., 2022. 274 p.
12. Kuz'mina E. I. [Freedom of creativity and determinism]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Bulletin of Saratov University. Series: Acmeology of education. Psychology of development], 2016, vol. 5, no. 1, pp. 21–34. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-1-21-34.
13. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1977. 304 p.
14. Osin E. N., Leont'ev D. A. [Brief Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 2020, no. 1 (155), pp. 117–142.
15. Mitina O. V., Leont'ev D. A., Aleksandrova L. A. [Awareness in the structure of self-regulation: the structure and psychodiagnostic possibilities of the methodology for assessing conscious presence]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2021, vol. 14, no. 76. Available at: <https://psystudy.ru> (accessed: 22.09.2022).
16. Mospan A. N., Leont'ev D. A. [Approbation and validation of the methodology of belief in freedom/determinism (FAD-PLUS) on the Russian sample]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 109–128. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-109-128.
17. Ozhiganova G. V. [Adaptation of the questionnaire “Spiritual personality” on the Russian-speaking sample]. In: *Ekspperimental'naya psihologiya* [Experimental psychology], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 160–176. DOI: 10.17759/exppsy.2019120413.
18. Ozhiganova G. V. *Duhovnaya lichnost'* [Spiritual personality]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2020. 288 p.
19. Ozhiganova G. V. *Duhovnye sposobnosti kak resurs zhiznedeyatel'nosti* [Spiritual abilities as a life resource]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2016. 281 p.
20. Osin E. N., Leont'ev D. A. [Brief Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 2020, no. 1, pp. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
21. Petrenko V. F., Suprun A. P. *Metodologicheskie peresecheniya psihosemantiki soznaniya i kvantovoj fiziki* [Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 377 p.
22. Semyonov V. E. [Russian society, polymentality and social consent]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, no. 4, pp. 98–102.
23. Semyonov I. N. [The development of V. P. Zinchenko's life and his psychology of reflective consciousness and a creative act]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2011, vol. 7, no. 3, pp. 5–11.
24. Stepanova N. A. [Features of understanding the psychological freedom of the individual in adolescence, senior school and student age]. In: *Ekspperimental'naya psihologiya* [Experimental psychology], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 91–106. DOI: 10.17759/exppsy.2020130107.
25. Shul'ga T. I. [Life plans of adolescents as a factor in preventing deviant behavior]. In: *Vestnik*

- Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2021, no. 3, pp. 64–75. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-64-75.
26. Shul'ga T. I. *Stanovlenie volevoj regulyacii v ontogeneze: avtoref. dis. ... dokt. psihol. nauk* [Formation of volitional regulation in ontogeny: abstract of Dr. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 1994. 42 p.
27. Apperly I. A. What is “theory of mind”? Concepts, cognitive processes and individual differences. In: *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2012, vol. 65, no. 5, pp. 825–839. DOI: 10.1080/17470218.2012.676055.
28. Diener E., Tay L. A Scientific Review of the Remarkable Benefits of Happiness or Successful and Healthy Living. In: *Happiness: Transforming the Development Landscape*. Thimphu, The Centre for Bhutan Studies and GNH Publ., 2017, pp. 90–117.
29. O'Connor B. P., Crawford M. R., Holder M. D. An Item Response Theory Analysis of the Subjective Happiness Scale. In: *Social Indicators Research*, 2015, vol. 124, no. 1, pp. 249–258. DOI: 10.1007/s11205-014-0773-9.
30. Paulhus D. L., Carey J. M. The FAD-Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs. In: *Journal of Personality Assessment*, 2011, vol. 93, no. 1, pp. 96–104. DOI: 10.1080/00223891.2010.528483.
31. Roemer L., Williston S., Rollins L. Mindfulness and Emotion Regulation. In: *Current Opinion in Psychology*, 2015, vol. 3, pp. 52–57. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.02.006.
32. Stewart C., Lawrence S., Burg M. A. Exploring the Relationship of personality characteristics and spirituality to empathy: Does spirituality add to our understanding? In: *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*, 2019, vol. 38, no. 1, pp. 3–20.
33. Vittersø J. The Feeling of Excellent Functioning: Hedonic and Eudaimonic Emotions. In: *Handbook of Eudaimonic Well-Being*. Cham, Springer Publ., 2016, pp. 253–276.
34. Zietz S., Hoop J., Handa S. The role of productive activities in the lives of adolescents: Photovoice evidence from Malawi. In: *Children and Youth Services Review*, 2018, vol. 86, pp. 246–255. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.01.031.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Наталья Алексеевна – кандидат психологических наук, педагог-психолог, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 1360, независимый исследователь;
e-mail: natalia0663@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-996X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Stepanova – Cand. Sci. (Psychology), Educational psychologist, Secondary School № 1360, an independent researcher;
e-mail: natalia0663@yandex.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-996X>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова Н. А. Методика изучения свободы человека: теоретическое обоснование интегративного подхода и психометрические показатели методики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 113–131.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-113-131

FOR CITATION

Stepanova N. A. Methods of studying human freedom: theoretical justification of the integrative approach and psychometric indicators of the methodology. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 113–131.

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-113-131

УДК 740

DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-132-145

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ О ПОМОГАЮЩИХ ФИГУРАХ

Чибисова М. Ю., Белая А. К.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В статье представлены результаты исследования, целью которого выступило изучение социальных представлений о помогающих фигурах с помощью метода семантического дифференциала у респондентов с различной выраженностью религиозной идентичности.

Процедура и методы. В качестве методов исследования использовались «Модель измерения ингрупповой идентификации» К. Лича и метод семантического дифференциала. Использовались также методы описательной статистики и методы аналитической статистики обработки данных (метод множественного сравнения – Н-критерий Краскела-Уоллиса).

Результаты. Изучена оценка помогающих фигур, таких как «Священнослужитель», «Родитель», «Друг/подруга», «Любимый человек», «Я-сам», лицами с высокой, средней и низкой выраженностью религиозной идентичности. Результаты, полученные методом семантического дифференциала, позволили построить психосемантические пространства и соотнести семантическую близость данных фигур. Не обнаружены семантические пересечения предложенных конструкторов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования дополняют теоретическую и практическую разработанность оказания психологической помощи православным.

Ключевые слова: социальные представления, метод семантического дифференциала, психосемантическое пространство, религиозная идентичность, психологическая помощь, психолог, помогающие фигуры

ORTHODOX BELIEVERS' REPRESENTATIONS ABOUT ASSISTANT FIGURES

M. Chibisova, A. Belaya

Moscow Pedagogical State University,

ul. Malaya Pirogovskaya, 1/1, Moscow, 119991, Russian Federation,

Abstract

Aim. The article presents the results of a research aimed at studying the social representations about assistant figures using the semantic differential method among respondents with different religious identity intensity.

Methodology. K. Leach's "Model of measuring the in-group identification" and the method of semantic differential were used as research methods. Descriptive statistics method and meth-

ods of analytical statistics of data processing (multiple comparison method of the H-test by Kruskal-Wallis) were also used.

Results. The evaluation of assistant figures such as “Priest”, “Parent”, “Friend”, “Beloved person”, “My-Self” by persons with high, medium and low religious identity intensity was studied. The results were obtained by the semantic differential method, which made it possible to draw psychosemantic spaces and correlate the semantic proximity of these figures. It was revealed that semantic intersections of the proposed constructs were not found.

Research implications. Research data deepen the theoretical and practical elaboration of providing psychological assistance to the Orthodox believers.

Keywords: social representations, semantic differential method, psychosemantic space, religious identity, psychological assistance, psychologist, assistant figures

Введение

В связи с разработкой и активным обсуждением выхода законопроекта о психологической помощи на территории РФ¹ психологическое консультирование и разговорная психотерапия постепенно обретают необходимую регламентацию на социальном и государственном уровнях, что актуализирует вопрос о представлениях россиян как потенциальных клиентов о помогающих фигурах, в частности – о фигуре психолога. Особый интерес в этом смысле представляют православные.

Данная постановка вопроса интересна тем, что длительное отсутствие самостоятельной фигуры психолога как специалиста в области решения психологических трудностей породило путаницу в понимании различий задач специалистов помогающих профессий. Например, ранее священнослужитель, помимо обязанностей, касающихся строго его профессиональной направленности, нёс функцию оказания психологической помощи. Вместе с тем, сегодня, согласно социологическим опросам², россияне до сих

пор редко обращаются за помощью к психологу, а всё чаще – к родственникам, друзьям и любимым людям, или же предпочитают решать жизненные трудности самостоятельно. Причём психолог и священнослужитель разделяют позицию помогающего человека – всего 3% опрошенных россиян обращаются за помощью к ним.

В отечественной науке особенности консультирования религиозных лиц, исповедующих православие, представлены в работах Л. Ф. Шеховцовой [13], С. А. Черняевой [11]; исследование ожиданий от работы с психологом у лиц различных этно-религиозных групп представлено у О. С. Андреевой и И. С. Меркуловой [2]; изучены способы совладания в трудных жизненных ситуациях религиозными лицами в работах Ю. П. Тобалова [10] и И. М. Шмелева [14]. В отечественной психологической литературе достаточно широко освещена специфика консультирования мусульман в работах С. В. Забелина [4], О. С. Павловой [6], Ф. Ф. Яхина [15], однако наблюдается дефицит исследований представлений православных о психологической помощи.

¹ Проект закона о психологической помощи [Электронный ресурс]. URL: <http://psyus.ru/kontseptsii/proekt-zakona> (дата обращения: 22.09.2022).

² К кому обращаются россияне в непростых жизненных ситуациях? [Электронный ре-

сурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/psikhologi-sredinas-2020> (дата обращения: 22.09.2022).

Методы исследования

В качестве методов исследования мы использовали «Модель измерения ингрупповой идентификации» К. Лича [16] и метод семантического дифференциала как проективной техники выявления эмоционального компонента и субъективных смыслов представлений [12]. Также нами использовались методы описательной статистики и методы аналитической статистики обработки данных (метод множественного сравнения – Н-критерий Краскала-Уоллиса) [5].

Описание выборки. В исследовании приняло участие 104 русских респондента в возрасте от 20 до 60 лет, средний возраст которых – 33 года: n мужчин = 31 (30%); n женщин = 73 (70%).

Среди них: 6% имеют высшее образование (подготовка кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)); 51% имеют высшее образование – специалитет или магистратуру; 22% имеют высшее образование – бакалавриат; 7% имеют неполное высшее образование; 10% имеют среднее профессиональное образование; 5% имеют среднее общее образование.

На вопрос «Обращались ли Вы за помощью к психологу?» 42% ответили «Нет» и 58% ответили «Да». Среди них: 12 респондентов посетили психолога 1 раз; 17 респондентов посетили от 1 до 6 сессий; 8 респондентов – от 6 до 12 сессий; 4 респондента посещают психолога в течение продолжительного времени – до полугода; 4 респондента – более полугода; 15 респондентов – более года.

В нашем исследовании участвовали только представители православной христианской конфессии, а религиозная идентичность личности рассматривалась как единый конструкт с различными полюсами выраженности – низкой и высокой.

Деление респондентов на группы происходило в два этапа: – субъективная оценка респондентами себя как религиозных (православных) и нерелигиозных (как атеист, агностик, спиритуализм, др.); – оценка степени выраженности религиозной идентичности по методике измерения ингрупповой идентификации К. Лича (показатель Н- критерия Краскала-Уоллиса среди трёх групп респондентов – 0,00), позволившая разделить выборку на три группы:

1. Респонденты с высокой выраженностью религиозной идентичности (n=46) – воцерковлённые православные, соблюдающие религиозные правила и ведущие религиозный образ жизни, имеющие высокие показатели по методике ингрупповой идентификации.

2. Респонденты со средней выраженностью религиозной идентичности (n=30) – люди, субъективно относящие себя к православному вероисповеданию и считающие себя верующими, но при этом не воцерковлённые и имеющие средние показатели по методике ингрупповой идентификации.

3. Респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности (n = 28) – респонденты, идентифицирующие себя как неверующие и не относящие себя к православной традиции, имеющие низкие показатели по методике ингрупповой идентификации.

В рамках пилотажного исследования в ходе глубинного интервью мы

уточняли, к кому православные респонденты обращаются за психологической помощью. По итогам анализа интервью были выделены следующие помогающие фигуры: «Психолог», «Священнослужитель», «Родитель», «Друг/подруга», «Любимый человек». В данный перечень входят как фигуры, отношения которых с респондентами строятся на межличностных и родственных связях (друг, любимый человек, родитель), так и фигуры, оказывающие профессиональную помощь (психолог, священнослужитель). Мы также включили конструкт «Я-сам», чтобы рассмотреть, какие из помогающих фигур респонденты оценивают как наиболее семантически близкие.

Метод семантического дифференциала позволил нам выявить представления трёх групп респондентов о предложенных фигурах: «Психолог», «Священнослужитель», «Родитель», «Друг/подруга», «Любимый человек», «Я-сам».

Как отмечает И. В. Бовина, семантический дифференциал является одним из ведущих методов при анализе социальных представлений [3], предоставляя инструментарий для выявления социальных установок и личностных смыслов, позволяя реконструировать субъективную картину мира и, следовательно, изучить пространство индивидуальных значений респондента.

Это метод изучения коннотативных значений, т. е. личностного смысла, который в отечественной традиции лежит в основе прикладных исследований социальных представлений [1; 8; 9]. В рамках разработанной В. Ф. Петренко и его коллегами исследовательской базы по методу психосемантического дифференциала

авторы отмечают, что «психосемантический подход наиболее востребован, когда речь идёт об исследованиях коллективных представлений, позволяя выявлять глубинные установки и стереотипы, которые плохо отрефлексированы или скрываются по причине социальной желательности/нежелательности, а потому с трудом поддаются диагностике»¹.

В рамках нашего исследования в фактор «Оценка» вошли следующие признаки, предложенные Ч. Осгудом в адаптации русскоязычной версии В. Ф. Петренко [7]: «весёлый–грустный», «хороший–плохой», «полный–пустой», «светлый–тёмный»; в фактор «Сила»: признаки «длинный–короткий», «большой–малый», «сильный–слабый», «сложный–простой»; в фактор «Активность»: признаки «новый–старый», «тёплый–холодный», «быстрый–медленный», «активный–пассивный».

Результаты оригинального авторского исследования

Рассмотрим результаты, полученные нами при проведении методики «Семантического дифференциала».

В табл. 1 представлены средние показатели по каждой шкале среди трёх групп испытуемых.

Расчёт значимости различий проводился с помощью Н-критерия Краскала-Уоллиса (см. табл. 2). Статистически значимые различия среди трёх групп респондентов вы-

¹ Психология сознания и психосемантика (научно-исследовательская работа) [Электронный ресурс] / Н. Ю. Гладких, В. В. Кучеренко, Т. И. Менчук, А. П. Супрун. URL: <https://istina.msu.ru/projects/11675913> (дата обращения: 22.09.2022).

Таблица 1 / Table 1

Средние показатели шкал Семантического дифференциала респондентов с различной выраженностью религиозной идентичности / Scales average scores of Semantic Differential method of respondents with different religious identity intensity

Понятия	Респонденты с высокой выраженностью религиозной идентичности			Респонденты со средней выраженностью религиозной идентичности			Респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности		
	Оценка	Сила	Активность	Оценка	Сила	Активность	Оценка	Сила	Активность
«Психолог»	2,98	3,35	3,48	3,09	3,26	3,7	2,8	3,3	3,25
«Священнослужитель»	2,29	3,21	3,4	3,17	3,38	4,01	3,8	3,99	4,93
«Я-сам»	3,22	3,49	3,5	3,48	3,4	3,52	2,9	3,25	3,42
«Друг/подруга»	2,48	3,34	3,26	2,85	3,58	3,52	2,65	3,36	3,5
«Родитель»	2,65	3,23	3,29	3,09	3,18	3,44	3,15	3,5	3,8
«Любимый человек»	2,37	3,21	3,17	3,01	3,29	3,4	2,31	2,94	3,21

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Показатель Н-критерия Краскела-Уоллеса среди трёх групп по категориям семантического дифференциала / Kruskal-Wallace's H test score among three groups by semantic differential method categories

	Оценка	Сила	Активность
«Психолог»	0,613	0,585	0,163
«Священнослужитель»	0,000*	0,008*	0,000*
«Я-сам»	0,056	0,391	0,908
«Друг/Подруга»	0,412	0,917	0,318
«Родитель»	0,188	0,449	0,161
«Любимый человек»	0,039*	0,377	0,735

Источник: данные авторов.

явлены по следующим категориям: «священнослужитель» (по шкалам «Оценка», «Сила», «Активность») и «Любимый человек» (по шкале «Оценка»). Уровень значимости равен 0,050 (нулевая гипотеза принимается) (см. табл. 2).

Для наглядности нами были построены психосемантические пространства в виде точечных графиков для каждой группы респондентов, качественный анализ которых позволил нам соотнести семантическую близость предложенных фигур и эмоциональный компонент отношения.

Анализ эмоционального компонента представлений о помогающих фигурах среди трех групп испытуемых в аспекте соотношения параметров «Сила», «Оценка», «Активность». Рассмотрим психосемантическое пространство в аспекте соотношения параметров «Сила» и «Активность» среди трёх групп респондентов (рис. 1).

Православные *с высокой выраженностью религиозной идентичности* наиболее позитивно оценивают фигуру «Любимого человека», далее – «Друга», «Родителя», «Священнослужителя». Ниже всего оценена категория «Я-сам», т. е. можно предположить, что другие воспринимаются более сильными и активными, чем Я-сам, что говорит о предпочтении обращаться за помощью к другому лицу.

Для православных *со средней выраженностью религиозной идентичности*

по эмоциональному компоненту наиболее позитивно оценена фигуры «Любимый человек», «Родитель», а ниже всего – «Священнослужитель». Это указывает на то, что не воцерковлённые православные воспринимают фигуру священнослужителя как более слабую, чем воцерковлённые люди, хотя его общая оценка положительная. Можно предположить, что для них образ священнослужителя менее авторитетный.

У респондентов *с низкой выраженностью религиозной идентичности* наиболее позитивно оценены фигуры «Психолог», «Любимый человек», «Я-сам», «Друг», ниже оценена фигура «Родителя», и наиболее негативно – «Священнослужителя», т. е. можно предположить, что среди респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности намечается тенденция восприятия

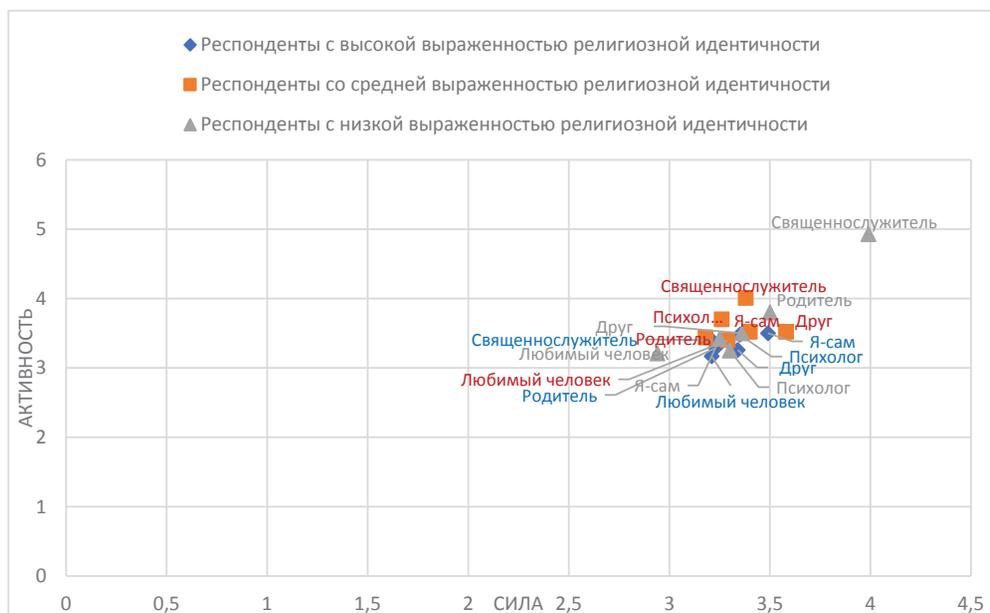

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение групп респондентов по параметрам «Сила – Активность» / Comparison of respondents groups according to the parameters “Strength – Activity”

традиционно авторитетных фигур «Родителя» и «Священнослужителя» более слабыми и пассивными, наиболее ярко это выражено в восприятии последней фигуры. Психолог воспринимается как сильный и активный, что, возможно, способствует появлению большего доверия к нему.

Нами получены статистически значимые различия (0,008; 0,000) в оценке фигуры «Священнослужителя» по параметру «Сила» и «Активность»: она наиболее позитивно оценена у

респондентов с высокой выраженностью религиозной идентичности (3,99–4,93), ниже – у респондентов со средней выраженностью религиозной идентичности (3,38–4,01); наиболее негативно – у респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности (3,21–3,4), что подтверждает описанный выше анализ.

Далее рассмотрим психосемантическое пространство в аспекте соотношения параметров «Сила» и «Оценка» среди трёх групп респондентов (рис. 2).

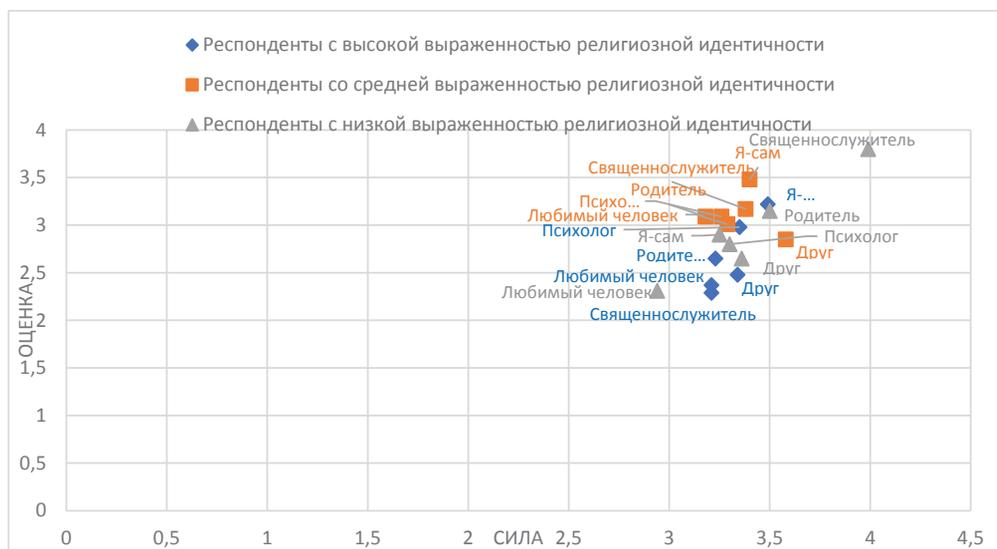

Рис. 2 / Fig. 2. Сравнение групп респондентов по параметрам «Сила – Оценка» / Comparison of respondents groups according to the parameters “Strength – Evaluation”

В аспекте соотношения параметров «Сила» и «Оценка» видно, что православные с высокой выраженностью религиозной идентичности наиболее высоко оценивают «Священнослужителя» и «Любимого человека» и ниже всего – «Я-сам». Фигура «Священнослужителя» оценивается ими как сильная, утвердительная.

Православные со средней вы-

раженности наиболее позитивно оценивают категорию «друг». Ниже – категории «Любимый человек», «Психолог», «Родитель», «Священнослужитель». Наиболее низко – категория «Я-сам». Здесь, скорее, замечается тенденция оценивать «Священнослужителя» и фигуры «Я-сам» менее высоко, хотя показатели оценки находятся в положительном полюсе.

Респонденты с **низкой выраженностью религиозной идентичности** в аспекте соотношения параметров «Сила» и «Оценка» наиболее позитивно оценивают фигуру «Любимого человека», а наиболее негативно – фигуру «священнослужителя». Стоит также отметить, что здесь мы наблюдаем тенденцию воспринимать «Священнослужителя» более негативно, хотя сам показатель оценки находится в положительном полюсе.

Категории «Любимый человек» и «Священнослужитель» имеют статистически значимые различия по параметру «Оценка» среди трёх групп. Респонденты со высокой и низкой выраженностью религиозной идентичности позитивнее оценивают категорию «Любимый человек» в сравнении с респондентами со средней выраженностью религиозной идентичности. Категория «Священнослужитель» наиболее позитивно оценена респондентами с высокой выраженностью религиозной идентичности и наиболее негативно – респондентами с низкой выраженностью религиозной идентичности.

Респонденты с высокой выраженностью религиозной идентичности и наиболее негативно – респондентами с низкой выраженностью религиозной идентичности.

Далее рассмотрим семантическое пространство среди трех групп респондентов в аспекте соотношения параметров «Оценка» и «Активность» (рис. 3).

Православные с **высокой выраженностью религиозной идентичности** по параметру «Оценка» наиболее позитивно оценили категории «Священнослужитель», далее – «Любимый человек», «Друг», «Родитель», ниже – «Психолог», и наиболее низко – «Я-сам», т. е. образ «Священнослужителя» наделяется положительным эмоциональным отношением, а восприятие самого себя более сдержанно по данному компоненту.

Православные со **средней выраженностью религиозной идентичности**

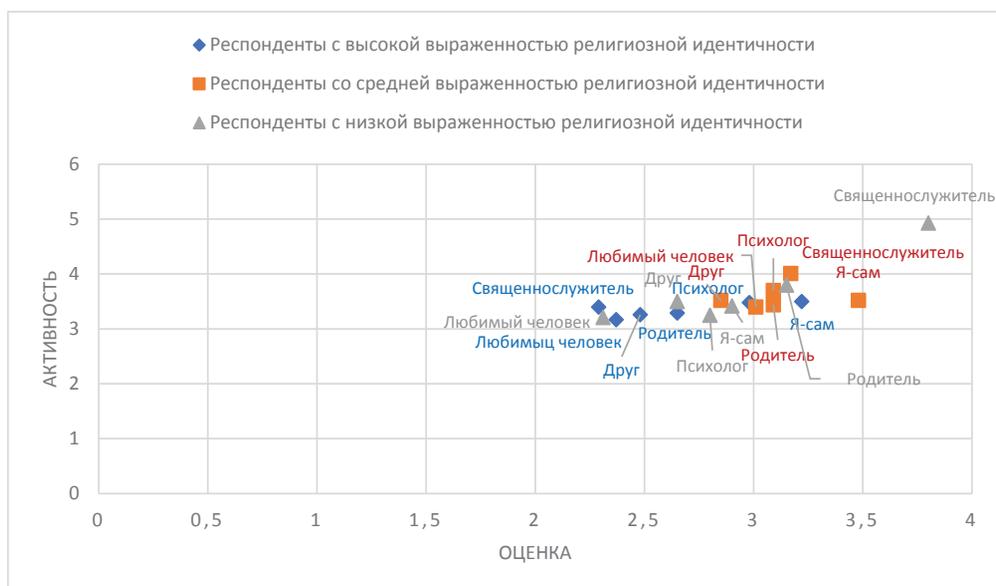

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнение групп респондентов по параметрам «Оценка – Активность» / Comparison of respondents groups according to the parameters “Evaluation – Activity”

наиболее позитивно оценили категорию «Друг/Подруга», и наименее позитивно – «Я-сам», хотя в целом оценки всех фигур находится в положительном полюсе.

У респондентов с *низкой выраженностью религиозной идентичности* наиболее позитивно оценён конструкт «Любимый человек» (0,039), а наиболее негативно – категория «Священнослужитель» (0,000). Образ «Священнослужителя» наделяется негативной эмоциональной оценкой.

Следует отметить, что респондентами трёх групп наиболее позитивно воспринимаются помогающие фигуры, с которыми респондентов связывают личностные отношения, а помогающие фигуры профессиональной группы оцениваются как менее значимые, но в позитивном ключе.

Анализ семантической близости помогающих фигур среди трёх групп испытуемых в психометрических пространствах

Далее мы рассчитали расстояния в пространстве между следующими конструктами для всех групп по следующей формуле (см. табл. 3):

$$R = \sqrt{(X_2 - X_1)^2 + (Y_2 - Y_1)^2 + (Z_2 - Z_1)^2}$$

У *православных с высокой выраженностью религиозной идентичности* наиболее семантически близко расположены конструкты «Психолог» – «Я-сам» и наиболее отдалённо в пространстве «Психолог» – «Священнослужитель». Данные показатели говорят о том, что фигура «Психолога» воспринимается православными как лично-близкая, а роли и задачи «Психолога» и «Священнослужителя» не отождествляются.

При этом на примере психосемантических пространств видно, что «Священнослужитель» располагает семантически близко к понятию

Таблица 3 / Таблица 3

Показатель расстояния в пространстве между конструктами методики Семантического дифференциала / Distance space index between constructs of the Semantic Differential methodology

Семантические конструкты	Респонденты с высокой выраженностью религиозной идентичности	Респонденты со средней выраженностью религиозной идентичности	Респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности
«Психолог» – «Священнослужитель»	0,7	0,341	2,073
«Психолог» – «Я сам»	0,278	0,451	0,203
«Психолог» – «Друг/Подруга»	0,546	0,438	0,297
«Психолог» – «Родитель»	0,399	0,272	0,68
«Психолог» – «Любимый человек»	0,698	0,311	0,609

Источник: данные авторов.

«Родитель» и «Любимый человек». Это может говорить о том, что православные с высокой выраженностью религиозной идентичности наделяют священнослужителя комплексом аффективных переживаний, установок, ожиданий и проч., связанных с родительской фигурой и фигурой любимого (близкого) человека. Например, таких как неравенство позиций, уважение, авторитет, забота, наказание, потребность в эмоциональной близости и прочее.

Среди православных *со средней выраженностью религиозной идентичности* наиболее близко в семантическом пространстве располагаются конструкты «Психолог» – «Родитель». Это говорит о том, что респонденты со средней выраженностью религиозной идентичности фигуру «Психолога» воспринимают по аналогии с фигурой «Родителя» и вытекающим из этого комплексом переживаний.

Психосемантическое пространство иллюстрирует, что категории «Психолог» и «Священнослужитель» отдалены как друг от друга, так и от других категорий в семантическом пространстве, т. е. для данной группы респондентов профессиональные позиции «психолога» и «священнослужителя» как представителей профессии семантически дифференцированы между собой и не отождествляются с лицами, с кем респонденты состоят в межличностных и родственных отношениях.

У респондентов с *низкой выраженностью религиозной идентичности* категории «Психолог» – «Я-сам» и «Психолог» – «Друг/Подруга» рассматриваются как наиболее семантически близкие. Это говорит о том,

что респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности фигуру «Психолога» воспринимают личностно-значимо и более равноправно. При этом у данной группы респондентов конструкты «Психолог» – «Священнослужитель» имеют наибольшую удалённость в семантическом пространстве друг от друга, т. е. также не отождествляются. Категория «Священнослужитель» значимо отдалена в семантическом пространстве от других фигур, т. е. воспринимается наиболее чуждой для данной группы.

Обсуждение результатов

Содержание представлений о помогающих фигурах характеризуется следующими тенденциями:

– респонденты трёх групп наиболее высоко оценивают помогающие фигуры, с которыми их связывают личностные отношения («Любимый человек», «Друг»), а помогающие фигуры профессиональной группы оцениваются как менее значимые, но в позитивном ключе;

– фигура «Психолога» достаточно удалена от образа «Священнослужителя» среди трёх групп, т. е. семантически дифференцирована. Данные ролевые позиции не пересекаются среди респондентов с различной выраженностью религиозной идентичности;

– фигура «Психолога» для всех трёх групп не идентифицируется с фигурами «Друга/Подруги», «Любимого человека», «Священнослужителя», «Родителя и фигурой «Я-сам». Данные результаты позволяют нам предположить, что фигура «Психолога» семантически самостоятельна: имеет своё смысловое наполнение и не переключается

кается с прочими изученными конструктами;

– «Священнослужитель» как помогающая фигура воспринимается как наиболее чуждый для респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности. Можно предположить, что функция психологической помощи ему приписывается в наименьшей степени;

– для православных с высокой выраженностью религиозной идентичности фигура «Священнослужителя» имеет высокую ценность, наделяется комплексом позитивных аффективных переживаний, в силу чего можно предположить, что данная фигура является значимой и ей может приписываться функция психологической помощи;

– среди православных с **высокой и средней выраженностью религиозной идентичностью** присутствует тенденция более негативно оценивать конструкт «Я-сам», что может говорить о большей возможности обращения за помощью к другим в трудных жизненных ситуациях;

– не воцерковлённые православные (респонденты со средней выраженностью религиозной идентичности) оценивают фигуру «Священнослужителя» более негативно, что может говорить о том, что данная фигура для них менее утвердительная и значимая, чем для воцерковлённых православных;

– у респондентов с **высокой и низкой выраженностью религиозной идентичности** конструкты «Психолог» – «Я-сам» расположены семантически близко в пространстве, что позволяет нам предположить личностно-значимое восприятие данной фигуры, что позволяет нам предположить возможность обращения за помощью к психологу;

– воцерковлённые православные оценивают авторитетные и родительские фигуры выше по параметру «Сила», чем невоцерковленные православные и респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности. Это может говорить в целом о значимости авторитетных фигур в жизни православных.

Заключение

Таким образом, представления о помогающих фигурах у лиц с различной выраженностью религиозной идентичности характеризуются позитивной оценкой фигуры психолога, которая дифференцируется от прочих референтных лиц, т. е. психолог не уподобляется ни другу, ни священнослужителю, ни родителю, ни любимому человеку.

При этом более значимыми являются помогающие фигуры, с которыми респонденты находятся в личностных отношениях, нежели помогающие фигуры профессиональной группы.

Фигуры психолога и священнослужителя семантически не отождествляются респондентами трёх групп, т. е. нет семантического пересечения по профессиональной линии. Максимальное противопоставление фигуры психолога фигуре священнослужителя обнаруживается у респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности.

Респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности фигуру священнослужителя также оценивают наиболее негативно. Это может говорить о том, что функцию психологической помощи для респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности выполняет исключи-

тельно психолог как светская фигура, а также о том, что фигура священно-служителя не включается в значимое семантическое пространство.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова О. В., Дзукаева В. П., Садовникова Т. Ю. Использование метода семантического дифференциала в исследовании представлений юношей и девушек о семье // Знание. Понимание. Умение. Проблемы педагогики и психологии. 2015. № 2. С. 277–290.
2. Андреева О. С., Меркулова И. С. Ожидания от работы с психологом у клиенток разных этно-религиозных групп // Концепт. 2015. Т. 37. С. 86–90.
3. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны / Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25.
4. Забелин С. В., Забелина Е. Н. Специфика работы психолога с клиентами иной этнической и религиозной идентичности: американский опыт // Ислам: личность и общество. 2020. Т. 13. № 1. С. 196–216.
5. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. 3-е изд. СПб.: Речь, 2008. 390 с.
6. Павлова О. С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 46–55.
7. Петренко В. Ф. Психосоматика сознания. М.: Издательство Московского университета, 1988. 208 с.
8. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 16. № 3. С. 27–40.
9. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 12. № 3. С. 118–128.
10. Тобалов Ю. П. Совладение с трудными жизненными ситуациями у верующих: на материале православных христиан и мусульман: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 192 с.
11. Черняева С. А. Психологическое консультирование религиозных клиентов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 98. С. 237–242.
12. Шелестюк Е. В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов // Языковое бытие человека и этноса. 2009. № 15. С. 329–333.
13. Шеховцова Л. Ф. Особенности православной психотерапии и консультирования // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Т. 17. № 3. С. 97–118.
14. Шмелев И. М. Соотношение типов религиозности и способов разрешения трудных жизненных ситуаций: дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 228 с.
15. Яхин Ф. Ф. Теоретические основы оказания религиозно ориентированной психологической помощи: российский исламский дискурс // Minbar. Islamic Studies. 2018. Vol. 11. № 3. P. 667–678.
16. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S. Group-level self-definition and self-Investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165.

REFERENCES

1. Almazova O. V., Dzukaeva V. P., Sadovnikova T. Yu. [The use of the semantic differential method in the study of ideas of boys and girls about the family]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie. Problemy pedagogiki i psikhologii* [Knowledge. Understanding. Skill. Problems of Pedagogy and Psychology], 2015, no. 2, pp. 277–290.
2. Andreeva O. S., Merkulova I. S. [Expectations from working with a psychologist among clients of different ethno-religious groups]. In: *Koncept* [Concept], 2015, no. 37, pp. 86–90.
3. Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Mel'nikova D. V., Lavreshkin N. V. [On the issue of the study of social representations: a view from the outside]. In: *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2022, vol. 13, no. 3, pp. 8–25.
4. Zabelin S. V., Zabelina E. N. [The specifics of the work of a psychologist with clients of a different ethnic and religious identity: the American experience]. In: *Islam: lichnost' i obshchestvo* [Islam: personality and society], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 196–216.
5. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psichologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2008. 390 p.
6. Pavlova O. S. [Psychological counseling of Muslims: analysis of foreign sources]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2018, vol. 7, no. 4, pp. 46–55.
7. Petrenko V. F. *Psichosomatika soznaniya* [Psychosomatics of consciousness]. Moscow, Moscow University Press, 1988. 208 p.
8. Petrenko V. F., Mitina O. V. [Psychosemantic analysis of the political mentality of society]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2015, vol. 16, no. 3, pp. 27–40.
9. Sikevich Z. V. [Method of semantic differential in sociological research (application experience)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 118–128.
10. Tobalov Yu. P. *Sovladienie s trudnymi zhiznennymi situatsiyami u veruyushchih: na materiale pravoslavnykh hristian i musul'man: dis. ... kand. psichol. nauk* [Co-management with difficult life situations among believers: on the material of Orthodox Christians and Muslims: Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Moscow, 2004. 192 p.
11. Chernyaeva S. A. [Psychological counseling of religious clients]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, no. 98, pp. 237–242.
12. Shelestyuk E. V. [Semantic differential as a way to identify the inspiring influence of texts]. In: *Yazykovoie bytie cheloveka i etnosa* [Linguistic life of a person and ethnos], 2009, no. 15, pp. 329–333.
13. Shekhovcova L. F. [Features of Orthodox psychotherapy and counseling]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2009, vol. 17, no. 3, pp. 97–118.
14. Shmelev I. M. *Sootnoshenie tipov religioznosti i sposobov razresheniya trudnykh zhiznennykh situatsij: dis. ... kand. psichol. nauk* [Correlation of types of religiosity and ways of resolving difficult life situations: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2017. 228 p.
15. Yahin F. F. [Theoretical foundations for the provision of religiously oriented psychological assistance: Russian Islamic discourse]. In: *Minbar. Islamic Studies*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 667–678.
16. Leach C. W., van Zomeren M., Zebl S. Group-level self-definition and self-Investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, vol. 95, no. 1, pp. 144–165.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чибисова Марина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: marina_jurievna@mail.ru

Белая Анна Константиновна – аспирант кафедры социальной педагогики и психологии Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: annabel.aya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1779-5351;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina Yu. Chibisova – Cand. Sci. (Psychology), Chair of Social Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: marina_jurievna@mail.ru

Anna K. Belaia – Postgraduate Student (Psychology), Chair of Social Pedagogy and Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: annabel.aya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1779-5351

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чибисова М. Ю., Белая А. К. Представления православных о помогающих фигурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 4. С. 132–145.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-132-145

FOR CITATION

Chibisova M. Yu., Belaya A. K. Orthodox believers' representations about assistant figures In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. 132–145.
DOI: 10.18384/2310-7235-2022-4-132-145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА УЧЕНИЯ / Е. Д. БОЖОВИЧ, А. С. БУГА, Г. А. ВАЙЗЕР, О. А. МОСКВИТИНА, С. В. ПЕРСИЯНОВА, Т. Г. РАЕВСКАЯ, О. Д. ЧЕРКАСОВА, А. С. ШАПОВАЛ; ПОД РЕД. Е. Д. БОЖОВИЧ. М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2020. 368 С., ИЛ.

Шульга Т. И.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская
Федерация*

BOOK REVIEW: PERSONAL FACTORS OF THE SUBJECT OF THE DOCTRINE DEVELOPMENT / E.D. BOZHOVICH, A.S. BUGA, G.A. VAYSER, O.A. MOSKMITINA, S.V. PERSIYANOVA, T.G. RAEVSKAYA, O.D. CHERKASOVA, A.S. SHAPOVAL / ED. BY E.D. BOZHOVICH, M.; SPB.: NESTOR-ISTORIYA, 2020. 368 P., ILL.

T. Shulga

*Moscow Region State University
24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Книга авторского коллектива: Е. Д. Божович, А. С. Буга, Г. А. Вайзер, О. А. Москвитина, С. В. Персиянова, Т. Г. Раевской, О. Д. Черкасовой, А. С. Шаповал посвящена изучению соотношения позиции субъекта учения и личностных факторов её развития у учащихся (школьников и студентов). Особенностью исследования является возможность показать, имеют ли место связи между двумя сторонами развития человека – его личностью и субъектной позицией в познавательной деятельности. Изучение данной проблемы позволяет рассмотреть в несколько новом ракурсе дискуссионный в настоящее время вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность».

Представленная книга (монография) имеет две взаимосвязанные части. Первая часть раскрывает «Общепсихологические и методологические проблемы связей позиции субъекта учения с личностными особенностями учащихся». Она посвящена теоретическим вопросам темы представленного полномасштабного исследования, а также связям позиции субъекта учения с такими сложными психологическими образованиями, как самоотношение в составе Я-концепции, личностное и профессиональное самоопределение и самоидентификация, копинг-стратегии и формы защитного поведения.

Вторая часть «Личностные факторы позиции субъекта учения в конкретных видах деятельности» посвящена проявлениям субъективности в «связке» с личностными факторами познавательной деятельности – решением нестандартных предметных задач и чтения.

Всего в книге 12 глав, каждая из которых подробно описывает проведенное фундаментальное экспериментальное исследование и полученные его новые научные данные.

На наш взгляд, наиболее интересный экспериментальный материал представлен в главах 6, 7, 8 под названием «Отношение к нестандартным задачам как аспект когнитивного компонента позиции субъекта учения у школьников». Авторами выявлено, что отношение проявляется не только в когнитивных процессах, но и в эмоциях испытуемых, возникающих в процессе поиска решения, и их личностных суждениях о задаче.

В исследованиях, выполненных под руководством Е. Д. Божович, показано, что в процессе учения у школьников

формируются отдельные компоненты и целостная позиция субъекта учения, в результате появляется способ учебной работы как психологическое новообразование, отражающее процесс усвоения учебных предметов. Исследования авторов книги выявили, что специфические особенности способностей, которые сложились у школьников при решении стандартных и нестандартных задач, определяют их поиск. Стандартные задачи и их решение опираются на стереотипы субъектного опыта, которые могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на формирование способов учебной работы при переходе от стандартных задач к нестандартным. Именно при поиске способа решения нестандартных задач происходит развитие (микроразвитие когнитивного компонента) субъектной позиции школьника. При этом развивается и отношение к способам решения нестандартных задач и эмоциональное их восприятие. Отношение как психологический феномен невозможно ограничить когнитивным содержанием, это личностный фактор, который включается в «ткань» когнитивных процессов как новый способ решения нестандартной задачи. Открытие школьниками нового способа решения включает не только знания, но и жизненный опыт, интуицию, реализацию метода проб и ошибок. Нередко у школьников могут возникать сомнения, неуверенность, противоречивые переживания, эмоционально-оценочное отношение к нестандартным задачам – доказательства того, что это личностный фактор.

В книге представлены личностные факторы развития позиций субъекта учения, субъекта чтения и позиции чи-

тателя. В главе 10 авторы рассматривают позицию субъекта учения применительно к чтению и выделяют культурную, регуляторную и личностно-смысловую позиции. При этом подчёркивается многозначность понятия «чтение»: неправильное понимание термина может приводить к смешению его «инструментального» и «духовного» аспектов, и поэтому авторы вводят термины «субъект чтения» и «читатель». Выделена новая ситуация чтения в современном социокультурном пространстве, которая выполняет культурную миссию – «связывает» людей при помощи текста и предлагает культурные модели поведения, ценности и идентичности.

Особо выделена новая ситуация чтения – цифровое измерение, которое требует расширения понятия «грамотность» – цифровая грамотность и

грамотность чтения, умение читать электронные тексты.

В книге представлен ряд наиболее важных методик для изучения способов учения и позиции субъекта учения, которыми могут воспользоваться практики.

Таким образом, перед нами фундаментальное исследование личностных факторов развития позиции субъекта учения. Обсуждаются понятия «личность», «субъект», «субъектность», «позиция субъекта учения», которые рассматриваются во всех возрастных категориях – от дошкольников до студентов.

Книга будет полезна для студентов, аспирантов, преподавателей, которые могут использовать данный материал для ознакомления с новыми исследованиями в области фундаментальных наук по психологии, педагогике.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social Psychology, Moscow Regional State University;
e-mail: shulgatiana@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульга Т. И. Рецензия на книгу: Личностные факторы развития субъекта учения / Е. Д. Божович, А. С. Буга, Г. А. Вайзер, О. А. Москвитина, С. В. Персиянова, Т. Г. Раевская, О. Д. Черкасова, А. С. Шаповал; под ред. Е. Д. Божович. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 368 с., ил. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. №4. С. ??-??.

FOR CITATION

Shulga T. I. Review on «Personal factors of the subject of the doctrine development» / E. D. Bozhovich, A. S. Buga, G. A. Vayser, O. A. Moskvitina, S. V. Persiyanova, T. G. Raevskaya, O. D. Cherkasova, A. S. Shapoval / ed. by E. D. Bozhovich. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 368 p., ill. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 4, pp. ??-??.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчики Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:

www.psymgou.ru;

www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 9,3.

Подписано в печать: 30.11.2022. Выход в свет: 27.01.2023. Заказ № 2022/11-13.

Отпечатано в типографии МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А